

W. J. Johnson (Sen.)

Владимир Ильич Ленин (Ульянов)
Полное собрание сочинений. Том 1. 1893–1894
Серия «Полное собрание
сочинений в 55-ти томах», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083486
Полное собрание сочинений: Издательство политической литературы; Москва; 1967

Аннотация

В первый том входят произведения, написанные В. И. Лениным в 1893–1894 годах, – в начальный период его революционной деятельности.

Содержание

Предисловие к полному собранию сочинений	5
Предисловие к первому тому	11
1893 г.	16
Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова – «Южно-русское крестьянское хозяйство» {1}	16
I	16
II	19
III	28
IV	35
V	49
По поводу так называемого вопроса о рынках {14}	52
I	52
II	53
III	56
IV	59
V	62
VI	67
VII	71
VIII	79
1894 г.	82
Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал- демократов? (Ответ на статьи «русского богатства» против марксистов) {20}	82
Выпуск I	82
Конец ознакомительного фрагмента.	103
Комментарии	

Ленин
Полное собрание сочинений
Том 1
1893–1894

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Издание пятое

Предисловие к полному собранию сочинений

По постановлению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС выпускает полное собрание Сочинений В. И. Ленина в 55 томах.

Первое издание Сочинений В. И. Ленина было выпущено по постановлению IX съезда партии в период с 1920 по 1926 год в количестве 20 томов. Всего вышло 26 книг (6 томов состояли из 2 частей), в которых напечатано свыше 1500 произведений В. И. Ленина. Первое издание Сочинений В. И. Ленина было далеко не полным; в него не были включены многие ленинские статьи из газет «Искра», «Пролетарий», «Правда», опубликованные без подписей или под псевдонимами, так как принадлежность их Ленину тогда еще не была установлена; не вошли также и другие работы и письма Ленина.

Второе и одинаковое с ним по содержанию третье издания Сочинений были выпущены по постановлению II съезда Советов СССР и XIII съезда партии в период с 1925 по 1932 год. Каждое из этих изданий состоит из 30 томов. В них вошло свыше 2700 произведений В. И. Ленина. Но второе и третье издания Сочинений также были не полными.

Четвертое издание Сочинений В. И. Ленина вышло по постановлению ЦК партии в 1941, 1946–1950 годах. Оно состоит из 35 томов (в том числе два тома писем). В его состав вошло 2927 произведений. По сравнению с третьим изданием в него включено много новых документов (из них 62 опубликованы впервые). При подготовке четвертого издания текст всех произведений В. И. Ленина был заново сверен с первоисточниками, благодаря чему устранены отдельные ошибки и неточности в расшифровке рукописей В. И. Ленина и печатки, имевшиеся в предыдущих изданиях. Многие произведения напечатаны в четвертом издании по новым, более точным и полным источникам, например, по рукописям вместо печатного текста, по стенограммам вместо кратких газетных отчетов. Ко всему изданию выпущен справочный том в двух частях, включающий предметный, алфавитный и ряд других указателей.

Однако в четвертое издание не вошел ряд документов и многие подготовительные материалы, как опубликованные в свое время, так и неопубликованные. Выполняя пожелания подписчиков четвертого издания, Институт марксизма-ленинизма выпускает к этому изданию 10 дополнительных томов.

В полное собрание Сочинений В. И. Ленина, являющееся пятым изданием ленинских трудов, входят все материалы, напечатанные в третьем и четвертом изданиях, что составляет более 3000 документов. В собрание Сочинений в хронологической последовательности включаются гениальные ленинские труды: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Очередные задачи Советской власти», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «О продовольственном налоге», «О кооперации» и другие. В это издание входят статьи В. И. Ленина, печатавшиеся в газетах «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-Демократ», «Правда», в большевистских журналах и сборниках, а также статьи и интервью, опубликованные в разных органах русской и иностранной печати; войдут также доклады и речи В. И. Ленина на партийных съездах, конференциях, съездах Советов, конгрессах Коминтерна, выступления на заседаниях руководящих центров партии, на массовых собраниях и митингах; листовки, заявления, обращения, программные документы, проекты резолюций, декреты, приветствия, авто-

ром которых был В. И. Ленин, письма, телеграммы, записки, записи разговоров по прямому проводу, анкеты и другие материалы.

Наряду с законченными произведениями в полное собрание Сочинений включаются подготовительные материалы: планы, конспекты, наброски, заметки поправки к документам, написанным другими авторами а также замечания и пометки В. И. Ленина на книгах, брошюрах и статьях других авторов, выписки из книг, журналов и газет.

В полное собрание Сочинений входят «Философские тетради», «Тетради по империализму» с подготовительными материалами к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» и тетрадь «Марксизм о государстве», содержащая подготовительные материалы к книге «Государство и революция».

В виде дополнительных книг к настоящему изданию будут выпущены подготовительные материалы к книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Материалы по аграрному вопросу», конспект В. И. Ленина, сделанный им при изучении четырех томов переписки К. Маркса с Ф. Энгельсом, изданной в 1913 году на немецком языке.

По сравнению с предыдущими изданиями тома пятого издания дополняются новыми материалами, относящимися к периоду «Искры» – письмами В. И. Ленина Г. В. Плеханову, Г. М. Кржижановскому, С. И. и И. И. Радченко, В. Д. Бонч-Бруевичу, значительным числом новых ленинских документов, относящихся к кануну и периоду первой русской революции, в том числе некоторыми материалами III съезда партии.

Ряд документов, впервые включенных в Сочинения, характеризует деятельность В. И. Ленина в годы реакции и в период нового революционного подъема рабочего движения. Это главным образом письма Г. В. Плеханову, В. А. Карпинскому, Ф. А. Ротштейну, Л. Тышке и другим. В них отражается борьба В. И. Ленина против ликвидаторов за сохранение и укрепление партии, борьба против идейных шатаний и отступлений от марксизма.

В полное собрание Сочинений В. И. Ленина входят многочисленные новые материалы по аграрному и национальному вопросам: письма, планы, пометки на прочитанных книгах, выписки из книг с замечаниями, статистические сводки и т. п.; многие из них публикуются впервые.

В настоящее издание включен ряд новых документов, относящихся к первой мировой войне: план ненаписанной брошюры «Европейская война и европейский социализм», материалы Циммервальдской конференции, значительное число писем. Все эти документы отражают борьбу В. И. Ленина против империалистической войны, против социал-шовинизма и центризма, за интернациональное сплочение рабочих.

В Сочинения впервые включено много документов о Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциях: материалы к выступлению на собрании большевиков во дворце Кшесинской в ночь с 3 на 4 апреля 1917 года, незаконченная автобиография, конспект резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой, письма и др.

Огромное значение представляют новые документы, впервые включаемые в Сочинения, относящиеся к советскому периоду. Значительное количество этих документов отражает деятельность В. И. Ленина по руководству народным хозяйством страны, разработку им основных положений управления хозяйственным строительством. В полное собрание Сочинений включены, например, планы известной работы «Очередные задачи Советской власти», в которой В. И. Ленин разработал программу социалистического строительства, разъяснил значение производительности труда, социалистического соревнования. В этих и других произведениях В. И. Ленин всесторонне разработал принцип демократического централизма в руководстве хозяйственным строительством. В ряде документов В. И. Ленин дает указания о необходимости изучения местного опыта, его популяризации и распространения, наглядно показывает, какими приемами достигается улучшение работы.

Много новых документов посвящено работе советского государственного аппарата. Они отражают борьбу В. И. Ленина против бюрократизма, за удешевление и упрощение аппарата, усиление его связи с народом и привлечение самых широких слоев трудящихся к управлению государством, за строгое соблюдение советских законов. В Сочинения входит «Проект третьего пункта общеполитической части программы (для программной комиссии VIII съезда партии)», в котором В. И. Ленин ярко показал сущность пролетарской, подлинно народной советской демократии, ее коренное отличие от демократии буржуазной.

Новые документы периода иностранной военной интервенции и гражданской войны характеризуют гигантскую деятельность В. И. Ленина, как председателя Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, его неустанную заботу об укреплении Красной Армии, о мобилизации сил для разгрома интервентов и внутренней контрреволюции, его руководство разработкой военно-стратегических планов и директив.

Ряд впервые включенных в Сочинения документов содержит обоснование В. И. Лениным принципов мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем, его руководство внешней политикой Советского государства, последовательную борьбу за мир, за укрепление деловых связей со всеми странами.

Большое место в полном собрании Сочинений занимают материалы о международном рабочем движении. В настоящее издание впервые включаются: план статьи «О задачах III Интернационала», план доклада на II конгрессе Коминтерна о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала, документы, связанные с работой III конгресса Коминтерна, «Замечания к тезисам о едином фронте» и другие.

В полное собрание Сочинений В. И. Ленина входят важнейшие документы, продиктованные Лениным в декабре 1922 – январе 1923 года: «Письмо к съезду», известное под названием «Завещания», письма «О придании законодательных функций Госплану» и «К вопросу о национальностях или об «автономизации»». Эти документы примыкают к последним работам В. И. Ленина, имеющим программное значение: «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Раб крин», «Лучше меньше, да лучше».

Документы, впервые включаемые в полное собрание Сочинений В. И. Ленина, по объему составляют около 20 томов. Напечатанные в Ленинских сборниках, в журналах и газетах они сравнительно мало были известны читателям. Включение этих документов в Сочинения делает их более доступными для изучения широкими массами.

Все ленинские документы в новом издании располагаются в хронологическом порядке.

Исключения допускаются лишь в тех случаях, когда это вызывается необходимостью сохранить цельность и органическую связь между произведениями, написанными в разное время. Внутри томов все материалы располагаются по датам их написания (речи и доклады – по датам выступления); документы, даты написания которых не установлены, – по датам их опубликования. Планы и конспекты ленинских работ, например, планы статьи «О праве наций на самоопределение», планы работы «Империализм и раскол социализма», даются в томах, где помещены эти работы, в особом разделе тома под общим названием «Подготовительные материалы».

Переписка (письма, телеграммы, предписания, распоряжения, записки и т. п.) собрана в особые тома и публикуется в конце всего издания. Отдельный том составят письма В. И. Ленина к родным.

В некоторых томах полного собрания Сочинений В. И. Ленина даются приложения, в которые включаются: заявления, прошения и другие материалы биографического характера.

Для полного собрания Сочинений текст произведений В. И. Ленина заново сверяется с первоисточниками: ленинскими рукописями, изданиями работ Ленина, лично им подготовленными к печати, статьями в газетах и журналах, опубликованными при его жизни, отре-

дактированными им стенограммами и т. п. Работы, написанные В. И. Лениным на иностранных языках, печатаются на языке оригинала и в переводах на русский язык.

Полное собрание Сочинений сопровождается научно-справочным аппаратом, который должен помочь читателям в изучении трудов В. И. Ленина: общим предисловием ко всему изданию; предисловием к каждому тому с краткой характеристикой исторической обстановки, в которой были написаны произведения, вошедшие в том, а также с изложением содержащихся в этих произведениях основных идей В. И. Ленина в их развитии. В справочный материал входят также даты жизни и деятельности В. И. Ленина, относящиеся к периоду, охватываемому томом; примечания к историческим событиям, отдельным фактам, органам печати и т. п.; именной указатель с краткими биографическими справками об упоминаемых лицах и указатель литературы, цитируемой и упоминаемой В. И. Лениным.

Подстрочные примечания содержат переводы иностранного текста, библиографические ссылки к произведениям В. И. Ленина, которые упоминаются или цитируются в тексте, и варианты наиболее важных разночтений.

Редакционные, заголовки работ В. И. Ленина отмечены в содержании томов звездочкой.

Произведения В. И. Ленина содержат неоценимое идейное богатство, представляют поистине неисчерпаемый источник знаний о законах общественного развития, о путях строительства коммунизма. В трудах В. И. Ленина – организатора и вождя Коммунистической партии Советского Союза, основателя Советского социалистического государства – получило дальнейшее развитие великое учение марксизма в новых исторических условиях – в эпоху империализма и пролетарских революций, в эпоху перехода от капитализма к коммунизму. В работах В. И. Ленина нашли дальнейшее развитие все три составные части марксизма – философия, политическая экономия, теория научного коммунизма. В. И. Ленин обогатил марксизм новыми выводами и положениями, творчески развил его применительно к новой исторической эпохе, в соответствии с новыми задачами, вставшими перед рабочим классом и его партией в этот период. В своих бессмертных трудах В. И. Ленин дал ответы на все коренные вопросы, которые поставила перед международным пролетариатом новая историческая эпоха.

В. И. Ленин создал цельное учение о партии, ее руководящей роли, ее организационных, политических и идеологических основах, стратегии и тактике, ее политике; обосновал интернациональный принцип построения пролетарской партии. Он постоянно подчеркивал, что без руководства марксистской партии нового типа, вооруженной передовой революционной теорией, рабочий класс не сможет выполнить свою историческую миссию строителя нового, коммунистического общества.

Произведения В. И. Ленина показывают его неустанную борьбу за единство, монолитность и чистоту рядов партии, за неразрывную связь партии с массами, за строжайшую партийную дисциплину, последовательное осуществление норм партийной жизни и принципов партийного руководства, главным из которых является коллективность.

В. И. Ленин первый дал глубокий марксистский анализ империализма, как последней стадии капитализма, раскрыл его неразрешимые противоречия. Он показал, что развитие капитализма на этой стадии приобретает в высшей степени неравномерный, скачкообразный характер, и сделал всемирно-исторического значения вывод о том, что в эпоху империализма возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, стране. Этот гениальный вывод нашел наглядное подтверждение в Великой Октябрьской социалистической революции и в построении социализма в СССР, в строительстве социализма в странах народной демократии.

Обобщая опыт Великой Октябрьской социалистической революции и раскрывая ее международное значение, В. И. Ленин показал, что ее коренные закономерности и черты являются общими для социалистической революции во всех странах. Большевиком, писал Ленин, дал теорию, программу и тактику для мирового коммунистического движения. «Большевиком *годится как образец тактики для всех*» (Сочинения, 4 изд., том 28, стр. 270).

В. И. Ленин развил марксистскую теорию государства, теорию диктатуры пролетариата. Он обосновал, что вопрос о диктатуре пролетариата является главным в учении Маркса. Марксист лишь тот, – разъяснял Ленин, – кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В. И. Ленин подчеркивал, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии, подлинной народной демократией. В. И. Ленин открыл в Советах, рожденных революционным творчеством рабочего класса России, государственную форму диктатуры пролетариата; при этом он предвидел неизбежность разнообразия политических форм пролетарской диктатуры в зависимости от конкретных исторических условий разных стран, что нашло блестящее подтверждение в режиме народной демократии.

В. И. Ленин разработал программу социалистического строительства в СССР, дал основные указания о путях построения коммунистического общества. Ленинская программа предусматривала социалистическую индустриализацию страны, всемерное развитие тяжелой промышленности, электрификацию всего народного хозяйства, преобразование сельского хозяйства на социалистических началах, проведение культурной революции. Осуществление ленинской программы привело к построению социализма в нашей стране, к превращению СССР в могучую социалистическую индустриальную и колхозную державу.

В своих трудах В. И. Ленин разработал вопрос о руководящей роли пролетариата, о союзе пролетариата с крестьянством как решающей силе общественного развития. Союз рабочего класса и крестьянства при руководящей роли рабочего класса он называл самой чудесной силой в мире, которая способна под руководством Коммунистической партии перестроить общество на новых, социалистических началах.

Великий вклад В. И. Ленин внес в разработку национального вопроса. В своих работах он отстаивал право наций на самоопределение, вплоть до отделения и самостоятельного государственного существования. Он постоянно подчеркивал необходимость последовательного проведения принципов пролетарского интернационализма, теснейшего союза рабочих и крестьян всех национальностей в борьбе за свое освобождение от социального и национального гнета, необходимость непримиримой борьбы против буржуазного национализма и шовинизма.

В. И. Ленин вел и учил вести непримиримую борьбу против буржуазной идеологии, против ревизионистов, оппортунистов – агентов буржуазии в рабочем движении. В. И. Ленин считал оппортунизм главным врагом внутри рабочего движения. Произведения В. И. Ленина отражают его борьбу против «легальных марксистов», «экономистов», меньшевиков, троцкистов, буржуазных националистов, анархистов. Эта борьба имеет громадное международное значение. Через все труды В. И. Ленина проходит также красной нитью его борьба против догматизма, против превращения марксизма в собрание застывших положений и формул, оторванных от жизни, от практики.

* * *

Выход в свет полного собрания Сочинений В. И. Ленина – большое событие в идейной жизни Коммунистической партии Советского Союза. Это издание поможет миллионам советских людей еще глубже овладеть бессмертными творениями ленинского гения и успешнее бороться за их осуществление.

Во всей своей деятельности по строительству коммунистического общества наша партия, ее Центральный Комитет руководствуются великими идеями ленинизма, неустанно борются за претворение их в жизнь и творчески развивают марксистско-ленинское учение. Всеми своими успехами партия обязана верности ленинизму.

Марксизм-ленинизм творчески развивается коммунистическими и рабочими партиями всех стран. Он обогащается опытом строительства коммунизма в СССР, строительства социализма в странах социалистического содружества, опытом борьбы трудящихся в странах, где еще господствует капитализм, опытом национально-освободительного движения.

Марксизм-ленинизм есть интернациональное учение. Его благородные идеи, указывающие путь всему человечеству к светлому будущему, все шире распространяются среди трудящихся масс всего мира, оказывают все большее влияние на ход мировой истории. Победное шествие марксизма-ленинизма не могут остановить никакие силы. Полное торжество великих марксистско-ленинских идей неотвратимо.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Предисловие к первому тому

В первый том входят произведения, написанные В. И. Лениным в 1893–1894 годах, – в начальный период его революционной деятельности.

90-е годы ознаменовались для России быстрым развитием промышленности и ростом рабочего класса, общим подъемом рабочего движения. Высокая концентрация крупной промышленности способствовала сплочению и организованности рабочих. Значительно усиливается стачечная борьба. В среду рабочих стали проникать идеи марксизма.

С именем Ленина связано начало нового этапа в рабочем движении России. В своих произведениях 1893–1894 годов В. И. Ленин дал глубокий марксистский анализ общественно-экономического строя страны конца XIX века, определил основные задачи революционной борьбы рабочего класса и социал-демократии России. Ленин поставил перед российскими социал-демократами задачу создания марксистской партии. Творчески подходя к революционной теории марксизма, Ленин первым среди марксистов разрабатывает вопрос об особенностях предстоящей в России буржуазно-демократической революции, ее движущих силах и перерастании в революцию социалистическую.

В произведениях, вошедших в том, основной удар В. И. Ленин направляет против философских и экономических взглядов народников, их политической платформы и тактики, являвшихся в тот период главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения в России. В этих работах Ленин выступает также против извращения марксизма в буржуазном духе представителями «легального марксизма».

Первый том содержит четыре произведения В. И. Ленина: «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни (По поводу книги В. Е. Постникова – «Южно-русское крестьянское хозяйство)», «По поводу так называемого вопроса о рынках», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)».

Статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», которой открывается том, – первая из сохранившихся литературных работ В. И. Ленина, написанная им еще в самарский период его деятельности, весной 1893 года. Эта статья показывает, с каким умением, самостоятельностью, глубиной и последовательностью молодой Ленин применял марксистскую теорию к изучению крестьянской жизни. Используя земские статистические данные, приводимые в книге Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», и критикуя автора книги за непоследовательность и методологические ошибки, Ленин дает марксистскую характеристику положения деревни, вскрывает процессы и формы развития капитализма в сельском хозяйстве, разбивает народнический миф о якобы нетронутом капитализмом «общинном» крестьянстве. Он доказывает, что, вопреки народническим теориям, капитализм в России развивается с неудержимой силой, что крестьянство в действительности расколосось на непримиримые классы: сельскую буржуазию и сельский пролетариат, растущие за счет размываемого при капитализме среднего крестьянства. На основе богатейшего материала Ленин вскрывает мелкобуржуазный характер крестьянской общины, нелепость и вредность народнических представлений о крестьянской общине как основе социализма. Он доказывает, что в крестьянстве прочно укоренились буржуазные экономические отношения.

Статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» была написана для легальной печати. В одном из писем того периода В. И. Ленин подчеркивает, что изложен-

ные в ней положения служат для него основанием гораздо более важных и гораздо дальше идущих выводов, чем это сделано в самой статье.

К статье «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» примыкают по своему содержанию пометки, вычисления и подчеркивания В. И. Ленина в книге В. Е. Постникова, которые печатаются в настоящем томе в разделе: «Подготовительные материалы». Некоторые из этих ленинских вычислений печатаются впервые.

В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках», написанной осенью 1893 года, В. И. Ленин дал образец творческого применения экономической теории К. Маркса к изучению хозяйственных порядков в России. На основе глубокого знания «Капитала» Маркса, применяя диалектический метод, Ленин показал, как в результате роста общественного разделения труда натуральное хозяйство мелких производителей постепенно превращается в товарное, а товарное, в свою очередь, в капиталистическое, как это разделение труда неизбежно приводит к классовому расслоению производителей и росту внутреннего рынка. Таким образом, Ленин опроверг ходячие народнические теории о том, что развитие капитализма в России якобы не имеет под собой почвы, и доказал, что капитализм уже стал «основным фоном хозяйственной жизни России» (см. настоящий том, стр. 105). Одновременно он подверг критике утверждения Г. Б. Красина, которые впоследствии отстаивались «легальными марксистами», что капиталистическое производство необходимо требует внешних рынков для реализации прибавочной стоимости и что производство средств производства не связано с производством предметов потребления. Ленин показал, что подобные воззрения ничем по существу не отличаются от народнических взглядов по вопросу о рынках, и подчеркнул ту мысль, что марксисты должны заботиться не о рынках для буржуазии, а о развитии классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

В работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» Ленин развил положение Маркса о соотношении двух подразделений общественного производства, определив преимущественный рост первого подразделения, как экономический закон расширенного воспроизводства. На основе марксовской схемы воспроизводства он показал те изменения в расширенном воспроизводстве, которые происходят в результате технического прогресса.

Центральное место в первом томе занимает выдающийся труд В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанный весной – летом 1894 года.

В конце 1893 года журнал «Русское Богатство», вокруг которого группировались либеральные народники, и другие народнические журналы объявили поход против марксизма. В них печатались статьи, сознательно искажавшие марксистское учение об обществе, о революции, о социализме; народники грубо искажали взгляды русских марксистов. Не имея своих печатных органов в России, марксисты не могли дать достойную отповедь народникам в открытой печати. Большую роль в разгроме народничества сыграла книга Ленина, которая издавалась нелегально. В этом подлинном манифесте революционного марксизма, его программном документе, дана глубокая характеристика научного мировоззрения, диалектического и исторического материализма, экономического учения Маркса и всесторонняя критика философских, экономических и политических взглядов либеральных народников, их программы и тактики. В. И. Ленин показал, что политическая программа этих фальшивых «друзей народа» выражает интересы кулачества; он разоблачил либеральных народников как типичных реформаторов, которые, выступая против революционной борьбы с царским самодержавием, изображали его стоящим над классами и способным улучшить положение народа. В. И. Ленин вскрыл несостоятельность и ошибочность народнических теорий об особом, внекапиталистическом пути развития России и показал, как либеральные народники умышленно затушевывали факты капиталистической эксплуатации в деревне.

В своем произведении В. И. Ленин разоблачил теоретиков народничества как представителей антинаучного, субъективного метода в социологии, как идеалистов, отрицающих объективный характер законов общественного развития и решающую роль народных масс в истории. Народники полагали, что можно произвольно направлять ход истории согласно желаниям отдельных «выдающихся» личностей. Ленин разбил эти субъективистские взгляды и противопоставил им материалистическое понимание общественной жизни; он раскрыл содержание марксистского учения об обществе и показал, что ход истории обусловливается объективными законами развития, что главной движущей силой общественного развития является народ, классы, борьба которых определяет развитие общества.

В труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин впервые поставил перед российскими социал-демократами задачу создания марксистской рабочей партии и выдвинул идею революционного союза рабочего класса и крестьянства как главного средства свержения царизма, помещиков и буржуазии и создания коммунистического общества.

Подчеркивая великую историческую роль рабочего класса России, В. И. Ленин писал: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получают широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, – тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*» (стр 311–312).

Первый том заканчивается работой «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», которая была написана Лениным в конце 1894 – начале 1895 года. По словам Ленина, она во многих отношениях является конспектом его позднейших экономических работ, особенно «Развития капитализма в России». В этом произведении В. И. Ленин показал, что народники являются представителями интересов мелкого производителя, что источник народничества – преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России. Продолжая критику народнических воззрений, данную в предшествующих произведениях, Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» показал чисто буржуазный характер экономических требований либеральных народников, утопичность и реакционность их политической программы, идеалистическую сущность их социологических взглядов.

Резко критикуя народническую систему взглядов, Ленин в то же время обращает внимание читателей на положительные, в глазах марксиста, черты и стороны народничества 60–70-х годов, как революционно-демократического течения в стране, переживавшей канун буржуазной революции.

Вместе с тем в этом произведении В. И. Ленин подверг критике извращения марксизма в буржуазном духе представителем «легального марксизма» П. Струве. Ленин разоблачил попытки «легальных марксистов» выхолостить революционное содержание марксизма и показал, что в основе взглядов «легальных марксистов» лежит буржуазный объективизм, означающий оправдание капитализма и затушевывание классовых противоречий. В струвизме, «легальном марксизме», Ленин увидел зародыш международного ревизионизма. В связи с критикой буржуазного объективизма В. И. Ленин обосновал принцип партийности общественной науки, философии. «... Материализм, – указывал Ленин, – включает в себя,

так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы...» (стр. 419).

В. И. Ленин показал, что так называемый объективизм в науке в условиях буржуазного общества является прикрытием классовых корыстных интересов господствующих эксплуататорских классов. Марксистская наука, открыто и неразрывно связанная с рабочим классом, служит делу революционного преобразования общества, заинтересована в раскрытии законов общественного развития. Поэтому ее партийность совпадает с научностью.

Уже в ранний период своей революционной деятельности Ленин дал образец принципиальной критики различных лжесоциалистических и ревизионистских теорий, образец беззаветной борьбы за интересы рабочего класса. Произведения В. И. Ленина проникнуты творческим пониманием марксизма и мастерским применением его к анализу экономического и политического положения России, к определению задач, вставших перед российским рабочим движением.

Они учат международный пролетариат, коммунистические и рабочие партии всех стран уметь разоблачать многочисленных современных «друзей народа» и ревизионистов, пытающихся использовать рабочее движение в интересах буржуазии.

В приложениях к первому тому впервые в Сочинениях В. И. Ленина даются «Прощения В. И. Ульянова (Ленина) 1887–1893 гг.». Эти документы являются дополнительным материалом к биографии В. И. Ленина. Два прощения: в Самарский окружной суд от 5 января 1893 года и председателю Самарского окружного суда от 16 августа 1893 года – печатаются впервые.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

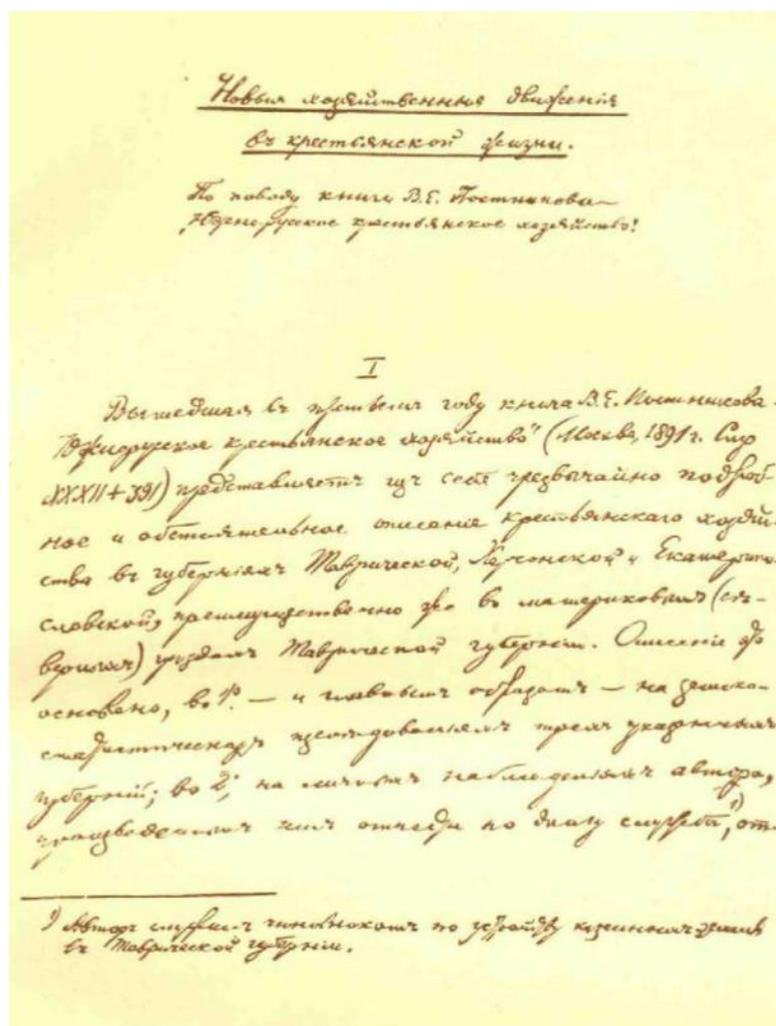
В. И. Ленин (1890–1891)

1893 г.

Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова – «Южно-русское крестьянское хозяйство»^[1]

Написано весной 1893 г. Печатается по рукописи

Впервые напечатано в 1923 г. в сборнике «К двадцатипятилетию первого съезда партии (1898–1923)»

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» – 1893 г. (Уменьшено)

I

Вышедшая в третьем году книга В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство» (Москва, 1891 г. Стр. XXXII + 391) представляет из себя чрезвычайно подробное и обстоятельное описание крестьянского хозяйства в губерниях Таврической, Херсонской и

Екатеринославской, преимущественно же в материковых (северных) уездах Таврической губернии. Описание это основано, во-первых, – и главным образом – на земско-статистических исследованиях^[2] трех указанных губерний; во-вторых, на личных наблюдениях автора, произведенных им отчасти по долгу службы¹, отчасти с специальной целью изучения крестьянского хозяйства в 1887–1890 гг.

Попытка свести земско-статистические исследования по целому району в одно целое и изложить результаты их в систематической форме сама по себе представляет громадный интерес, так как земская статистика дает громадный и детальнейший материал об экономическом положении крестьянства, но дает в такой форме, что для публики эти исследования пропадают почти бесследно: земско-статистические сборники представляют из себя целые тома таблиц (обыкновенно каждому уезду посвящен отдельный том), одна сводка которых в достаточно крупные и ясные рубрики требует специальных занятий. Необходимость сводки данных земской статистики и обработки их чувствуется уже давно. В последнее время с этой целью предпринято издание «Итогов земской статистики». План этого издания таков: берется известный частный вопрос, характеризующий крестьянское хозяйство, и особое исследование посвящается сводке всех данных по этому вопросу, имеющихся в земской статистике; соединяются вместе данные, относящиеся и к черноземному югу России и к нечерноземному северу, к губерниям исключительно земледельческим и к губерниям промысловым. По этому плану составлены два вышедшие тома «Итогов»; первый посвящен «крестьянской общине» (В. В.), второй – «крестьянским вненадельным арендам» (Н. Карышев)^[3]. Позволительно усомниться в правильности такого приема сводки: приходится, во-первых, сводить вместе данные, относящиеся к различным хозяйственным районам с различными экономическими условиями (при этом отдельная характеристика каждого района представляет громадные трудности вследствие неоконченности земских исследований и пропусков многих уездов: трудности эти сказались уже во 2-ом томе «Итогов»; попытка Карышева распределить имеющиеся в земской статистике данные к различным определенным районам – не удалась); во-вторых, описывать отдельно известную сторону крестьянского хозяйства, не касаясь других сторон, – совершенно невозможно; отрывать известный вопрос приходится искусственно, и цельность представления теряется. Крестьянские вненадельные аренды отрываются от аренды надельных земель, от общих данных об экономической группировке крестьян, о величине посевной площади; они рассматриваются только как часть крестьянского хозяйства, тогда как они представляют собой часто особый способ ведения частновладельческого хозяйства. Поэтому свод данных земской статистики по известному району с однородными хозяйственными условиями был бы, мне кажется, предпочтительнее.

Излагая мимоходом свои мысли о более правильном приеме сводки земско-статистических исследований, мысли, на которые наводит сравнение «Итогов» с книгой Постникова, я должен, однако, оговориться, что Постников, собственно, не задавался целями *сводки*: он отодвигает на задний план цифирный материал и все внимание обращает на полноту и выпуклость описания.

В своем описании автор почти с равным вниманием останавливается на вопросах характера экономического, административно-юридического (формы землевладения) и технического (межевой вопрос; система хозяйства; урожай), но вопросы первого рода он намеревался выдвинуть на первый план.

«Должен признаться, – говорит г. Постников в Предисловии, – что я меньше останавливаю внимания на технике крестьянского хозяйства, чем это можно было сделать, но поступаю так потому, что условия экономического характера, на мой взгляд, играют более важную

¹ Автор служил чиновником по устройству казенных земель в Таврической губернии.

роль в крестьянском хозяйстве, чем техника. В нашей печати... обыкновенно игнорируют экономическую сторону... Очень мало внимания посвящается исследованию коренных экономических вопросов, какими являются для нашего крестьянского хозяйства вопросы аграрный и межевой. Настоящая книга более отводит места выяснению именно этих вопросов и в особенности вопроса аграрного» (Предисловие, с. IX).

Вполне разделяя взгляд автора на сравнительную важность экономических и технических вопросов, я и намерен посвятить свою статью изложению лишь той части труда г. Постникова, в которой крестьянское хозяйство подвергается политико-экономическому исследованию².

Главные пункты этого исследования автор характеризует в предисловии следующим образом:

«Являющееся в последнее время большое употребление машин в крестьянском земледелии и заметное расширение размеров хозяйства у зажиточной части крестьянства дают нашей аграрной жизни новую фазу, развитию которой, без сомнения, дадут новый толчок тяжелые хозяйственные условия настоящего года. Производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышаются с увеличением размеров хозяйства и употреблением машин, что до сих пор упускалось из виду при определении площади, какую может обработать крестьянская семья...

Употребление машин в крестьянском хозяйстве вызывает существенные бытовые изменения: сокращая в земледелии запрос на рабочие руки и делая еще более чувствительной для крестьян существующую у нас перенаселенность земледелия, оно способствует увеличению числа семей, которые, становясь лишними для села, должны искать заработка на стороне и фактически становиться безземельными. Введение крупных машин в крестьянское хозяйство вместе с тем поднимает, крестьянское благосостояние, при наличных приемах земледелия и его экстенсивности, на такую высоту, о которой до сих пор нельзя было и думать. В этом обстоятельстве лежит залог силы новых хозяйственных движений в крестьянской жизни. Отметить и выяснить эти движения в южно-русском крестьянстве составляет ближайшую задачу настоящей книги» (Предисловие, с. X).

Прежде чем перейти к изложению того, в чем состоят, по мнению автора, эти новые хозяйственные движения, я должен сделать еще две оговорки.

Во-первых, выше было замечено, что Постников сообщает данные о губерниях Херсонской, Екатеринославской и Таврической, но достаточной подробностью отличаются только данные, относящиеся к последней губернии и притом не ко всей: автор не дает данных о Крыме, поставленном в несколько отличные хозяйственные условия, и ограничивается исключительно тремя северными материковыми уездами Таврической губернии – Бердянским, Мелитопольским и Днепровским. Я ограничусь данными только по этим трем уездам.

Во-вторых, Таврическая губерния населена кроме русских также немцами и болгарами, число которых, впрочем, невелико сравнительно с русским населением: в Днепровском уезде 113 дворов немецких колонистов из 19586 дворов уезда, т. е. всего 0,6 %. В Мелитопольском уезде немцев и болгар (1874 + 285 =) 2159 дворов из 34978, т. е. 6,1 %. Наконец, в Бердянском уезде 7224 двора из 28794, т. е. 25 %. Всего по трем уездам колонистов 9496 дворов из 83358, т. е. около /9. След., в общем число колонистов очень незначительно, а в уезде Днепровском и совсем ничтожно. Автор описывает колонистское хозяйство подробно, отделяя всегда его от русского. Все эти описания я опускаю, ограничиваясь

² Такое изложение мне представляется нелишним, потому что книга г. Постникова, представляющая из себя одно из наиболее выдающихся явлений в нашей экономической литературе последних лет, осталась почти незамеченной. Отчасти, может быть, объясняется это тем, что автор, хотя и признает большую важность экономических вопросов, но излагает их слишком отрывочно и загромождает изложение подробностями других вопросов.

исключительно хозяйством русских крестьян. Правда, цифирные данные соединяют вместе русских и немцев, но присоединение последних, по незначительности их, не может изменить общих соотношений, так что вполне можно на основании этих данных характеризовать русское крестьянское хозяйство. Русское население Таврической губернии, заселившее этот край в последние 30 лет, отличается от крестьянства других русских губерний только своей большей зажиточностью. Общинное землевладение является в этой местности, по словам автора, «типичным и устойчивым»³; одним словом, за выделением колонистов, крестьянское хозяйство в Таврической губернии не представляет никаких коренных отличий от общего типа русского крестьянского хозяйства.

II

«В настоящее время, – говорит Постников, – всякое сколько-нибудь значительное южно-русское село (и то же, вероятно, можно сказать о большинстве местностей России) представляет столько разнообразия в экономическом положении отдельных групп своего населения, что крайне трудно говорить о благосостоянии отдельных селений, как целых единиц, и рисовать это благосостояние средними цифрами. Такие средние цифры указывают некоторые общие определяющие условия экономического быта крестьянства, но они не дают никакого понятия о всем разнообразии экономических явлений в действительности» (с. 106). Несколько ниже Постников выражается с еще большей определенностью: «Разнообразии экономического благосостояния, – говорит он, – весьма сильно затрудняет вопрос об общей зажиточности населения. Лица, бегло проезжающие чрез большие селения Таврической губернии, обыкновенно выносят заключения о большой зажиточности местных крестьян; но можно ли назвать село зажиточным, если в нем половина крестьян состоит из богатеев, а другая постоянно бедствует? И какими признаками следует определять относительно большую или меньшую зажиточность того и другого селения? Очевидно, что средние цифры, характеризующие обстановку населения всего села или района, недостаточны для заключения о крестьянском достатке. О последнем можно судить лишь по совокупности многих данных, *расчлняя население на группы*» (с. 154).

Может показаться, что в этом констатировании дифференциации в среде крестьянства нет ничего нового: о ней упоминается почти в каждом сочинении, посвященном крестьянскому хозяйству вообще. Но дело в том, что обыкновенно, упоминая об этом факте, не придают ему значения, считают его несущественным или даже случайным, находят возможным говорить о типе крестьянского хозяйства, характеризуя этот тип средними цифрами, обсуждают значение разных практических мероприятий по отношению ко всему крестьянству. В книге Постникова виден протест против таких взглядов. Он указывает (и не раз) на «огромное разнообразие экономического положения отдельных дворов внутри общины» (с. 323) и вооружается против «стремления рассматривать крестьянский мир как нечто цельное и однородное, каким он и до сих пор еще представляется нашей городской интеллигенции» (с. 351). «Земско-статистические исследования последнего десятилетия, – говорит он, – выяснили, что наша сельская община вовсе не представляет такой однородной единицы, какую она казалась нашим публицистам в 70-х годах, и что в последние десятилетия в ней происходила дифференциация населения на группы с весьма различной степенью экономического достатка» (с. 323).

Свое мнение Постников подтверждает массой данных, разбросанных по всей книге, и мы должны теперь заняться систематической сводкой всех этих данных, чтобы проверить правильность этого мнения, чтобы решить вопрос, кто прав – «городская ли интеллигенция»,

³ Только 5 селений имеют подворное землевладение.

рассматривающая крестьянство как нечто однородное, или Постников, утверждающий, что разнородность огромная? и затем насколько глубока эта разнородность? препятствует ли она общей характеристике крестьянского хозяйства со стороны политико-экономической, на основании одних только средних данных? способна ли она изменить действие и влияние практических мероприятий по отношению к различным разрядам крестьянства?

Прежде чем приводить цифры, дающие материал для разрешения этих вопросов, следует заметить, что все данные этого рода взяты Постниковым из земско-статистических сборников по Таврической губ. Первоначально земская статистика ограничивалась при переписях данными пообщинными, не собирая данных о каждом крестьянском дворе. Скоро, однако, заметили различия в имущественном положении этих дворов и предприняли подворные переписи – это было первым шагом на пути к более глубокому изучению экономического положения крестьян. Следующим шагом было введение комбинационных таблиц: исходя из убеждения, что имущественные различия крестьян внутри общины^[4] глубже различий разных юридических разрядов крестьян, статистики стали группировать все показатели экономического положения крестьян до известным имущественным различиям, напр., разбивая крестьян на группы по числу десятин посева, по числу рабочего скота, по количеству надельной пашни на двор и т. д.

Таврическая земская статистика группирует крестьян по числу десятин посева. Постников полагает, что такая группировка «представляется удачной» (с. XII), так как «в условиях хозяйства Таврических уездов размер посева является наиболее существенным признаком крестьянского благосостояния» (с. XII). «В южном степном крае, – говорит Постников, – развитие всякого рода неземледельческих промыслов у крестьян пока относительно ничтожно, и главным занятием огромного большинства сельского населения является в настоящее время земледелие, основанное на посеве хлебов». «По показанию земской статистики, в северных уездах Таврической губернии исключительно занимаются промыслами 7,6 % коренного сельского населения и кроме того 16,3 % населения имеет при собственном земледелии подсобные промыслы» (с. 108). В самом деле, группировка по размерам посева даже и для других местностей России представляется гораздо более правильной, чем другие принятые земскими статистиками основания группировки, напр., по числу десятин надельной земли или надельной пашни на двор: с одной стороны, количество надельной земли не указывает прямо на состоятельность двора, потому что размер надела определяется числом ревизских^[5] или наличных душ мужского пола в семье и находится только в косвенной зависимости от состоятельности хозяина, потому, наконец, что крестьянин, может быть, не пользуется надельной землей, сдает ее, и при отсутствии инвентаря и не может ею пользоваться. С другой стороны, если главное занятие населения – земледелие, то определение посевной площади необходимо для учета производства, для определения количества хлеба, потребляемого крестьянином, покупаемого им и поступающего в продажу, ибо без выяснения этих вопросов весьма важная сторона крестьянского хозяйства останется неосвещенной, будет неясен характер его земледельческого хозяйства, значение его сравнительно с заработками и т. д. Наконец, необходимо положить в основание группировки именно посевную площадь, чтобы иметь возможность сравнивать хозяйство двора с так называемыми нормами крестьянского землевладения и земледелия, с нормой продовольственной (Nahrungsfläche) и рабочей (Arbeitsfläche). Одним словом, группировка по посеву представляется не только удачной, но наилучшей и безусловно необходимой.

По размерам посева таврические статистики разделяют крестьян на 6 групп: 1) не сеющих; 2) засевающих до 5 дес; 3) – от 5 до 10 дес; 4) от 10 до 25 д.; 5) от 25 до 50 д. и 6) – более 50 дес. на двор. По трем уездам соотношение этих групп по числу дворов следующее:

Проценты дворов	Уезды			Приходится на 1 двор в среднем десятин посева по всем 3 уездам
	Бердянский	Мелитопольский	Днепроvский	
	0	%	%	
	6	7,5	9	—
Не сеюших	12	11,5	11	3,5
Сеюших до 5 д.				
» 5—10 »	22	21	20	8
» 10—25 »	38	39	41,8	16,4
» 25—50 »	19	16,6	15,1	34,5
» более 50 »	3	4,4	3,1	75

Общие соотношения (эти %% даны о всем населении, включая и немцев) мало изменяются с выключением немцев: так, всего автор считает в Таврических уездах 40 % мало-сеющих (до 10 д.), 40 % среднесеющих (от 10 до 25 д.) и 20 % многосеющих. Исключение же немцев понижает последнюю цифру до ¹/в (16,7 %, т. е. всего на 3,3 % ниже), повышая соответственно число малосеющих.

Определяя степень разнородности этих групп, начнем с землевладения и землепользования.

Постников дает такую таблицу (суммы трех указанных в ней разрядов земли автор не исчислял (с. 145)):

Группы крестьян	Приходится на двор в среднем десятин пашни											
	Уезд Бердянский				Уезд Мелитопольский				Уезд Днепровский			
	надельной	купчей	арендованной	всего	надельной	купчей	арендованной	всего	надельной	купчей	арендованной	всего
Не сеющие	6,8	3,1	0,09	10	8,7	0,7	—	9,4	6,4	0,9	0,1	7,4
Засев, до 5 д.	6,9	0,7	0,4	8,0	7,1	0,2	0,4	7,7	5,5	0,04	0,6	6,1
» 5—10 »	9	—	1,1	10,1	9	0,2	1,4	10,6	8,7	0,05	1,6	10,3
» 10—25 »	14,1	0,6	4	18,7	12,8	0,3	4,5	17,6	12,5	0,6	5,8	18,9
» 25—50 »	27,6	2,1	9,8	39,5	23,5	1,5	13,4	38,4	16,6	2,3	17,4	36,3
» более 50 »	36,7	31,3		48,4	116,4	36,2	21,3	42,5	100	17,4	30	44
По уезду	14,8	1,6	5	21,4	14,1	1,4	6,7	22,2	11,2	1,7	7,0	19,9

«Эти цифры показывают, – говорит Постников, – как более зажиточная группа крестьян в Таврических уездах не только пользуется большим наделом, что может происходить вследствие большого состава семей, но в то же время она является и наиболее покупающей землю и наиболее ее арендующей» (с. 146).

По поводу этого следует только заметить, мне кажется, что возрастание надела от низшей группы к высшей не может быть *вполне* объяснено увеличением состава семей. Постников дает следующую таблицу о составе семей по группам для трех уездов:

Приходится на 1 семью в среднем

	Бердянский уезд		Мелитопольский уезд		Днепропетровский уезд	
	душ об. пола	работников	душ	работн.	душ	работн.
У не сеюших	4,5	0,9	4,1	0,9	4,6	1
» засев, до 5 д.	4,9	1Д	4,6	1	4,9	1,1
» » 5—10 »	5,6	1,2	5,3	1,2	5,4	1,2
» » 10—25 »	7,1	1,6	6,8	1,5	6,3	1,4
» » 25—50 »	8,2	1,8	8,6	1,9	8,2	1,9
» » более 50 »	10,6	2,3	10,8	2,3	10,1	2,3
<i>По уездам</i>	6,6	1,5	6,5	1,5	6,2	1,4

Из таблицы видно, что количество надельной земли на двор повышается от низшей группы к высшей гораздо быстрее, чем число душ обоого пола и работников. Иллюстрируем это, принимая цифры для низшей группы по Днепропетровскому уезду за 100:

	надельн. земли	работн.	душ об. пола
У не сеюших	100	100	100
» засев, до 5 д.	86	ПО	106
» » 5—10 »	136	120	117
» » 10—25 »	195	140	137
» » 25—50 »	259	190	178
» » более 50 »	272	230	219

Ясно, что определителем величины надела является, кроме состава семьи, и состоятельность двора.

Рассматривая данные о количестве купчей земли в различных группах, мы видим, что покупают землю почти исключительно высшие группы, с посевом выше 25 дес, и – главным образом – совершенно крупные посевики, с посевом в 75 дес. на двор. Следовательно, данные о купчей земле вполне подтверждают мнение Постникова о разнородности групп крестьянства. Такое, например, сведение, которое дает автор на с. 147, говоря, что «крестьянами Таврических уездов куплено 96 146 дес. земли», – совершенно не характеризует явления: почти вся эта земля находится в руках незначительного меньшинства, наиболее обеспеченного уже надельной землей, крестьян «зажиточных», как говорит Постников, а таких не более $\frac{1}{6}$ населения.

То же самое приходится сказать и об аренде. Вышеприведенная таблица содержит общую цифру арендованной земли, надельной и вненадельной. Оказывается, что размер

аренды с полной правильностью возрастает по мере большего обеспечения крестьян, что, следовательно, чем обеспеченнее крестьянин своей землей, тем более арендует он земли, лишая таким образом беднейшие группы необходимой для них земельной площади.

Следует заметить, что это явление – общее для всей России. Проф. Карышев, подводя итоги крестьянским вненадельным аренда́м по всей России, где только имеются земско-статистические исследования, формулирует прямую зависимость между размером аренды и обеспеченностью арендатора как общий закон⁴.

Впрочем, Постников дает еще более детальные цифры о распределении аренды (вненадельных и надельных земель вместе), которые я и привожу:

	Уезд Берлинский			Уезд Мелитопольский			Уезд Днепровский		
	% аренд. дворов	Пашни на аренд. двор	Цена 1 дес.	% аренд. дворов	Пашни на аренд. двор	Цена 1 дес.	% аренд. дворов	Пашни на аренд. двор	Цена 1 дес.
У сеющих до 5 д.	18,7	2,1	11	14,4	3	5,50	25	2,4	15,25
» » 5—10 »	33,6	3,2	9,20	34,8	4,1	5,52	42	3,9	12
» » 10—25 »	57	7	7,65	59,3	7,5	5,74	69	8,5	4,75
» » 25—50 »	60,6	16,1	6,80	80,5	16,9	6,33	88	20	3,75
» » более 50 »	78,5	62	4,20	83,8	47,6	3,93	91	48,6	3,55
<i>По уездам</i>	44,8	11,1	5,80	50	12,4	4,86	56,2	12,4	4,23

Мы видим и здесь, что средние цифры совершенно не в состоянии характеризовать явления: говоря, например, что в Днепровском уезде к аренде прибегает 56 % крестьян, мы сообщаем очень неполное представление об этой аренде, потому что в тех группах, которые имеют (как ниже будет показано) недостаточно своей земли, % арендаторов гораздо ниже – только 25 % в 1-ой группе, между тем как высшая группа, вполне обеспеченная своей землей, почти вся прибегает к аренде (91 %). Разница в количестве арендованных десятин на 1 арендующий двор еще значительнее: высший разряд арендует в 30–15–24 раза более низшего. Очевидно, что это изменяет и самый характер аренды, потому что в высшем разряде это уже коммерческое предприятие, а в низшем – может быть, операция, вызванная горькой нуждой. Последнее предположение подтверждается данными об арендной плате: оказывается, что низшие группы дороже платят за землю, иногда даже вчетверо дороже сравнительно с высшим разрядом (в Днепровском уезде). Напомнить следует по этому поводу, что и возрастание арендной платы по мере понижения размеров аренды не составляет особенности нашего юга: труд Карышева доказывает общую применимость этого закона.

«Арендой земель в Таврических уездах, – говорит Постников по поводу этих данных, – по преимуществу занимаются крестьяне зажиточные, имеющие достаточное количество надельной и собственной пашни; в особенности это следует сказать об аренде вненадельных земель, т. е. земель владельческих и казны, находящихся на более дальних расстояниях от селений. В сущности это и весьма естественно: для аренды более дальних земель нужно иметь достаточное количество рабочего скота, а крестьяне менее зажиточные не имеют его здесь в нужном размере и для обработки своих надельных земель» (с. 148).

⁴ «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики». Т. П. Н. Карышев. Крестьянские вненадельные аренды. Дерпт. 1892. Стр. 122, 133 и др.

Не следует думать, что подобное распределение аренды зависит от съема земли в одиночку. Дело нисколько не изменяется при съеме земли обществом, не изменяется по той простой причине, что распределение земли делается по тем же основаниям, т. е. «по деньгам».

«По окладным книгам Управления государственными имуществами, – говорит Постников, – в 1890 г. из 133852 дес. казенных земель трех уездов, сдававшихся в аренду по контрактам, в пользовании крестьянских обществ состояло 84756 дес. удобной земли, т. е. около 63 % всей площади. Но земля, арендуемая крестьянскими обществами, находилась в пользовании сравнительно небольшого числа домохозяев и притом преимущественно зажиточных. Подворная перепись земства указывает этот факт довольно рельефно» (с. 150)^{127}: [см. таблицу на стр. 17. – *Ред.*]

Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни

Группы крестьян	Уезд Бердянский			Уезд Мелитопольский			Уезд Днепровский			По трем уездам			
	Число		На аренд. двор	Число		На аренд. двор	Число		На аренд. двор	Число		в%	На аренд. двор
	аренд. дворов	аренд. дес.		аренд. дворов	аренд. дес.		аренд. дворов	аренд. дес.		аренд. дворов	аренд. дес.		
Сеюшие до 5 д.	39	66	1,7	24	383	16	20	62	3,1	83	511	1	6,1
» 5—10 »	227	400	1,8	159	776	4,8	58	251	4,3	444	1427	3	3,2
» 10—25 »	687	2 642	3,8	707	4 569	6,4	338	1500	4,4	1732	8711	20	5,0
» 25—50 »	387	3 755	9,7	672	8 564	12,7	186	1056	5,7	1245	13 375	30	10,7
» более 50 »	113	3194	28,3	440	15 365	34,9	79	1724	21,8	632	20 283	46	32,1
Сумма	1453	10 057	7	2 002	29 657	14,8	681	4 593	6,7	4 136	44 307	100	10,7

«Таким образом, – заключает Постников, – в Днепровском уезде у зажиточной группы крестьян находилось в пользовании более $\frac{1}{3}$ всей арендованной пашни, в Бердянском уезде – более $\frac{2}{3}$ % а в Мелитопольском, где всего более арендуется казенной земли, даже более $\frac{4}{5}$ арендованной площади. У беднейшей же группы крестьян (засающих до 10 дес.) находилось во всех уездах всего 1938 дес, или около 4 % арендованных земель» (с. 150). Автор дает затем целый ряд примеров неравномерного распределения снятой обществами земли, но приводит их излишне.

По поводу выводов Постникова о зависимости аренды от достатка арендаторов крайне интересно отметить противоположное мнение земских статистиков.

В начале книги Постников поместил свою статью: «О земско-статистических работах в губерниях Таврической, Херсонской и Екатеринославской» (с. XI–XXXII). Здесь он рассматривает, между прочим, изданную Таврическим земством в 1889 году «Памятную книжку Таврической губернии», в которой были подведены краткие итоги всему исследованию. Разбирая тот отдел этой книги, который посвящен аренде, Постников говорит:

«В наших многоземельных южных и восточных губерниях земская статистика обнаружила довольно видный процент зажиточного крестьянства, которое, сверх собственного

⁵ Последнего столбца этой таблицы (итоги по 3-м уездам) Постников не дает. К таблице^{127} он замечает, что «по условиям аренды крестьяне имеют право распахать только $\frac{1}{3}$ часть арендованной земли».

^{127} В. И. Ленин исправил в таблице ошибки В. Е. Постникова в суммарных цифрах: 1 476 на 1 453; 10 107 на 10 057; 4 595 на 4 593 (см. настоящий том, стр. 541).

значительного надела, довольно много еще арендует земли на стороне. Хозяйство здесь преследует не только удовлетворение собственных потребностей семьи, но еще и получение некоторого излишка, дохода, благодаря которому крестьяне улучшают свои постройки, заводят машины, прикупают землю. Желание довольно естественное и ничего греховного в себе не заключающее, так как никаких кулацких элементов в нем еще не выражается». [Кулацких элементов здесь действительно нет, но элементы эксплуатации, без сомнения, есть: арендуя землю в размере, далеко превышающем потребность, зажиточные крестьяне отбивают у бедных землю, нужную тем на продовольствие; расширяя размеры хозяйства, они нуждаются в добавочных рабочих силах и прибегают к найму.] «Но некоторые из земских статистиков, видимо считая такие проявления в крестьянской жизни чем-то незаконным, стараются умалить их и доказать, что крестьянская аренда главным образом руководится нуждой в продовольствии и что если крестьяне достаточные и арендуют много земли, то % этих арендаторов все-таки постоянно уменьшается с увеличением размеров надела» (с. XVII) – составитель «Памятной книжки» г. Вернер, чтобы доказать такую мысль, группировал по величине надела крестьян *всей* Таврической губернии, имеющих 1–2 работников и 2–3 штуки рабочего скота. Оказалось, что «с размером надела правильно понижается процент арендующих дворов и менее правильно размер арендуемой на двор земли» (с. XVIII). Постников совершенно справедливо говорит, что подобный прием совсем не доказателен, так как *часть* крестьян (только те, кто имеет 2–3 штуки рабочего скота) выделена произвольно, причем устранено именно зажиточное крестьянство, и кроме того – соединять вместе материковые уезды Таврической губернии и Крым – невозможно, ибо условия аренды в них не одинаковы: в Крыму /г— Ц населения – безземельные (так наз. десятишники), в северных уездах – только 3–4 %. В Крыму почти всегда легко найти землю для аренды; в северных уездах – иногда невозможно. Интересно отметить, что у земских статистиков других губерний замечались такие же попытки (конечно, одинаково неудачные) затушевать такие «незаконные» проявления крестьянской жизни, как аренда с целью получения дохода. (См. Карышева, назв. соч.)

Если, таким образом, распределение вненадельной аренды у крестьян констатирует существование между отдельными крестьянскими хозяйствами различий не только количественных (много арендует, мало арендует), но и качественных (арендует из нужды в продовольствии; арендует с коммерческой целью), – то еще более приходится сказать это об аренде *надельной* земли.

«Всей надельной земли, – говорит Постников, – снимаемой крестьянами в аренду у крестьян же, зарегистрировано в 3-х Таврических уездах подворною переписью 1884–1886 гг. – 256716 дес, что составляет здесь ¹Ц всей крестьянской надельной пашни, и сюда еще не вошла та площадь, которую крестьяне сдают внаймы разночинцам, проживающим в селениях, а также писарям, учителям, духовным и др. лицам, не входящим в состав крестьянства и не подлежавшим опросу при подворной переписи. Вся эта масса земель арендуется почти всецело крестьянами зажиточных групп, что показывают следующие цифры. Переписью зарегистрировано число десятин надельной пашни, снимаемой у соседей домохозяевами:

Засаеауиими до	10 дес.	на двор.....	16 594	дес.	т. е.	6%
»от 10 до	25 »	» » ».....	89 526	»	»	35
»свыше	25 »	» » ».....	150 596	»	»	59
		<i>Всего</i>	256 716	дес.		100%

Наибольшее же количество этой сдаваемой земли, как и самое число сдатчиков земель, принадлежит к группе несееющих, бесхозьяных и малосееющих крестьян. Таким образом, значительная часть крестьян Таврических уездов (приблизительно около $\frac{1}{3}$ всего населения) частью по нежеланию, но в большинстве случаев по неимению нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря, не эксплуатирует всей своей надельной земли, сдает ее в аренду и тем увеличивает землепользование другой более зажиточной половины крестьян. Большинство сдатчиков земель принадлежит, несомненно, к числу расстроенных, падающих домохозяев» (с. 136–137).

Подтверждением сказанного служит следующая табличка «по 2-м уездам Тавр. губ. (по Мелитопольскому уезду земская статистика не дает сведений), показывающая относительное число домохозяев, сдающих наделы, и процент сдаваемой ими надельной пашни» (с. 135):

	Уезд Бердянский		Уезд Днепровский	
	домохозяев, сдающих надельную землю	сдаваемой надельной земли	домохозяев, сдающих надельную землю	сдаваемой надельной земли
	73	97	80	97,1
Д	65	54	30	38,4
»	46	23,6	23	17,2
»	21,5	8,3	16	8,1
»	9	2,7	7	2,9
	32,7			
		11,2		
Не сееющие				
Засев. до 5 »				14,9
5—10 » 10—	12,7	6,3	7	13,8
25 » 25—50			25,7	
» более 50				
<i>По уездам</i>				

От землевладения и землепользования крестьян перейдем к распределению инвентаря. О количестве рабочего скота по группам Постников дает такие данные – по всем трем уездам вместе:

	В сего		Приходится на 1 зор в среднем		% дворов, не имеющих рабоч. скота
	лошаде	волов	рабоч. скота	прочего	
У не сееющих	—	—	0,3	0,8	1,1
» засев, до 5 д	6 467	3 082	1,0	1,4	2,4
» » 5—10 »	25 152	8 924	1,9	2,3	4,2
» » 10—25 »	80 517	24 943	3,2	4,1	7,3
» » 25—50 »	62 823	19 030	5,8	8,1	13,9
» » более 50 »	21 003	11 648	10,5	19,5	30
<i>Всего</i>		67 627	3,1	4,5	7,6
	195 962				

«Прочего, всего» – в переводе на крупный.

Сами по себе эти цифры не характеризуют разрядов – это будет сделано ниже, при описании техники земледелия и при группировке экономических разрядов крестьян. Здесь отметим только, что различие групп крестьян по количеству имеющегося у них рабочего скота так глубоко, что у высших групп мы видим гораздо больше скота, чем может потребоваться на нужды семьи, а у низших – так мало (особенно рабочего скота), что самостоятельное ведение хозяйства становится невозможным.

Совершенно однородны данные о распределении мертвого инвентаря. «Подворная перепись, зарегистрировавшая крестьянский инвентарь в плугах и буккерах, дает следующие цифры для всего населения уездов» (с. 214):

	% дворов		
	не имеющих пахотных орудий	имеющих только буккер	имеющих плуг и др.
Уезд Берлинский	33	10	57
» Мелитопольский	37,8	28,2	34
» Днепроvский	39,3	7	53,7

Эта таблица показывает, какая громадная группа крестьян лишена возможности вести *самостоятельное* хозяйство. Как обстоит дело в высших группах, это видно из следующих данных о количестве инвентаря, приходящегося на двор в различных группах по посеву:

	Приходится инвентаря на двор					
	Уезд Бердянский		Уезд Мелитопольский		Уезд Днепроvский	
	Перевозочного (бричек и пр.)	Пахотного (плугов и буккеров)	Перевозочного	Пахотного	Перевозочного	Пахотного
У засев. 5—10 д.	0,8	0,5	0,8	0,4	0,8	0,5
» » 10—25 » » »	1,2	1,3	1,2	1	1	1
25—50 » » »	2,1	2	2	1,6	1,7	1,5
более 50 »	3,4	3,3	3,2	2,8	2,7	2,4

По количеству инвентаря высшая группа превосходит низшую (группу с посевом до 5 дес. автор совсем отбросил) в 4–6 раз; по числу же работников⁶ она превышает ту же группу в $\frac{23}{n}$ раза, т. е. менее чем вдвое. Уже отсюда следует, что высшая группа должна прибегать к найму рабочих, между тем как в низшей половина дворов лишена пахотного инвентаря (N. В.⁷ Эта «низшая» группа – третья снизу) и, следовательно, возможности самостоятельного хозяйничанья.

Естественно, что вышеуказанные различия в количестве земли и инвентаря обуславливают собой и различия в размере посевной площади. Количество десятин посева, приходящееся на каждый двор 6-ти групп, было приведено выше. Общее количество посевной

⁶ См. выше – таблицу о составе семей по группам.

⁷ Nota bene – заметьте. – *Ред.*

площади крестьянства Таврической губернии распределяется между группами следующим образом:

		Десятин		В / О			
		посева У		сеющих			
до 5 д.	34 070	2,4 ^				112%	посева у 40% населения »
»	5—10	»	140 426	9,7 J			
»	»	10—25	»	540 093	37,6	38%	» » 40% »
»	»	25—50	»	494 095	34,3	»	»
более 50	»	230 583		16 -J		Г50%	» » 20% » » »
		<i>Всего</i>		1 439 267		100 %	

Цифры эти говорят сами за себя. Следует только добавить, что средней посевной площадью, при которой семья может жить только земледелием, Постников считает (с. 272) – 16–18 дес. посева на двор.

III

В предыдущей главе были сведены данные, характеризующие степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их хозяйства в разных группах. Теперь следует свести данные, определяющие характер хозяйства крестьян различных групп, способ и систему ведения хозяйства.

Остановимся прежде всего на том положении Постникова, что «производительность крестьянского труда и рабочая способность семьи значительно повышаются с увеличением размеров хозяйства и употреблением машин» (с. X). Автор доказывает это положение, исчисляя, сколько приходится работников и рабочего скота на *данную* посевную площадь в разных экономических группах. При этом пользоваться данными о составе семей невозможно, так как «низшие экономические группы часть своих работников отпускают на сторону в батраки, а высшие группы принимают к себе батраков» (с. 114). Таврическая земская статистика не дает числа нанимаемых и отпускаемых рабочих, и Постников вычисляет приблизительно это количество, исходя из данных земской статистики о количестве дворов, нанимавших работников, и из расчета, сколько необходимо работников на данный размер пахотной площади. Постников признает, что эти вычисленные данные не могут претендовать на полную точность, но он думает, что его расчет может значительно изменить состав семьи только в 2-х высших группах, потому что в остальных число наймитов небольшое. Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей с нижеследующей таблицей, читатель может проверить правильность этого взгляда:

По трем уездам Таврической губернии

У не сеющих	нанималось 239	Работников отпускалось	Разность — 838	Приходится на 1 двор	
				душ в се- работников мье (с наймитами) 4,3	0,9
» засев. до 5 д.	247	1077 1484	— 1237	4,8	1,0
» » 5—10 »	465	4 292	— 3 827	5,2	1,0
» » 10—25 »	2 846	3 389	— 543	6,8	1,6
» » 25—50 »	6 041	—	+ 6 041	8,9	2,4
» » более 50 »	8 241	—	+ 8 241	13,3	5
<i>Всего</i>	18 079	10 242	+ 7 837		

Сравнивая этот последний столбец с данными о составе семей, мы видим, что Постников несколько уменьшил число рабочих в низших группах и увеличил – в высших. Так как цель его – доказать, что с увеличением размеров хозяйства уменьшается число рабочих на данную посевную площадь, то, следовательно, приблизительные выкладки автора могли скорее ослабить, чем усилить это уменьшение.

После этого предварительного расчета, Постников дает такую таблицу соотношений посевной площади с количеством работников, рабочего скота, затем населения вообще в разных группах крестьян (с. 117):

	Посева на пару		Приходится 100 дес. посева		
	рабоч. скота	дворов	душ (с наймитами)	работников	голов рабоч. скота
У сеющих до 5 д.	7,1 дес.	28,7	136	28,5	28,2
» » 5—10 » »	8,2 »	12,9	67	12,6	25
» 10—25 » »	10,2 »	6,1	41,2	9,3	20
25—50 » » »	12,5 »	2,9	25,5	7	16,6
более 50 »	14,5 »	1,3	18	6,8	14
<i>Всего</i>	10,9 дес.	5,4	36,6	9	18,3

«Таким образом, с увеличением размера хозяйства и запашки у крестьян расход по содержанию рабочих сил, людей и скота, этот главнейший расход в сельском хозяйстве, прогрессивно уменьшается и у многосеющих крестьян делается почти в 2 раза менее на десятину посева, чем у групп с малой распашкой» (с. 117).

То положение, что расход на работников и рабочий скот является преобладающим в сельском хозяйстве, автор подтверждает ниже на примере подробного бюджета одного меннонитского^[6] хозяйства: из всего расхода 24,3 % составляет расход для хозяйства; 23,6 % – расход на рабочий скот и 52,1 % – на работников (с. 284).

Своему заключению о повышении производительности труда по мере повышения размеров хозяйства Постников придает большое значение (что видно и из приведенной выше цитаты, помещенной им в предисловии), и нельзя не признать его действительную важность – во-первых, по изучению экономического быта нашего крестьянства и характера хозяйства в различных группах; во-вторых, по общему вопросу о соотношении мелкой и крупной культуры. Этот последний вопрос сильно запутан многими авторами, и главной

причиной путаницы было то, что сравнивались хозяйства неоднородные, поставленные в различные общественные условия, отличающиеся по самому типу ведения хозяйства; сравнивались, напр., хозяйства, в которых доход извлекается посредством производства сельскохозяйственных продуктов, с хозяйствами, в которых доход извлекается эксплуатацией нужды других хозяйств в земле (напр., хозяйства крестьянское и помещичье в эпоху, непосредственно следующую за реформой 1861 г.^[7]). Постников совершенно свободен от этой ошибки и не забывает основного правила сравнения: чтобы сравниваемые явления были однородны.

Подробнее доказывая свое положение относительно Таврических уездов, автор приводит данные, во-первых, по каждому уезду отдельно; во-вторых, отдельно для русского населения, именно самой многочисленной его группы – бывш. государственных крестьян (с. 273–274):

Приходится десятин посева на пару рабочего скота

	по уездам вообще			в группе бывш. госуд.		Днепр.
	Берд.	Мелит.	Днепр.	Берд.	Мелит.	
У сеюших до 5 д.	8,9	8,7	4,3	—	—	—
» » 5—10 »	8,9	8,7	6,8	8,9	9,1	6,8
» » 10—25 »	10,2	10,6	9,7	10,3	10,9	9,6
» » 25—50 »	11,6	12,4	12,3	12,3	12,8	11,9
» » более 50 »	13,5	13,8	15,7	13,7	14,3	15
<i>В среднем</i>	10,7	11,3	10,1	—	—	—

Вывод тот же: «в хозяйстве малого размера относительно число рабочего скота на данную площадь посева превышает в 1¹—2 раза это же число в «полном» крестьянском хозяйстве. Тот же закон подворная перепись обнаруживает и для всех других, более мелких групп: бывш. помещ. крестьян, арендаторов и пр., и во всех, даже самых небольших районах местности, ограниченных размером одной волости и даже одного селения» (с. 274).

Соотношение между размерами посева и расходами хозяйства оказывается не в пользу мелких хозяйств также и по отношению к другому рода расходу: содержанию мертвого инвентаря и продуктивного скота.

Мы выше видели, с какой быстротой возрастает число и того и другого на 1 двор от низшей группы к высшей. Если расчислить этот инвентарь на данную площадь посева, то получим *уменьшение* его от низшей группы к высшей (с. 318):

<i>Приходится на 100 дес. посева</i>				
	Продукт, скота		плугов и буккеров	бричек
У сеющих до 5 д.	42	головы	4,7	10
» » 5—10 »	28,8	»	5,9	9
» » 10—25 »	24,9	»	6,5	7
» » 25—50 »	23,7	»	4,8	5,7
» » более 50 »	25,8	»	3,8	4,3
<hr/>				
<i>По трем уездам:</i>	25,5	головы	5,4	6,5

«Эта таблица показывает, что с возрастанием посева на двор наиболее крупный инвентарь (орудия обработки и перевозки) прогрессивно уменьшается в числе на данную площадь посева, а потому в хозяйстве высших групп расход по содержанию орудий обработки почвы и перевозки должен быть на десятину относительно менее. Группа с посевом до 10 дес. на двор представляет некоторое исключение: она имеет сравнительно менее орудий обработки, чем следующая группа с посевом 16 дес. на двор, но лишь потому, что в ней многие работают не собственным инвентарем, а наемным, что отнюдь не сокращает расходов на инвентарь» (с. 318).

«Земская статистика, – говорит Постников, – с неоспоримою ясностью показывает, что чем более размер крестьянского хозяйства, тем менее на данную площадь пахотной земли содержится инвентаря, рабочих людей и рабочего скота» (с. 162).

«В предыдущих главах было уже показано, – замечает Постников ниже, – что в Таврических уездах это явление имеет место по всем группам крестьян и всем районам местности. Это явление обнаруживается в крестьянском хозяйстве, по данным земской статистики, и в других губерниях, где земледелие также является главной отраслью крестьянского хозяйства. Таким образом, явление это имеет широкое распространение и принимает вид закона, получающего большое экономическое значение, так как этим законом в значительной мере уничтожается экономический смысл мелкого земледельческого хозяйства» (с. 313).

Последнее замечание Постникова несколько преждевременно: чтобы доказать неизбежность вытеснения мелких хозяйств крупными, недостаточно установить большую выгодность последних (большую дешевизну продукта); необходимо еще установить преобладание денежного (точнее: товарного) хозяйства над натуральным, потому что при натуральном хозяйстве, когда продукт идет на собственное потребление производителя, а не на рынок, дешевый продукт не встретится с дорогим на рынке, а потому и не в состоянии будет его вытеснить. Об этом, впрочем, подробнее будет речь ниже.

Чтобы доказать применимость вышеустановленного закона ко всей России, Постников берет те уезды, по которым земская статистика детально провела экономическую группировку населения, и вычисляет размер пахотной площади, приходящейся на пару рабочего скота и на работника в различных группах. Вывод получается прежний: «что при малом размере крестьянского хозяйства пахотная площадь должна оплачивать содержание рабочих сил в 1V2–2 раза более, чем при хозяйстве более достаточного размера» (с. 316). Это верно как для Пермской губернии (с. 314), так и для Воронежской, как для Саратовской, так и для Черниговской (с. 315), так что Постников, несомненно, доказал распространимость этого закона на всю Россию.

Перейдем теперь к вопросу о «доходах и расходах» (гл. IX) разных групп крестьянских хозяйств и об отношении их к рынку:

«В каждом хозяйстве, – говорит Постников, – представляющем собою самостоятельную единицу, площадь территории состоит из следующих 4-х частей: одна часть производит пищу для прокормления рабочей семьи и работников, живущих в хозяйстве; это – в узком смысле – *пищевая* площадь хозяйства; другая часть доставляет корм скоту, работающему в хозяйстве, и может быть названа *кормовой* площадью. Третья часть состоит из усадебной земли, дорог, прудов и пр. и той части посевной площади, которая дает семена для посева; ее можно назвать *хозяйственной* площадью, так как она служит без различия всему хозяйству. Наконец, четвертая часть производит зерно и растения, подлежащие, в сыром или переработанном виде, сбыту из хозяйства на рынок. Это – *торговая* или *рыночная* площадь хозяйства. Разделение территории на четыре указанные части определяется в каждом частном хозяйстве не родом культивируемых растений, а ближайшей целью их возделывания.

Денежный доход хозяйства определяется торговой частью его территории, и чем более эта последняя площадь и выше относительная ценность получаемых с нее продуктов, тем более запрос, предъявляемый рынку сельскими хозяевами, и то количество труда, которое страна может держать вне земледелия в районе своего рынка, тем выше является государственное (податное) и культурное значение для страны ее сельского хозяйства, а также выше и чистый доход самого хозяина и его ресурсы для производства сельскохозяйственных затрат и улучшений» (с. 257).

Это рассуждение Постникова было бы совершенно верно, если бы сделать к нему одну, довольно существенную поправку: автор говорит о значении торговой площади хозяйства для страны вообще, тогда как, очевидно, речь может идти только о такой стране, в которой денежное хозяйство является преобладающим, в которой большая часть продуктов принимает форму *товаров*. Забывать это условие, считать его подразумевающимся само собою, опускать точное исследование, насколько оно приложимо к данной стране, – значило бы впадать в ошибку вульгарной политической экономии.

Выделение из всего хозяйства его рыночной площади – очень важно. Для внутреннего *рынка* имеет значение совсем не доход производителя вообще (которым, т. е. доходом, определяется благосостояние этого производителя), а исключительно *денежный* его доход. Обладание денежными средствами совсем не определяется благосостоянием производителя: крестьянин, получающий с своего участка вполне достаточное на собственное потребление количество продуктов, но ведущий натуральное хозяйство, – пользуется благосостоянием, но не обладает денежными средствами; крестьянин полуразоренный, получающий с участка только небольшую часть нужного ему хлеба и добывающий остальное количество хлеба (хотя бы в меньшем количестве и худшего качества) случайными «заработками», – не пользуется благосостоянием, но обладает денежными средствами. Ясно отсюда, что всякое рассуждение о значении крестьянских хозяйств и их доходности для рынка, не основанное на учете денежной части дохода, не может иметь никакой цены.

Для определения того, как велики четыре указанные части посевной площади в хозяйстве крестьян разных групп, Постников исчисляет предварительно годовое потребление хлеба, принимая круглым счетом 2 четверти хлебного зерна на душу (с. 259), что составит $\frac{2}{3}$ дес. на душу в составе посевной площади. Затем определяет кормовую площадь в $1\frac{1}{2}$ дес. на каждую лошадь, а посевную площадь – в 6 % пахотной территории и получает следующие данные⁸ (с. 319):

⁸ Для определения денежного дохода Постников поступал так: принимал, что вся торговая площадь находится под самым дорогим хлебом – пшеницей и, зная средний урожай ее и цены, вычислял получаемое с этой площади количество ценностей.

	Приходится 100 дес. посева на площадь				Получается денежного дохода	
	хозяйствен- ную	пищевую	кормовую	торговую	на 1 дес.	на
					посева	1 двор
(рубли)						
У сеющих до 5 д.	6	90,7	42,3	— 39	-----	----
» » 5—10 »	6	44,7	37,5	+ 11,8	3,77	30
» » 10—25 »	6	27,5	30	36,5	11,68	191
» » 25—50 »	6	17	25	52	16,64	574
» » более 50 »	6	12	21	61	19,52	1500

«Показанная разница в денежных доходах хозяйства у отдельных групп, – говорит Постников, – достаточно иллюстрирует значение величины хозяйства, но в действительности эта разница между доходностью посевов в группах должна быть еще больше, так как у высших групп следует предполагать большие урожаи на десятине и высшую ценность сбываемого хлеба.

В этом учете доходности мы ввели в вычисление не всю площадь хозяйства, а только пахотную, потому что не имеем у себя точных данных потребления отдельными видами скота прочих угодий в крестьянских хозяйствах Таврических уездов; но так как денежный доход южно-русского крестьянина, исключительно занимающегося земледелием, определяется почти всецело посевной площадью, то приведенные цифры довольно точно обрисовывают различие в денежном доходе от хозяйства у различных групп крестьян. Эти цифры показывают, как сильно изменяется этот доход с размерами посева. Семья, имеющая 75 дес. посева, получает в год денежной выручки до 1500 рублей, семья с посевом 34½ дес. имеет в год 574 руб., а с посевом в 16⅓ дес. только 191 руб. Семья, засевающая 8 дес, получает только 30 руб., т. е. такую сумму, которая недостаточна для покрытия денежных расходов по хозяйству без сторонних промыслов. Конечно, приведенные цифры еще не показывают ренты от хозяйства, и для получения последней нужно вычесть из них все денежные расходы по хозяйству в налогах, инвентаре, постройках, на покупку одежды, обуви и т. д. Но расходы эти возрастают не пропорционально увеличению размеров хозяйства. Расходы по содержанию семьи возрастают пропорционально численности семьи, а увеличение состава последней, как видно из таблицы, идет гораздо медленнее, чем увеличение площади посева в группах. Что касается всех хозяйственных расходов (уплаты земельного налога и арендной платы, ремонта построек и инвентаря), то они возрастают в хозяйстве во всяком случае не более чем пропорционально размерам хозяйства, между тем как валовой денежный доход от хозяйства, как показывает предыдущая таблица, возрастает более чем пропорционально размерам посева. Притом же все эти хозяйственные расходы весьма невелики сравнительно с главным расходом хозяйства по содержанию рабочих сил. Таким образом, мы можем формулировать то явление, что рента от земледелия в крестьянском хозяйстве прогрессивно уменьшается на десятину по мере уменьшения его размеров» (с. 320).

Из данных Постникова мы видим таким образом, что по отношению к рынку земледельческое хозяйство крестьян в различных группах является существенно различным: высшие группы (с посевом более 25 дес. на двор) ведут уже коммерческое хозяйство; целью производства хлеба является получение дохода. Наоборот, в низших группах земледелие не покрывает необходимых нужд семьи (это относится к посевицам, обрабатывающим до 10

дес. на двор); если подсчитать с точностью все расходы по хозяйству, то наверное окажется, что хозяйство в таких группах ведется в убыток.

Крайне интересно также воспользоваться теми данными, которые приводит Постников, для разрешения вопроса о том, в каком отношении стоит раскол крестьянства на разнородные группы к размеру предъявляемого рынку спроса? Мы знаем, что размер этого спроса зависит от величины торговой площади, а эта последняя возрастает с увеличением размеров хозяйства; но ведь параллельно с этим увеличением размеров хозяйства в высших группах идет уменьшение этих размеров в низших группах. По количеству дворов низшие группы вдвое многочисленнее высших групп: первых 40 % в Таврических уездах, вторых – только 20 %. Не получается ли в общем и целом, что вышеуказанный хозяйственный раскол уменьшает размер предъявляемого рынку спроса? Собственно говоря, мы вправе ответить на этот вопрос отрицательно уже на основании априорных соображений: дело в том, что в низших группах размер хозяйства так мал, что все нужды семьи не могут быть покрыты земледелием; чтобы не умереть с голоду, представителям этих низших групп придется нести на рынок свою рабочую силу, продажа которой даст им известные денежные средства и уравновесит таким образом (до известной степени) то уменьшение спроса, которое произойдет от уменьшения размеров хозяйства. Но данные Постникова позволяют дать на поставленный вопрос более точный ответ.

Возьмем какое-нибудь количество посевной площади, например, 1600 дес. и представим себе двоякое распределение ее: во-первых, между однородным экономически крестьянством и, во-вторых, между крестьянами, расколовшимися на разнородные группы, какие мы видим в Таврических уездах, в настоящее время. В 1-ом случае, полагая на среднее крестьянское хозяйство 16 дес. посева (как это и обстоит на деле в Таврических уездах), получим 100 хозяйств, вполне покрывающих свои нужды земледелием. Предъявляемый рынку спрос будет равняться $191 \times 100 = 19\ 100$ руб. – Второй случай: 1600 дес. посева распределены между прежними 100 дворами иначе, именно так, как распределяется в действительности посевная площадь между крестьянами Таврических уездов: 8 дворов совсем не имеют посева; 12 засевают по 4 дес; 20 по 8; 40 по 16; 17 по 34 и 3 по 75 (всего посева получается 1583 дес, т. е. немного даже менее 1600 дес). При таком распределении весьма значительная часть крестьян (40 %) не будет в состоянии получить с своей земли достаточно дохода на покрытие всех нужд. Размер предъявляемого рынку денежного спроса, считая только хозяйства с посевом более 5 дес на двор, будет следующий: $20 \cdot 30 + 40 \cdot 191 + 17 \cdot 574 + 3 \cdot 1500 = 21\ 350$ руб. Мы видим таким образом, что несмотря на опущение целых 20 дворов [несомненно, получающих тоже денежный доход, только не от продажи своих продуктов], несмотря на сокращение посевной площади до 1535 дес. – общий размер предъявляемого рынку денежного спроса повысился^[8].

Было уже сказано, что крестьяне низших экономических групп вынуждены продавать свою рабочую силу; наоборот, представители высших групп должны покупать ее, так как собственных рабочих уже недостаточно для обработки их крупной посевной площади. Мы должны теперь поподробнее остановиться на этом важном явлении. Постников как будто не причисляет это явление к «новым хозяйственным движениям в крестьянской жизни» (по крайней мере, не упоминает о нем в предисловии, где резюмирует результаты труда), но оно заслуживает гораздо большего внимания, чем введение машин или расширение запашки у зажиточных крестьян.

«Более зажиточное крестьянство в Таврических уездах, – говорит автор, – вообще пользуется в значительной мере наемными работниками и ведет свое хозяйство на такой площади, которая далеко превышает рабочую способность самих семейств. Так, в 3-х уездах на 100 семей держат наемных работников, по всем разрядам крестьян:

Не имеющие посева	3,8%
Засажающие до 5 дес	2,5
» 5—10 »	2,6
» 10—25 »	8,7
» 25—50 »	34,7
» более 50 »	64,1
<i>Всего</i>	<i>12,9%</i>

Эти цифры показывают, что наемных работников держат преимущественно хозяева зажиточные, с более значительными посевами» (с. 144).

Сравнивая вышеприведенные данные о составе семей по группам без наймитов (по трем уездам отдельно) и с наймитами (по трем уездам вместе), мы видим, что хозяева, засевающие от 25 до 50 дес. на двор, увеличивают число рабочих сил в своем хозяйстве посредством найма – приблизительно на $\frac{1}{3}$ (с 1,8–1,9 работника на семью до 2,4), а хозяева с посевом более 50 дес. на двор увеличивают число рабочих почти вдвое (с 2,3 до 5); даже более чем вдвое по расчету автора, который считает, что они должны нанимать до 8241 работника (с. 115), имея своих 7129 человек. Что низшие группы должны отпускать рабочих на сторону в весьма значительном количестве – это явствует уже из того, что земледельческое хозяйство не в состоянии дать им необходимое на собственное содержание количество продуктов. К сожалению, точных данных о количестве отпускаемых на сторону работников мы не имеем. Косвенным показателем этого количества может служить число домохозяев, сдающих свои наделы: выше было приведено заявление Постникова, что в Таврических уездах около $\frac{1}{3}$ населения не эксплуатирует вполне своей наделной земли.

IV

Из приведенных выше данных видно, что Постников вполне доказал свое положение об «огромном разнообразии» в экономическом положении отдельных дворов. Это разнообразие простирается не только на степень имущественного обеспечения крестьян и размеры их посевов, но даже на характер хозяйства в разных группах. Мало этого. Оказывается, что термины: «разнообразие», «дифференциация» недостаточны для полной характеристики явления. Если один крестьянин имеет 1 штуку рабочего скота, а другой – 10, мы называем это дифференциацией, но если один арендует десятки десятин земли сверх обеспечивающего его надела с единственной целью извлечь доход из ее эксплуатации и тем лишает другого крестьянина возможности арендовать землю, в которой он нуждается для прокормления своей семьи, – то мы имеем пред собой, очевидно, нечто гораздо большее; мы должны назвать такое явление «рознь» (с. 323), «борьбой экономических интересов» (с. XXXII). Употребляя эти термины, Постников недостаточно оценивает всю их важность; он не замечает также, что и эти последние термины оказываются недостаточными. Аренда наделной земли у обедневшей группы населения, наем в батраки крестьянина, переставшего вести свое хозяйство, – это уже не только рознь, это – прямая эксплуатация.

Признавая глубокую экономическую рознь в современном крестьянстве, мы не можем уже ограничиться одним разделением крестьян на несколько слоев по степени имущественного обеспечения. Такое разделение было бы достаточно, если бы все вышеуказанное разно-

образе сводилось к различиям количественным. Но это не так. Если у одной части крестьян целью земледелия является коммерческая выгода и результатом – крупный денежный доход, а у другой – земледелие не покрывает даже необходимых потребностей семьи, если высшие группы крестьян основывают свое улучшенное хозяйство на разорении низших, если зажиточное крестьянство в значительной степени пользуется наемным трудом, а бедное вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы, – то это уже, несомненно, качественные различия, и нашей задачей теперь должно быть группировать крестьянство по различиям в самом характере их хозяйства (разумея под характером хозяйства особенности не техники, а экономики).

Постников слишком мало обратил внимания на эти последние различия; поэтому хотя он и признает необходимость «более общего расчленения населения на группы» (с. ПО) и пытается сделать такое расчленение, но попытка его, как мы сейчас увидим, не может быть признана вполне удачной.

«Для более общего расчленения населения на экономические группы, – говорит Постников, – мы воспользуемся другим признаком, который хотя по местностям и не представляет однородного экономического значения, но более согласуется с делением на группы, какое делают у себя сами крестьяне и которое также отмечено по всем уездам и земскими статистиками. Деление это делается по степени самостоятельности домохозяев в способах ведения хозяйства, в зависимости от количества рабочего скота во дворе» (с. ПО).

«В настоящее время крестьянство южно-русского района можно разбить, по степени хозяйственной самостоятельности домохозяев и в то же время по способам их хозяйствования, на три следующие главные группы:

1) Домохозяев тягловых или имеющих тягло, т. е. полный плуг или заменяющее его орудие для пахоты, и обходящихся в полевых работах собственным скотом, без найма скота и без супряги⁹¹. При плужном или буккерном тягле эти домохозяева имеют у себя 3–2 пары или более рабочего скота и, соответственно тому, во дворе 3-х взрослых работников или, по крайней мере, 2-х взрослых работников и одного полурабочего.

2) Полутягловых или супряжников, т. е. домохозяев, спягающихся между собою для полевых работ, по неимению достаточного числа скота для самостоятельной запряжки. У таких хозяев во дворе держится одна или 1/2 пары и даже в некоторых случаях 2 пары рабочего скота и, соответственно тому, один или два взрослых работника. При тяжелой почве и при необходимости работать на плуге (или заменяющем его буккере) с 3 парами скота такие домохозяева обязательно спягаются, если имеют и 2 пары рабочего скота.

3) Домохозяев бестяглых или «пеших», вовсе не имеющих скота, или имеющих одну рабочую скотину (большею частью лошадь, так как волы обыкновенно держатся парами и ходят лишь в парной упряжи). Они работают наймом чужого скота или сдают свои земли внаймы из части урожая и вовсе не имеют посева.

Такая группировка по коренному в крестьянской жизни хозяйственному признаку, каким в данном случае является количество рабочего скота и способ запряжки, делается обыкновенно самими крестьянами. Но в ней есть большие вариации как в пределах каждой отдельной поименованной выше группы, так и в расчленении между собой самых групп» (с. 121).

Численный состав этих групп в % к общему числу дворов следующий (с. 125):

	I	II	III	
	Работавших собств. скотом	Работавших суп- рягой	Работавших наймом скота	Не имевших по- сева
Уезд Берлинский	37	44,6	11,7	6,7
» Мелитопольский	32,7	46,8	13	7,5
» Днепроvский	43	34,8	13,2	9

Рядом с этой таблицей автор дает группировку дворов по количеству содержащего в них рабочего скота, чтобы определить состав тягла в описываемых уездах:

	Число дворов в % общего их числа			
	4 и более шт.	Имеющих во дворе рабочего скота 2—3 шт.	1 штуку	Не имеющих рабоч. скота
Уезд Бердянский	36,2	41,6	7,2	15
» Мелитопольский	34,4	44,7	5,3	15,6
» Днепроvский	44,3	36,6	5Д	14

Следовательно, в Таврических уездах полное тягло требует наличности не менее 4-х штук рабочего скота во дворе.

Такая группировка Постникова не может быть признана вполне удачной прежде всего потому, что в пределах каждой из этих 3-х групп замечаются сильные различия:

«В группе тягловых домохозяев, – говорит автор, – мы встречаем в южной России большое разнообразие: наряду с большим тяглом у зажиточных крестьян существует и тягло малое у более бедных. Первое в свою очередь делится на тягло полное (6–8 штук рабочего скота) и неполное (4–6 штук)... Категория «пеших» домохозяев представляет также много разнообразия в степени достатка» (с. 124).

Другое неудобство принимаемого Постниковым расчленения состоит в том, что в земской статистике группировка населения произведена, как уже было указано выше, не по количеству рабочего скота, а по размерам посева. Чтобы иметь возможность выражать точно имущественное положение разных групп, приходится поэтому взять группировку по размерам посева.

По этому признаку Постников делит население точно так же на три группы: на домохозяев малосеющих – с посевом до 10 дес. и без посева; среднесеющих – с посевом 10–25 дес. и многосеющих – с посевом выше 25 дес. на двор. Первую группу автор называет «бедной», вторую – средней, третью – зажиточной.

О численном составе этих групп Постников говорит:

«В общем у таврических крестьян (без колонистов) многосеющие составляют около 76 части всего числа дворов, имеющие средние посева – около 40 % и несколько более 40 % дают дворы малосеющие с нессеющими. В целом же населении Таврических уездов (с колонистами) к многосеющим принадлежит $\frac{1}{3}$ часть населения, или около 20 %, к среднесеющим – 40 % и к малосеющим с нессеющими – около 40 %» (с. 112).

Следовательно, присоединение немцев крайне незначительно изменяет состав групп, так что пользование общими данными о всем уезде не составит неправильности.

Наша задача теперь должна состоять в том, чтобы охарактеризовать по возможности точнее экономическое положение каждой из этих групп в отдельности и постараться выяснить таким образом размеры и причины экономической розни в крестьянстве.

Постников не поставил себе такой задачи; поэтому приводимые им данные отличаются большой разбросанностью, а общие отзывы о группах – недостаточной определенностью.

Начнем с низшей группы – бедной, к которой относится в Таврических уездах $\frac{1}{5}$ населения.

Насколько эта группа в действительности бедна, об этом лучше всего судить по количеству рабочего скота (главное орудие производства в сельском хозяйстве). По трем уездам Таврической губернии из всего количества рабочего скота – 263 589 штук – у низшей группы находится (с. 117) – 43 625 штук, т. е. всего 17 %, в 2 $\frac{1}{3}$ раза менее среднего. Данные о % дворов, не имеющих рабочего скота, были приведены выше (80 % – 48 % – 12 % по 3-м подразделениям низшей группы). Постников на основании этих данных сделал вывод, что «% домохозяев, не имеющих у себя собственного скота, значителен только в группах без посева и с посевом до 10 дес. на двор» (с. 135). Количество посева у этой группы находится в соответствии с количеством скота: на собственной земле засеивается 146 114 дес. из всего количества 962 933 дес. (по 3-м уездам), т. е. 15 %. Прибавление арендованной земли увеличивает посев до 174 496 дес, но так как при этом увеличивается посев и в других группах и увеличивается в большем размере, чем в низшей группе, то в результате получается, что посев низшей группы составляет лишь 12 % всего посева, т. е. 1 % посева приходится на более чем 1 % населения. Если припомнить, что нормальным (т. е. покрывающим все нужды семьи) посевом автор считает именно средний посев тавричанина, то легко видеть, насколько обделена эта группа с посевом в $3\frac{1}{3}$ раза менее среднего.

Очень естественно, что при таких условиях земледельческое хозяйство этой группы находится в крайне печальном положении: мы видели выше, что 33–39 % населения в Таврических уездах – следовательно, подавляющее большинство низшей группы – совсем не имеют пахотных орудий. Неимение инвентаря заставляет крестьян бросать землю, сдавать наделы в аренду: Постников считает, что число таких сдатчиков (с хозяйством, несомненно, уже совершенно расстроеным) составляет около $\frac{1}{3}$ населения, т. е. опять-таки значительное большинство бедной группы. Заметим мимоходом, что это явление «продажи» наделов (употребляя обычное крестьянское выражение) констатировано земской статистикой повсюду и в весьма значительных размерах. Пресса, отметившая этот факт, успела уже изобрести и средство против него – неотчуждаемость наделов. Постников совершенно справедливо возражает против действительности подобных мер, обличающих в авторах чисто чиновничью веру в могущество предписаний начальства. «Несомненно, – говорит он, – что одно запрещение сдачи земель в аренду не уничтожит этого явления, корни которого лежат слишком глубоко в настоящем экономическом строе крестьянского быта. Крестьянин, у которого нет инвентаря и средств для собственного хозяйства, фактически не может пользоваться своим наделом и должен отдавать его в наем другим крестьянам со средствами для ведения хозяйства. Прямое запрещение сдачи земель заставит производить эту сдачу тайно, без контроля и, вероятно, на худших условиях для сдающего землю, чем теперь, потому что сдающий землю вынужден ее сдавать. Затем, для оплаты казенных недоимок на крестьянах, наделы их чаще станут сдаваться чрез сельскую расправу^[10], а такая сдача для бедных крестьян менее всего будет выгодна» (с. 140).

Полный упадок хозяйства замечается у всей бедной группы:

«В сущности, – говорит Постников, – несеещие домохозяева и малосееющие, обрабатывающие свою землю наймом чужого скота, не представляют большой разницы в своем хозяйственном положении. Первые сдают в аренду односельцам всю свою землю, вторые – только часть ее, но как те, так и другие *либо служат батраками* у своих односельчан, *либо* промышляют *сторонними и большею частью земледельческими* *лее* заработками, проживая в собственной усадьбе. Поэтому *обе категории крестьян – несееющих и малосееющих – молено рассматривать вместе*; и те и другие принадлежат к домохозяевам, теряющим свое хозяйство, в большинстве случаев разорившимся или разоряющимся, не имеющим нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря» (с. 135).

«Если дворы бесхозяйные и не сеющие в большинстве случаев представляют собою разорившиеся хозяйства, – говорит Постников несколько ниже, – то малосееющие, сдающие внаймы свою землю, представляют собой кандидатов в первые. Всякий значительный неурожай или случайное несчастье, как пожар, пропажа лошадей и т. п., каждый раз выбивают из этой группы часть домохозяев в разряд бесхозяйных и батраков. Домохозяин, лишившийся почему-либо рабочего скота, делает первый шаг к упадку. Обработка земли наймом чужого скота представляет много случайного, беспорядочного и обыкновенно вынуждает к уменьшению запашки. Такому мужику отказывают в кредите местные сельские ссудосберегательные кассы и односельчане [в примечании: «в Таврических уездах очень многочисленны ссудосберегательные товарищества в больших селениях, действующие с помощью ссуд из государственного банка, но пользуются займами из них лишь зажиточные и достаточные домохозяева»]; заем он получает обыкновенно на более тяжелых условиях, чем крестьяне «заможные». «Как ему дать, – говорят крестьяне, – когда с него нечего взять». Раз запутавшись в долгах, он при первом несчастье теряет и землю, в особенности если за ним числится еще и казенная недоимка» (с. 139).

До какой степени глубок упадок земледельческого хозяйства у крестьян бедной группы, это лучше всего видно из того, что автор отказывается даже ответить на вопрос, как именно ведется у них это хозяйство. У хозяйств, засевающих менее 10 дес. на двор, говорит он, – «земледелие стоит в условиях слишком случайных, чтобы оно могло быть охарактеризовано определенными приемами» (с. 278).

Приведенные характеристики хозяйства крестьян низшей группы, несмотря на свою многочисленность, совершенно недостаточны: они – исключительно отрицательные, тогда как должна же быть и положительная характеристика. Мы слышали до сих пор только о том, что относить крестьян этой группы к самостоятельным хозяевам-земледельцам не доводится, потому что земледелие у них в полном упадке, потому что посевная площадь крайне недостаточна, потому, наконец, что земледелие ведется у них случайно: «Придерживаться какого-либо порядка в посевах, – замечают статистики в описании Бахмутского уезда, – могут лишь состоятельные и зажиточные хозяева, не нуждающиеся в семенах, а бедняки сеют, что у них окажется налицо, где и как попало» (с. 278). Однако существование всей той массы крестьянства, которую включает низшая группа (в 3-х Таврических уездах свыше 30 тыс. дворов и более 200 тысяч душ обоего пола), не может быть случайным. Если они кормятся не от своего собственного хозяйства, то чем же живут они? Главным образом продажей своей рабочей силы. Мы видели выше, что Постников говорил про крестьян этой группы, что существуют они батрачеством и сторонними заработками. При почти полном отсутствии промыслов на юге, эти заработки – большею частью земледельческие и сводятся, следовательно, к *найму* на сельскохозяйственные работы. Чтобы подробнее доказать, что именно продажа труда является главной чертой хозяйства крестьян низшей группы, обратимся к рассмотрению этой группы по тем разрядам, на которые делит ее земская статистика. О домохозяевах не сеющих нечего и говорить: это полные батраки. Во 2-ом разряде мы имеем уже посевики с посевом до 5 дес. на двор (в среднем 3,5 дес). Из приведен-

ного выше деления посевной площади на хозяйственную, кормовую, пищевую и торговую видно, что такой посев совершенно недостаточен. «Первая группа с посевом до 5 дес. на двор, – говорит Постников, – не имеет в своих посевах рыночной, торговой площади; ее существование возможно лишь при сторонних заработках, добываемых батрачеством и др. способами» (с. 319). Остается последний разряд – хозяев с посевом 5–10 дес. на двор. Спрашивается, в каком отношении у крестьян этой группы стоит самостоятельное земледельческое хозяйство к так называемым «заработкам»? Для точного ответа на этот вопрос необходимо было бы иметь несколько *типичных* крестьянских бюджетов, относящихся к хозяевам *этой группы*. Постников вполне признает необходимость и важность данных о бюджетах, но указывает, что «собрание таких данных весьма затруднительно, а во многих случаях для статистиков и просто невозможно» (с. 107). С последним замечанием согласиться очень трудно: московские статистики собрали несколько чрезвычайно интересных и подробных бюджетов (см. «Сборник стат. свед. по Моск. губ.». Отдел хозяйственной статистики. Тт. VI и VII); по некоторым уездам Воронежской губернии, как указывает сам же автор, данные о бюджетах собраны даже подворно.

Очень жаль, что собственные данные Постникова о бюджетах крайне недостаточны: он приводит 7 бюджетов немецких колонистов и только один бюджет русского крестьянина, причем все бюджеты относятся к крупным посевицам (*minimum* – у русского – 39V2 дес. посева), т. е. к такой группе, хозяйство которой можно достаточно ясно представить себе на основании имеющихся в земской статистике данных. Выражая сожаление, что ему «не удалось собрать при поездке большее количество крестьянских бюджетов», Постников говорит, что «точное определение этих бюджетов – дело вообще нелегкое. Тавричане дают свои хозяйственные показания довольно открыто, но точных цифр своего дохода и расхода они большею частью и сами не знают. Еще более верно припоминают крестьяне общую цифру своего расхода, или крупнейшие приходы и расходы, но мелочные цифры почти всегда ускользают из их памяти» (с. 288). Лучше бы, однако, собрать несколько бюджетов, хотя и без мелочных подробностей, чем собирать, как это сделал автор, «до 90 описаний с оценкой» хозяйственной обстановки, которая достаточно выясняется земскими подворными переписями.

За отсутствием бюджетов в нашем распоряжении оказываются только двоякие данные для определения характера хозяйства рассматриваемой группы: во-первых, расчеты Постникова⁹ о количестве посева на двор, необходимом на прокормление средней семьи; во-вторых, данные о разделении посевной площади на 4 части, и о среднем количестве денежных расходов (на семью в год) у местных крестьян.

На основании подробных расчетов о количестве десятин посева, необходимом на продовольствие семьи, на посев и на корм скоту, Постников делает такой окончательный вывод:

«Крестьянская семья среднего состава и достатка, живущая исключительно земледелием и сводящая свой баланс без дефицита, при средних урожаях должна иметь в своей посевной площади – 4 дес. на продовольствие 6V2 душ семьи, 4!г дес. для корма 3-х рабочих лошадей, 1V2 дес. для сбора посевных семян и 6–8 дес. для продажи зерна на рынок, всего 16–18 десятин посева. ... Средний тавричанин имеет около 18 дес. посева на двор, но 40 % населения 3-х Таврических уездов имеет посева у себя ниже 10 дес. на двор, и если оно все-таки занимается земледелием, то лишь потому, что часть своего дохода добывает сторонними заработками и отдачей внаймы своей земли. Хозяйственное положение этой части населения – ненормальное, шаткое, потому что в большинстве случаев она не может иметь у себя запасов на черный год» (с. 272).

⁹ 3V2 дес. пищевой площади дадут по 25 руб. ценностей на 1 дес. (25 x 3,5 = 87,5) – расчет Постникова, с. 272.

Так как средний размер посева на двор в рассматриваемой группе – 8 дес. т. е. менее половины необходимого (17 дес.), то мы вправе заключить, что крестьяне этой группы большую часть дохода получают от «заработков», т. е. от продажи своего труда.

Другой расчет: по вышеприведенным данным Постникова о распределении посевной площади, из 8 дес. посева – 0,48 дес. пойдет на семена; 3 дес. на корм скоту (в этой группе на двор приходится 2, а не 3 штуки рабочего скота); 3,576 дес. – на продовольствие семьи (состав ее тоже ниже среднего – около 5½ душ, а не 6½), так что на торговую площадь останется менее 1 дес. (0,944), доход с которой автор исчисляет в 30 руб. Но сумма необходимых денежных расходов для тавричанина гораздо выше. Собрать данные о количестве денежных расходов гораздо легче, чем о бюджетах, говорит автор, потому что крестьяне нередко сами производят расчеты на эту тему. По этим расчетам оказывается, что:

«Для семьи среднего состава, т. е. состоящей из мужа-работника, жены и 4-х детей и подростков, если она ведет хозяйство на собственной земле, примерно 20 десятинах, не прибегая к аренде, сумма необходимых денежных расходов в году тавричанами определяется в 200–250 руб. Сумма в 150–180 руб. считается минимумом того денежного расхода, который должна иметь малая семья, если она при этом будет во всем ограничивать себя. Годовой доход ниже этой цифры считается уже невозможным, ибо работник с женою добывает в этой местности батрачеством, при готовом продовольствии и помещении, 120 руб. в год, причем не несет никаких расходов по содержанию скота, инвентаря и пр. и может еще получать «верхи» от земли, сдаваемой им внаймы своим односельцам» (с. 289). Так как рассматриваемая группа ниже средней, то мы возьмем минимальный, а не средний денежный расход и даже низшую цифру *minimum'a*, – 150 руб., которые должны быть добыты «заработками». При этом расчете, собственное хозяйство дает крестьянину рассматриваемой группы (30 + 87,5 =) 117,5 руб., а продажа своего труда – 120 руб. Следовательно, опять-таки мы получаем, что самостоятельным земледельческим хозяйством крестьяне этой группы могут покрыть только *меньшую половину* своих минимальных расходов^{10{128}}.

Таким образом, рассмотрение характера хозяйства во всех подразделениях низшей группы приводит к тому несомненному выводу, что хотя большинство крестьян и имеет небольшие посева, тем не менее преобладающим источником средств к жизни является у них продажа своей рабочей силы. Все крестьяне этой группы – более наемные рабочие, чем хозяева-земледельцы.

Постников не поставил этого вопроса о характере хозяйства крестьян низшей группы и не выяснил отношения заработков к своему хозяйству – это составляет крупный недостаток его труда. В силу этого осталось у него недостаточно выясненным то странное на первый взгляд явление, что крестьяне низшей группы, имея слишком мало своей земли, забра-

¹⁰ Расчеты г. Южакова в «Русской Мысли»^{128} за 1885 г. № 9 («Нормы народного землевладения») вполне подтверждают такой вывод. Продовольственной, т. е. низшей, нормой надела на двор он считает для Таврич. губ. – 9 дес. посева. Но г. Южаков относит на счет надела *только* продовольствие *зерновыми* продуктами и налоги, полагая, что остальные расходы покрываются заработками. Бюджеты земской статистики доказывают, что расходы второго рода составляют большую половину всех расходов. Так, в Воронежской губернии средний расход крестьянской семьи – 495,39 руб., считая и натуральный и денежный расход. Из этой суммы – 109,10 идет на содержание скота [Н. В. Южаков относит содержание скота на счет сенокосов и вспомогательных угодий, а не на счет пашни], 135,80 – на продовольствие растительной пищей и налоги и 250,49 – на остальные расходы – одежду, инвентарь, аренду, разные хоз. нужды и проч. [24 бюджета в «Сборнике стат. свед. по Острог. уезду»]. – В Московской губернии средний годовой расход семьи – 348,83 руб., из них 156,03 – продовольствие зерновыми продуктами и налоги и 192,80 – на остальные расходы. [Среднее из 8 бюджетов, собранных московскими статистиками, – 1. с. (loc. citato – в цитированном месте. – *Ред.*)]

^{128} «Русская Мысль» – ежемесячный журнал либерально-народнического направления; выходил в Москве с 1880 года. В 90-х годах во время полемики марксистов с либеральными народниками редакция журнала, оставаясь на народнических позициях, иногда предоставляла страницы журнала для статей марксистов. В отделе художественной литературы журнала печатались прогрессивные писатели – А. М. Горький, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др. После революции 1905 года журнал стал органом правого крыла кадетской партии и выходил под редакцией П. Б. Струве. Закрыт в середине 1918 года.

сывают ее, сдают внаймы; в силу этого остался несвязанным с общим характером хозяйства тот крупный факт, что количество средств производства (т. е. земли и инвентаря) у крестьян низшей группы значительно ниже среднего. Так как среднее количество средств производства, как мы видели, обеспечивает как раз только удовлетворение необходимых потребностей семьи, то из указанной обделенности бедных крестьян с безусловной необходимостью следует для них – обязательность искать чужих средств производства для приложения своего труда, т. е. продаваться.

Переходим ко второй группе – *средней*, обнимающей тоже 40 % населения. Сюда принадлежат хозяйства с посевом от 10 до 25 дес. на двор. Термин «средней» является вполне применимым к этой группе, с тою, впрочем, оговоркой, что ее средства производства несколько (немногим) ниже средних: посев на двор – 16,4 дес. при среднем для всех крестьян – 17 дес. Скота – 7,3 штуки на двор при среднем – 7,6 штуки (рабочего скота – 3,2 при среднем – 3,1). Всей пашни на двор 17–18 дес. (надельной, купчей и арендованной), при среднем – 20–21 дес. по уездам. Сравнение количества десятин посева на 1 двор с той нормой, которую дал Постников, показывает, что хозяйство на собственной земле дает этой группе в обрез столько, сколько необходимо на прокормление.

По всем этим данным можно бы, казалось, думать, что хозяйство крестьян этой группы окажется наиболее прочным: крестьянин покрывает им все свои расходы; он работает не ради получения дохода, а только для удовлетворения первых потребностей. На самом деле, однако, мы видим как раз обратное: хозяйство крестьян этой группы отличается весьма значительной непрочностью.

Прежде всего достаточным оказывается в этой группе средний размер посева – 16 дес. Следовательно, хозяйства, имеющие от 10 до 16 дес. посева, не покрывают земледелием всех расходов и вынуждены тоже прибегать к заработкам. Из приведенного выше приблизительного расчета Постникова мы видим, что в этой группе нанимается 2846 рабочих, а отпускается 3389, т. е. больше на 543. Около половины хозяйств этой группы, следовательно, обеспечены не вполне.

Далее, в этой группе приходится рабочего скота на двор – 3,2 штуки, между тем как на тягло требуется, как мы видели выше, 4 штуки. Следовательно, значительная часть хозяйств этой группы не может обойтись своим скотом при обработке земли и должна прибегать к супряге. Число супряжников в этой группе также не менее [^]: так можно думать потому, что общее число тягловых хозяйств – около 40 %, из которых 20 % пополняют зажиточную высшую группу, а остальные 20 % придутся на среднюю, так что не менее ^{/г} средней группы окажется не имеющей тягла. Точного числа супряжников в этой группе Постников не сообщает. Обращаясь к сборникам земской статистики, находим следующие данные (по двум уездам)¹¹.

Из всего числа засеянных десятин обрабатывают:

	Всего в группе с посевом 10-25 дес.		своим скотом		супрягою		наймом		другим способом	
	дворов	десятин посева	дворов	десятин	дворов	десятин	дворов	десятин	дворов	десятин
Уезд Мелитоп.	13789	226389,21	4218	79726,55	9201	141483,26	321	4405,8	49	773,3
» Днепр.	8234	137343,75	4029	71125,2	3835	61159,05	320	4352,5	50	707,25

¹¹ «Сборник стат. свед. по Мелит, уезду» (Прил. к I т. Сборника по Тавр. губ.). Симф. 1885. Стр. Б 195. «Сборн. стат. свед. по Днепр, уезду» (т. II Сборника по Тавр. губ.). Симф. 1886. Стр. Б 123.

Таким образом, по обоим уездам в средней группе меньшинство дворов обрабатывает землю своим скотом: в Мелитопольском уезде – менее $\frac{1}{3}$ дворов; в Днепровском уезде – менее $\frac{1}{2}$. Следовательно, число супряжников, взятое выше для всех 3-х уездов ($\frac{1}{2}$), скорее слишком низко и никак не преувеличено. Конечно, невозможность обработать землю своим скотом уже достаточно характеризует непрочность хозяйства, но для иллюстрации приведем описание супряги, даваемое Постниковым, который уделяет, к сожалению, слишком мало внимания этому интересному и в экономическом и в бытовом отношениях явлению.

«У домохозяев, работающих супрягой, – говорит Постников, – норма рабочей площади ниже [чем у крестьян, работающих своим скотом] в силу того же правила механики, по которому 3 лошади, запряженные вместе, не оказывают тяги в 3 раза большей противу одной лошади. Спрягающиеся между собою могут жить в разных концах села (спрягаются преимущественно родственники), затем число полевых участков у двух домохозяев (спрягаются также и 3 хозяина) вдвое более, чем у одного. Все это увеличивает расходы на переезды. [В примечании: «При разделе земель каждый двор получает в известном клину на свои души сплошной участок, и потому у малодушных участки меньше. Условия супряги в Таврической губернии очень различны. Кто из супряжников имеет буккер, тому выорывается лишняя десятина, например, одному 10, а другому – 11 дес, или на не имеющего буккера падают все расходы по починке его во время работ. Тоже при неравенстве в количестве спрягаемого скота: одному пахут лишний день и т. д. В с. Каменке владелец буккера получает деньгами от 3-х до 6 руб. за весну. Несогласия между супряжниками вообще очень часты».] Для того, чтобы наладить согласие, тратится также известное время, и случается, что до окончания работы согласие это расстраивается. В иных случаях у супряжников недостает лошадей для бороньбы, тогда их выпрягают из буккера: одни лошади едут за водой, другие боронят. В селе Юзкуях мне передавали, что супряжники часто буккеруют в день не более 1 дес, т. е. вдвое меньше против нормы» (с. 233).

К недостаточности живого инвентаря присоединяется малочисленность мертвого. Из приведенной выше таблицы о количестве инвентаря, приходящегося на 1 двор в разных группах, видно, что в средней группе во всех уездах приходится не менее 1 штуки пахотного инвентаря на 1 двор. Но на самом деле распределение инвентаря даже в пределах группы не отличается равномерностью. Постников не дает, к сожалению, об этом данных, и нам приходится обратиться к сборникам земской статистики. В Днепровском уезде 1808 дворов из 8227 совсем не имеют пахотных орудий; в Мелитопольском – 2954 из 13789; в 1-ом уезде % обделенных дворов = 21,9 %; во 2-ом – 21,4 %. Несомненно, что домохозяева, лишенные пахотных орудий, приближаются по своему экономическому положению к нижней группе, тогда как домохозяева, имеющие их более 1 штуки на двор, – к высшей. Число домохозяев, не имеющих плугов, еще больше: 32,5 % в Днепровском уезде и 65,5 % в Мелитопольском. Наконец, машинами для уборки хлеба (имеющими очень важное значение в хозяйстве южнорусского крестьянина вследствие недостатка рабочих для ручной уборки и длинноземелья^[11], растягивающего возовицу хлеба на целые месяцы) – хозяева этой группы обладают совершенно уже в ничтожном количестве: в Днепровском уезде на всю группу приходится 20 косилок и жаток (1 штука на 400 дворов); в Мелитопольском – $\frac{178}{2}$ (1 шт. на 700 дворов).

Общую систему хозяйства крестьян этой группы Постников рисует так: «Домохозяева, имеющие у себя менее 4-х голов рабочего скота, обязательно спрягаются для обработки полей и посева. Домохозяева этого разряда имеют во дворе либо 2-х работников, либо одного. Уменьшение относительной рабочей способности таких хозяев следует уже в силу меньшего размера хозяйства, супряги и более скудного инвентаря. Пахота производится супряжниками часто малым, трехлемешным буккером, который работает медленнее. Если такие хозяева убирают хлеб машиною, нанимаемой у соседей, то они получают ее тогда,

когда сосед успел уже скосить свой хлеб. При ручной уборке хлеба она долее тянется, в некоторых случаях требует найма поденных рабочих и дороже обходится. У хозяев одиноких всякое экстренное домашнее дело или исполнение общественных обязанностей прерывает работу. Если домохозяин-одиночка едет на полевые работы в дальнее поле, где крестьяне часто проводят целую неделю, зараз оканчивая посев и оранку, то он должен чаще возвращаться домой в село, чтобы навестить оставшуюся семью» (с. 278). Таких одиноких домохозяев (имеющих одного работника) в рассматриваемой группе большинство, как видно из следующей таблицы, приводимой Постниковым и показывающей рабочий состав семей в разных посевных группах по всем 3-м уездам Таврической губернии (с. 143).

На 100 дворов приходится

	без работника муж. пола	с 1 работником	с 2 работниками	с 3 и более работниками
Не сеющие	19	67	11	3
Засев. до 5 дес.	9	77,6	11,7	1,7
» 5—10 »	4,2	74,8	17,7	3,3
» 10—25 »	1,7	59	29	10,3
» 25—50 »	1,2	40	35,7	23,1
» более 50 »	0,9	25	34,3	39,8
<i>Всего</i>	4,3	60,6	24,6	10,5

Из этой таблицы видно, что в средней группе /5 семей имеют по 1 работнику или вовсе без работника¹².

Чтобы иллюстрировать отношение средней группы к высшей и вообще прочность ее хозяйства, приведем из Сборника статистических сведений по Днепровскому уезду данные о распределении между группами всей находящейся в распоряжении крестьян земельной площади и в частности площади под посевом¹³. Получаем следующую таблицу:

Группы крестьян	Состав группы % дворов	Надельной пашни		Купчей земли		Арендо- ванной земли		Сданной в аренду земли	Все земле- пользование группы		Посевная площадь	
		десятин	%	десятин	%	дес.	%		дес.	%	дес.	%
Бедная группа	39,9	56444,95	25,5	2003,25	6	7838,75	6	21551,25	44735,7	12,4	38439,25	11
Средняя	41,7	102793,7	46,5	5376	16	48397,75	35	8311	148256,45	41,2	137343,75	43
Зажигочная	18,4	61844,25	28	26530,75	78	81645,95	59	3039,25	166981,7	46,4	150614,45	46
Всего	100	221082,9	100	33910	100	137882,45	100	32901,5	359973,85	100	326397,45	100

Из этой таблицы видно, что по количеству надельной пашни средняя группа стояла впереди всех: в ее руках было 46,5 % земли. Недостаточность надельной земли вынудила

¹² В подтверждение своего положения о значительных преимуществах в хозяйстве, которыми пользуются домохозяева семейные (т. е. со многими работниками) над одиночками, – Постников ссылается на известную книгу Трирогова: «Община и подать».

¹³ Данные относятся ко всему Днепровскому уезду, включая селения, не причисленные к волостям. – Данные графы: «все землепользование» вычислены мною – сложено количество земли надельной, арендованной и купчей и вычтена земля, сданная в аренду. – Днепровский уезд взят потому, что он почти сплошь русский.

крестьян прибегнуть к аренде, благодаря которой площадь крестьянского землепользования возросла в общем более чем в полтора раза. Количество земли у средней группы *абсолютно* тоже возросло, но *относительно* уменьшилось: у нее стало только 41,2 % всей земельной площади и 43 % посева; первое место заняла высшая группа. Следовательно, не только низшая группа, но и средняя испытывает прямое давление со стороны высшей, отбивающей у них землю.

Все вышеизложенное дает нам право следующим образом характеризовать экономическое положение средней группы. Сюда относятся хозяева-земледельцы, живущие исключительно доходом от своего собственного посева; размер последнего почти равен среднему посеву местного крестьянства (или несколько ниже) и покрывает в обрез необходимые потребности семьи. Но недостаток живого и мертвого инвентаря и неравномерное его распределение делают хозяйство крестьян этой группы непрочным, шатким, особенно ввиду угрожающей тенденции высшей группы к вытеснению низшей и средней.

Обращаемся к последней – высшей группе, обнимающей зажиточное крестьянство. Сюда относится в Таврических уездах – А населения с посевом свыше 25 дес. на двор. Насколько действительно богаче других эта группа и рабочим скотом, и инвентарем, и надельной и др. землей – об этом приведено было достаточно данных выше. Чтобы показать, насколько именно состоятельнее крестьяне этой группы, чем средние крестьяне, приведем еще только данные о посевах: в Днепровском уезде в зажиточной группе приходится 41,3 дес. посева на двор, а в среднем по уезду – 17,8 дес, т. е. менее в два с лишним раза. Вообще эта сторона дела, большая зажиточность многосеющих крестьян, выяснена Постниковым с достаточной полнотой, но он почти совсем не обратил внимания на другой, гораздо более важный вопрос: какое значение имеет хозяйство этой группы в общем сельскохозяйственном производстве района и какую цену (для других групп) покупается успех высшей.

Дело в том, что численно группа эта очень мала: в самой зажиточной области юга, в губернии Таврической, всего только 20 % населения. Можно бы думать поэтому, что значение ее в хозяйстве всей местности не велико^{14{129}}. Но на деле мы видим как раз обратное: в общем производстве сельскохозяйственных продуктов это зажиточное меньшинство играет преобладающую роль. В 3-х Таврических уездах – из всей посевной площади – 1 439 267 дес. – в руках зажиточного крестьянства находится 724 678 дес, т. е. более половины. Разумеется, цифры эти далеко не точно выражают преобладание высшей группы, так как урожаи у зажиточных крестьян гораздо выше, чем у бедных и средних, не ведущих, по вышеприведенной характеристике Постникова, никакого правильного хозяйства.

Таким образом производят хлеб главным образом крестьяне высшей группы, и потому (что особенно важно и что особенно часто игнорируется) всевозможные характеристики сельского хозяйства, отзывы об агрикультурных улучшениях и т. п. относятся преимущественно и более всего (иногда даже исключительно) к состоятельному меньшинству. Возьмем, например, данные о распространении улучшенных орудий. Постников сообщает об инвентаре таврического крестьянина следующее: «Крестьянский инвентарь за небольшим исключением тот же, что и у немцев-колонистов, но менее разнообразен, отчасти хуже качеством и потому дешевле. Исключением является юго-западная, редко и малонаселенная часть Днепровского уезда, сохраняющая пока первобытный малороссийский инвентарь с тяжелым деревянным плугом и деревянным ралом при железных зубьях. В остальном рай-

¹⁴ В такую ошибку впадает, например, г. Слонимский, который в статье о книге Постникова говорит: «Зажиточная группа крестьян теряется в массе бедноты и в иных местах как будто совершенно отсутствует» («Вестник Европы»^{129}, 1893 г., № 3, стр. 307).

^{129} «Вестник Европы» – ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 года по 1918 год. В журнале печатались статьи против революционных марксистов.

оне Таврических уездов у крестьян плуги употребляются повсеместно улучшенные, железные. Наряду с плугом занимает первостепенное место в обработке почвы и буккер, который во многих случаях является даже единственным пахотным орудием у крестьян. Но чаще буккер употребляется наряду с плугом... Боронами служат повсеместно деревянные бороны с железными зубьями, которые бывают 2-х родов: двуконные бороны, захватывающие полосу в 10 фут. ширины, и одноконные, имеющие в ширину около сажня... Буккер является в виде трех-, четырех- и пятилемешного орудия... К буккеру очень часто прикрепляют впереди небольшую сеялку, действующую в связи с ходовым колесом буккера. Она производит посев одновременно с заделкой его буккером. Из прочих орудий по обработке почвы у крестьян встречается еще, хотя и не часто, деревянный каток, служащий для укатывания полей после посева. Жатвенные машины в особенности распространились у крестьян в последнее 10-летие. В зажиточных селах, по словам крестьян, их имеет у себя почти V2 дворов... Косилки у крестьян встречаются гораздо реже, чем жнейки... Точно так же мало распространены у крестьян конные грабли и молотилки. Употребление веялок повсеместное... Для перевозки служат исключительно немецкие брички и мажары, приготовляемые теперь во многих русских селениях... Для молотбы повсеместно служат каменные зубчатые катки большей или меньшей длины» (с. 213–215).

Чтобы узнать, как распределяется этот инвентарь, приходится обратиться к земским статистическим сборникам, хотя и в них данные не полны: таврические статистики регистрировали только плуги и буккеры, жнейки и косилки и делижаны (т. е. брички или мажары). Сводя вместе данные по Мелитопольскому и Днепровскому уездам, получаем, что из всего числа плугов и скоропашек (46522) в руках высшей группы находится – 19987, т. е. 42,9 %; бричек – 23747 из 59478, т. е. 39,9 %; наконец, жнеек и косилок – 2841 из 3061, т. е. 92,8 %.

Выше были приведены данные, показывающие, что производительность труда в высших группах крестьянства значительно выше, чем в низших и средних. Посмотрим теперь, какими особенностями техники обусловлена такая особенность хозяйства у крупных посевищиков.

«Размер землевладения и землепользования у крестьян, – говорит Постников, – определяет собой в значительной мере также систему и характер земледелия. Эта зависимость между тем и другим, к сожалению, до сих пор мало изучалась у нас исследователями крестьянского хозяйства, для которых последнее еще нередко представляется однородным во всех слоях сельского населения. Оставляя в стороне систему земледелия, постараюсь вкратце резюмировать эти особенности в технике хозяйства отдельных групп крестьян, насколько они выяснились для меня из поездок в Таврических уездах.

Домохозяева, работающие собственным скотом, обходящиеся без супруги, держат в хозяйстве 4–5–6 и более голов рабочего скота¹⁵, и хозяйственное положение их при этом представляет много различия. Четырехлемешный буккер требует запряжки 4-х голов скота, при пятилемешном нужно уже 5 голов. За вспашкой следует боронование, и если хозяин не имеет лишней лошади, то он должен бороновать поле не следом, а по окончании вспашки, т. е. закрывать семена уже несколько просохшей землей, что для прорастания их является условием неблагоприятным. Если пахота идет на дальнем расстоянии от села и требует подвоза воды и корма, отсутствие лишней лошади также прерывает работу. Во всех этих случаях, при отсутствии полного комплекта рабочего скота, происходит потеря времени, запаздывание посевов. При большем количестве рабочего скота и работе многолемешным буккером крестьяне производят свои посевы скорее, лучше пользуются благоприятной погодой, заделывают семена более влажной землей. Преимущества техники весеннего посева

¹⁵ Крестьяне зажиточной группы имеют 6–10 штук рабочего скота на двор (см. выше).

остаются таким образом за хозяином «полным», имеющим во дворе 6, а еще лучше 7 штук рабочего скота. При 7 лошадях одновременно могут работать пятилемешный буккер и 2 бороны. У такого хозяина – говорят крестьяне – «нет остановки в работах».

Еще важнее является различие в положении этих хозяев в период, следующий за жатвой хлеба, когда в местном хозяйстве, в случае хорошего урожая, требуется наибольшее напряжение рабочих сил. У хозяина с 6 головами рабочего скота одновременно с возкой хлеба производится и молотба его, хлеб в скирды не складывается, чем, конечно, сберегается время и рабочая сила» (с. 277).

Для окончательной обрисовки характера хозяйства у этих крупных посевищиков следует еще заметить, что посев является в этой группе земледельцев – «коммерческим» предприятием, по замечанию Постникова. Вышеприведенные данные о размере торговой площади вполне подтверждают характеристику автора, так как большая часть посевной площади дает продукт, идущий на рынок, именно 52 % всей площади в хозяйствах с посевом от 25 до 50 дес. и 61 % – в хозяйствах с посевом выше 50 дес. О том же свидетельствует количество получаемого денежного дохода: даже minimum этого дохода для зажиточной группы – 574 руб. на двор – более чем вдвое превышает сумму необходимого денежного расхода (200–250 р.), составляя таким образом излишек, который накапливается и служит к расширению хозяйства и улучшению его. «У наиболее зажиточных крестьян, с посевом более 50 дес. на двор», даже «одна из отраслей скотоводства – выращивание грубошерстных овец – принимает уже рыночный характер», как сообщает Постников (с. 188).

Перейдем теперь к другому вопросу, тоже недостаточно разработанному (даже почти не затронутому) Постниковым: как отражаются хозяйственные успехи меньшинства крестьян на массе? Несомненно, совершенно отрицательно: вышеприведенные данные (особенно об аренде) дают достаточные доказательства этого, так что здесь можно ограничиться только подведением итогов. По всем 3-м уездам Таврической губернии арендуется крестьянами всего 476334 дес. земли (внеадельной и надельной), из которых зажиточная группа берет 298727 дес, т. е. более $\frac{3}{5}$ (63 %). На долю бедной группы достается только 6 %, и средней – 31 %. Если принять во внимание, что в аренде нуждаются более всего – если не исключительно – 2 низшие группы (вышеприведенные данные о распределении между группами крестьян земельной площади Днепровского уезда показывают, что в высшей группе одной надельной пашни почти достаточно для «нормальных» размеров посева), то будет понятно, какое громадное стеснение в земле должны они испытывать благодаря коммерческому расширению запашек зажиточных крестьян¹⁶.

Совершенно такие же выводы дает и распределение аренды надельных земель, данные о котором приведены выше. Чтобы показать, какое значение имеет для крестьян разных групп аренда наделов, приведем описание этого явления из IV главы сочинения Постникова.

«Надельная земля, – говорит он, – служит в настоящее время предметом обширных спекуляций в южнорусском крестьянском быту. Под землю получают займы с выдачею векселей, весьма распространенных здесь между таврическими крестьянами, причем доход от земли остается в пользу ссудившего деньги впредь до уплаты долга, земля сдается или продается на год, два и более долгие сроки, 8, 9 и 11 лет, и такие сдачи наделов формально свидетельствуются в волостных и сельских правлениях. По воскресным и праздничным дням мне случалось видеть в больших селах перед зданием сельских правлений целые толпы оживленного народа. На вопрос о причинах сбора мне отвечали, что это идет угощение и продажа наделов, свидетельствуемая в книгах сельскими властями... Запродажа наделов в

¹⁶ «Немец давит местного крестьянина... тем, что лишает его соседней земли, которую он мог бы арендовать или купить» (с. 292), – говорит Постников. Очевидно, что в этом отношении русский зажиточный крестьянин ближе к немцу-колонисту, чем к своему бедному соотечественнику.

чужое пользование практикуется как в тех селениях, где существует раскладка земли по ревизским душам и никаких коренных переделов земли не происходит, так и в селах с раскладкой земли по наличным душам и коренными переделами, только в последних срок запродажи обыкновенно короче и рассчитан на срок передела земли, который в последнее время здесь большею частью заранее определяется в мирском приговоре о переделе. В настоящее время эта запродажа надельной земли в южно-русских селениях сосредоточивает в себе самые жизненные интересы местного зажиточного крестьянства, столь многочисленного здесь, особенно в Таврических уездах. Она составляет, между прочим, одно из главных условий для широкой распашки земель, практикуемой здесь зажиточными тавричанами и доставляющей им большие экономические выгоды. Поэтому-то зажиточные крестьяне в настоящее время и относятся чувствительно ко всяким изменениям в их быте, которые могли бы лишить их этой, в большинстве случаев дешевой, аренды земель, и притом земель, находящихся вблизи» (с. 140). Далее рассказывается, как Мелитопольское уездное по крестьянским делам присутствие^[12] потребовало, чтобы каждый отдельный случай сдачи наделов происходил с согласия сельского схода, как стеснены были крестьяне этим распоряжением и как «последствием его явилось пока лишь то, что договорные книги о землях исчезли из расправ, хотя в качестве неофициальных книг они, вероятно, ведутся еще» (с. 140).

Несмотря на арендувание громадных количеств земли, зажиточные крестьяне являются и почти единственными покупателями земель: в Днепровском уезде – в их руках 78 % всей купчей земли, в Мелитопольском – 42 737 дес. из всего числа 48 099 дес, т. е. 88 %.

Наконец, этот же разряд крестьян исключительно пользуется и кредитом: в добавление к вышеприведенной заметке автора о сельских кассах на юге приведем следующую характеристику их:

«Те сельские кассы и ссудосберегательные товарищества, которые теперь распространены у нас местами – напр., они очень многочисленны в Таврических уездах, – оказывают свою помощь главным образом зажиточным крестьянам. Помощь их, можно думать, существенная. Мне не раз приходилось слышать от таврических крестьян, где действуют эти кассы, такие речи: «слава богу, теперь мы освободились от жидов», но говорят это крестьяне с достатком. Крестьяне маломощные поручителей за себя не находят и ссудами не пользуются» (с. 368). Такая монополизация кредита не представляет из себя ничего неожиданного: кредитная сделка есть не что иное, как купля-продажа с отсроченным платежом. Очень естественно, что произвести платеж может только тот, кто имеет средства, а таковыми среди южно-русских крестьян обладает только зажиточное меньшинство.

Для полной обрисовки характера хозяйства этой группы, превосходящей по результатам своей производительной деятельности все другие группы, вместо взятые, остается только напомнить, что она «в значительной мере» пользуется наемным трудом, поставщиком которого вынуждены являться представители низшей группы. Необходимо заметить по этому поводу, что точный учет наемного труда в сельскохозяйственном производстве представляет из себя громадные трудности, которых, кажется, еще не поборола наша земская статистика. Так как земледелие требует не постоянного и равномерного труда в течение целого года, а лишь усиленного труда в известный период времени, то регистрирование одних только постоянных наемных рабочих далеко не выразит степени эксплуатации наемного труда, а подсчет рабочих временных (часто издельных) крайне труден. Рассчитывая приблизительно число наемных рабочих в каждой группе, Постников принимал за рабочую норму в зажиточной группе – 15 дес. посева на 1 работника¹⁷. Из главы VII его сочинения, где автор подробно рассматривает, каков в действительности размер рабочей площади, видно,

¹⁷ На 1,8–2,3 работника это составит 27–34,5 дес, а крестьяне зажиточной группы сеют 34,5–75 дес. Следовательно, общая характеристика этой группы – та, что размеры ее хозяйства много выше рабочей нормы семьи.

что подобная норма достигается лишь при машинной уборке хлеба. Между тем даже в зажиточной группе количество жаток не велико: напр., в Днепровском уезде около 1 штуки на 10 дворов, так что даже принимая во внимание заявление автора, что хозяева машин по окончании своей уборки отдают их внаймы, все-таки окажется, что большая часть крестьян должна обходиться без машин и, следовательно, нанимать поденных рабочих. Пользование наемным трудом в высшей группе должно быть поэтому в больших размерах, чем исчисляет автор, так что высокий денежный доход, получаемый крестьянами этой группы, представляет из себя в значительной степени (если не целиком) доход от *капитала* в том специфическом значении этого термина, которое придает ему научная политическая экономия.

Резюмируя сказанное о 3-ей группе, получаем следующую характеристику ее: зажиточное крестьянство, у которого средства производства значительно выше среднего и труд в силу этого отличается большей продуктивностью, является главным, преобладающим над остальными группами, производителем сельскохозяйственных продуктов во всем районе; по характеру своему хозяйство этой группы – коммерческое, основанное в весьма значительной степени на эксплуатации наемного труда.

Произведенный краткий обзор политико-экономических различий в хозяйстве 3-х групп местного населения был основан на систематизации имеющегося в книге Постникова материала о южно-русском крестьянском хозяйстве. Обзор этот доказывает, мне кажется, что изучение крестьянского хозяйства (с политико-экономической стороны) совершенно невозможно без разделения крестьян на группы. Постников, как выше уже было отмечено, признает это и даже бросает земской статистике упрек, что она не делает этого, что ее комбинации при всем обилии цифр «неясны», что «за деревьями она не видит леса» (с. XII). Делать подобный упрек земской статистике Постников едва ли вправе, потому что он сам не провел систематически разделения крестьян на «ясные» группы, но правильность его требования не подлежит сомнению. Раз признано, что между отдельными хозяйствами замечаются различия не только количественные, а и качественные¹⁸, является уже безусловно необходимым разделять крестьян на группы, отличающиеся не «достатком», а общественно-экономическим характером хозяйства. Позволительно надеяться, что земская статистика не замедлит сделать это.

V

Не ограничиваясь констатированием экономической розни в крестьянстве, Постников указывает на усиление этого явления:

«Разнообразие в крестьянском достатке по группам существует у нас повсеместно, – говорит он, – и существовало исстари, но в последние десятилетия эта дифференциация крестьянского населения стала проявляться очень резко и, по-видимому, прогрессивно возрастает» (с. 130). Тяжелые хозяйственные условия 1891 года^[13] должны были дать, по мнению автора, новый толчок этому процессу.

Спрашивается, какие же причины этого явления, имеющего такое громадное влияние на все крестьянское население?

«Таврическая губерния, – говорит Постников, – представляется одною из наиболее многоземельных в Европейской России, с наибольшим наделением крестьян землею, в ней повсеместно существует общинное землевладение, с более или менее равномерным распределением земли по душам, и земледелие составляет почти исключительное занятие сельского населения, и однако же здесь подворная перепись показывает 15 % сельского населе-

¹⁸ Характер хозяйства – самопотребительский, коммерческий; характер эксплуатации труда – продажа своей рабочей силы, как главный источник средств к жизни, и покупка рабочей силы, как необходимое следствие расширения посевов за пределы рабочей способности семьи.

ния, которое не имеет у себя никакого рабочего скота, и около 7з населения, не имеющего достаточного инвентаря для обработки своей надельной земли» (с. 106). «От чего зависит, – спрашивает автор, – такое широкое разнообразие в группах и, в частности, чем определяется при исключительно земледельческом хозяйстве такой высокий процент домохозяев без посева и без рабочего скота, какой существует теперь в описываемом районе?» (с. 130).

Отправляясь на розыски причин этого явления, Постников (к счастью, ненадолго) совершенно сбивается с пути и принимается рассуждать о «шалтайстве», «пьянстве», даже пожарах и конокрадстве. Вывод все-таки получается тот, что не в таких причинах «заключается наиболее существенная сторона дела». Сиротство семей, т. е. неимение взрослых работников, точно так же ничего не объясняет: из всего числа бесхозяйных дворов в Таврических уездах (т. е. не имеющих посева) сиротские семьи составляют только 18 %.

«Главные причины бесхозяйности, – заключает автор, – должны быть отыскиваемы в других факторах экономического быта крестьян» (с. 134). Именно, Постников полагает, что «В числе указанных причин, служащих к упадку крестьянского хозяйства у отдельных домохозяев, та, которую можно считать наиболее коренной и которая, к сожалению, до сих пор мало выяснена нашей земской статистикой, заключается в *измельчании наделов* и в ограниченности размеров крестьянского землепользования, в уменьшении среднего размера крестьянского хозяйства» (с. 141). «Коренная причина экономической бедности России, – говорит автор, – есть малый размер крестьянского землевладения и хозяйства, не позволяющий утилизировать всю рабочую способность крестьянской семьи» (с. 341).

Чтобы пояснить это положение Постникова, – выраженное до крайности неточно, ибо автор сам установил, что средний размер крестьянского хозяйства (17–18 дес. посева) достаточен для безбедного существования семьи и что общая, огульная характеристика всего крестьянства в отношении размеров хозяйства невозможна, – надо напомнить, что выше он установил общий закон о повышении производительности крестьянского труда по мере увеличения размеров хозяйства. Полная утилизация рабочих сил семьи (и рабочего скота) достигается, по его расчету, только в высших группах: напр., в Таврических уездах только у зажиточных крестьян; громадное большинство населения «ковыряет землю непроизводительно» (с. 340), растрачивая даром массу сил.

Несмотря на то, что автором вполне доказана зависимость продуктивности труда от размеров хозяйства и крайне низкая производительность в низших группах крестьян, – видеть в этом законе (Постников называет его перенаселенностью земледелия в России, пресыщенностью земледелия трудом) причину разложения крестьянства не доводится: вопрос ведь в том именно, почему распалось крестьянство на столь различные группы, а перенаселенность земледелия уже предполагает такое распадение; самое понятие о ней автор составил, сличая хозяйства мелкие и крупные и их доходность. Поэтому отвечать на вопрос: «от чего зависит широкое разнообразие в группах?» указанием на перенаселенность земледелия нельзя. Это сознает, по-видимому, и Постников, но только он не поставил себе определенно задачи – исследовать причины явления, так что его замечания грешат некоторой отрывочностью: рядом с недоговоренными, неточными положениями стоят и верные мысли. Так, например, он говорит:

«Нельзя ожидать, чтобы ожесточенная борьба, происходящая теперь в сельской жизни на почве землевладения, способствовала в будущем развитию в населении начал общинности и согласия. И борьба эта не есть временная, вызываемая случайными условиями... Она представляется нам не борьбою общинных традиций и развивающегося в сельской жизни индивидуализма, а простою борьбой экономических интересов, которая должна окончиться роковым исходом для одной части населения, в силу существующего малоземелья» (с. XXXII).

«Истина довольно ясная, – говорит Постников в другом месте, – что при малоземелье и малом размере хозяйства, при отсутствии достаточных промыслов не может быть достатка в крестьянстве, и все слабое в хозяйственном смысле так или иначе, рано или поздно, должно быть выброшено из крестьянского земледелия» (с. 368).

Эти замечания содержат в себе гораздо более верный ответ на вопрос, притом такой ответ, который гармонирует вполне с вышеустановленным явлением дифференциации населения. Ответ таков: появление массы бесхозяйных дворов и увеличение числа их определяется борьбой экономических интересов в крестьянстве. На какой почве ведется эта борьба и какими средствами? Что касается до средств, то таковыми является не только и даже не столько перебой земли (как можно бы подумать из приведенных сейчас замечаний Постникова), сколько уменьшение издержек производства, идущее вслед за увеличением размера хозяйства, – о чем было достаточно говорено выше. Что же касается почвы, на которой возникает борьба, то на нее указывает достаточно ясно следующее замечание Постникова:

«Есть известный *minimum* хозяйственной площади, ниже которого крестьянское хозяйство не может опускаться, потому что оно становится тогда невыгодным или даже невозможным. Для прокормления семьи и скота (?) в хозяйстве нужна известная пищевая площадь; в хозяйстве, у которого нет сторонних промыслов или они малые, нужна еще и некоторая рыночная площадь для сбыта ее продуктов, чтобы дать крестьянской семье денежные средства на уплату податей, обзаведение одеждой и обувью, на необходимые для хозяйства расходы в орудиях, постройке и проч. Если размер крестьянского хозяйства опускается ниже этого минимума, оно становится невозможным. В таком случае крестьянин найдет более выгод бросить хозяйство и стать в положение батрака, расходы которого ограниченнее, а потребности могут быть удовлетворены полнее и при меньшем валовом доходе» (с. 141).

Если, с одной стороны, крестьянин находит выгодным расширять свои посевы далеко за пределы собственной потребности в хлебе, то это происходит потому, что он может продать свой продукт. Если, с другой стороны, крестьянин находит выгодным бросить хозяйство и идти в батраки, то это происходит потому, что удовлетворение большей части его потребностей требует денежных расходов, т. е. продаж¹⁹; а так как, продавая продукты своего хозяйства, он встречает на рынке соперника, борьба с которым ему непосильна, то ему только уже и остается – продавать свою рабочую силу. Одним словом, почвой, на которой вырастают вышеописанные явления, является производство продукта на продажу. Основная причина возникновения в крестьянстве борьбы экономических интересов – существование таких порядков, при которых регулятором общественного производства является рынок.

Покончив с описанием «новых хозяйственных движений в крестьянской жизни» и с попыткой их объяснения, Постников переходит к изложению практических мероприятий, долженствующих разрешить «аграрный вопрос». Мы не последуем за автором в эту область, во-первых, потому, что это не входит в план предлагаемой статьи; во-вторых, потому, что эта часть сочинения Постникова – самая слабая. Последнее будет вполне понятно, если припомнить, что более всего противоречий и недомолвок встречалось у автора именно тогда, когда он пытался объяснить хозяйственные процессы, а без полного и точного объяснения их не может быть и речи об указании каких-нибудь практических мероприятий.

¹⁹ Ср. вышеприведенные данные о пищевой и торговой площади посева (только с этих площадей доход идет на покрытие нужд земледельца, а не земледелия, т. е. представляет доход в собственном смысле, а не издержки производства), а также данные о среднем денежном расходе тавричанина в связи с количеством идущего на продовольствие хлеба (2 четв. на душу обоого пола).

По поводу так называемого вопроса о рынках^[14]

Написано осенью 1893 г.

Печатается по рукописи

Впервые напечатано 7 ноября 1937 г. в журнале «Большевик» № 21

По поводу так называемого вопроса о рынках.

Может ли у нас в России развиваться и вполне
развиться капитализм, когда масса народа
бедна и беднеет все больше? Ведь для развития
капитализма необходим широкий внутренний рынок, а разорение крестьянства подрывает этот рынок, грозит совершенно закрыть его и сделать невозможной организацию капиталистических порядков. Говорят, правда, что, превращая натуральное хозяйство наших непосредственных производителей в товарное, капитализм тем самым создает себе рынок, но мыслимо ли допустить, чтобы на счет жалких остатков натурального хозяйства у полунищих крестьян могло развиваться у нас то могучее капиталистическое производство, какое мы видим на Западе? Не ясно ли, что, вследствие одного уже обеднения массы, наш капитализм представляет из себя нечто бессильное и беспочвенное, неспособное охватить все производство страны и сделаться основой нашего общественного хозяйства?

Первая страница рукописи В. И. Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках». – 1893 г. (Уменьшено)

I

Может ли у нас в России развиваться и вполне развиться капитализм, когда масса народа бедна и беднеет все больше? Ведь для развития капитализма необходим широкий внутренний рынок, а разорение крестьянства подрывает этот рынок, грозит совершенно закрыть его и сделать невозможной организацию капиталистических порядков. Говорят, правда, что, превращая натуральное хозяйство наших непосредственных производителей в товарное, капитализм тем самым создает себе рынок, но мыслимо ли допустить, чтобы на счет жалких остатков натурального хозяйства у полунищих крестьян могло развиваться у нас то могучее капиталистическое производство, какое мы видим на Западе? Не ясно ли, что, вследствие одного уже обеднения массы, наш капитализм представляет из себя нечто бессильное и беспочвенное, неспособное охватить все производство страны и сделаться основой нашего общественного хозяйства?

Таковы вопросы, выдвигаемые сплошь да рядом нашей литературой против русских марксистов; соображение об отсутствии рынка является одним из главнейших доводов против применимости теории Маркса к России. Опровержению этого довода посвящен, между прочим, реферат «*Вопрос о рынках*», разбор которого нам предстоит заняться.

II

Основной посылкой для референта служит предположение об «общем и исключительном господстве капиталистического производства». Исходя из этой посылки, референт излагает содержание XXI главы II тома «Капитала» (Отдел 3-й – «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала»).

Маркс ставит здесь себе задачей исследовать, каким образом общественное производство возмещает ту часть продукта, которая служит на удовлетворение личных нужд рабочих и капиталистов, и ту, которая служит для образования элементов производительного капитала. Поэтому, если в I томе, при исследовании производства и воспроизводства *индивидуального* капитала, можно было ограничиться анализом составных частей капитала и продукта по их стоимости – [стоимость продукта, как показано в I томе «Капитала», состоит из c (постоянного капитала) + v (переменного капитала) + m (прибавочной стоимости)], – то здесь уже необходимо принять во внимание разделение продукта по его материальному составу, потому что та часть продукта, которая состоит из элементов капитала, не может служить для личного потребления, и наоборот. Ввиду этого Маркс делит все общественное производство – а, следовательно, и весь общественный продукт, – на два подразделения: I) производство средств производства, т. е. элементов производительного капитала, – товаров, которые могут идти только на производительное потребление, и II) производство средств потребления, т. е. товаров, идущих на личное потребление класса рабочих и класса капиталистов.

В основу исследования берется следующая схема [арабские цифры означают единицы ценности – миллионы рублей, например, а римские – указанные подразделения общественного производства. Норма прибавочной стоимости берется в 100 %]:

$$14000\ c + 1000\ v + 1000\ m = 6000\ (\text{Капитал} = 7500\ \text{I}\ \text{II})$$

$$2000\ c + 500\ v + 500\ m = 3000\ \backslash \text{Продукт} = 9000\ \text{J}$$

Предположим сначала, что имеем дело с простым воспроизводством, т. е. допустим, что производство не расширяется, оставаясь постоянно в прежних размерах; это означает, что вся сверхстоимость^[15] потребляется капиталистами непроизводительно, расходуется на личные нужды, а не на накопление. При этом условии очевидно, во-первых, что II 500 v и II 500 m должны быть потреблены капиталистами и рабочими II-го же подразделения, потому что этот продукт существует в форме средств потребления, предназначенных на удовлетворение личных нужд. Далее, I 4000 c в своей натуральной форме должны быть потреблены капиталистами I-го же подразделения, так как условие неизменности размеров производства требует сохранения к следующему году того же капитала для производства средств производства; возмещение этой части капитала тоже не представляет никакой трудности: соответственная часть продукта, существующая в натуральной форме угля, железа, машин и т. п., будет обменена между капиталистами, занимающимися производством средств производства, и послужит для них по-прежнему постоянным капиталом. Остаются, таким образом, I ($v + m$) и II c . I 1000 $v +$ I 1000 m – продукт, существующий в форме средств производства, а II 2000 c – в форме средств потребления. Рабочие и капиталисты I-го подразделения (при условии простого воспроизводства, т. е. потребления всей

сверхстоимости) должны потребить средств потребления стоимостью в 2000 [1000 (v) + 1000 (m)]. Капиталисты II-го подразделения, чтобы иметь возможность продолжать производство в прежних размерах, должны приобрести средств производства на 2000, чтобы возместить свой постоянный капитал (2000 II c). Ясно отсюда, что I v + I m должны быть обменены на II c, потому что без этого невозможно производство в прежних размерах. Условием простого воспроизводства является равенство суммы переменного капитала и сверхстоимости I-го подразделения с постоянным капиталом II-го подразделения: I (v + m) = II c. Другими словами, можно формулировать этот закон так: сумма *всей вновь* произведенной в течение года стоимости (в обоих подразделениях) должна равняться валовой стоимости продукта, существующего в форме средств потребления: I (v + m) + II (v + m) = II (c + v + m). В действительности, разумеется, простого воспроизводства быть не может как потому, что производство всего общества не может оставаться каждый год в прежних размерах, так и потому, что накопление является законом капиталистических порядков. Рассмотрим поэтому, каким образом происходит общественное производство в расширяющихся размерах или накопление. При накоплении только часть сверхстоимости потребляется капиталистами на личные нужды, другая же часть потребляется производительно, т. е. обращается в элементы производительного капитала для расширения производства. Поэтому при накоплении равенство между I (v + m) и II c невозможно: необходимо, чтобы I (v + m) было больше II c, для того чтобы часть сверхстоимости в I подразделении (I m) не была обменена на средства потребления, а послужила для расширения производства. Итак, получаем

А. *Схема простого воспроизводства:*

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m = 6000.$$

$$II \ 2000 \ c + 500 \ v + 500 \ m = 3000.$$

$$I \ (v + m) = II \ c.$$

Б. *Исходная схема для накопления:*

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m = 6000.$$

$$II \ 1500 \ c + 750 \ v + 750 \ m = 3000.$$

$$I \ (v + m) > II \ c.$$

Посмотрим теперь, каким образом должно идти общественное производство при условии накопления. Первый год.

$$I \ 4000 \ c + 1000 \ v + 1000 \ m = 6000. \text{ Капитал} = 7250$$

$$II \ 1500 \ c + 750 \ v + 750 \ m = 3000. \text{ Продукт} = 9000$$

I (1000 v + 500 m) обмениваются на II 1500 c (как и при простом воспроизводстве). I 500 m накапливаются, т. е. идут на расширение производства, превращаются в *капитал*. Если принять прежнее деление на постоянный и переменный капитал, то получим

$$I \ 500 \ m = 400 \ c + 100 \ v.$$

Добавочный постоянный капитал (400 c) имеется в самом продукте I (его натуральная форма – средства производства); добавочный же переменный капитал (100 v) должен быть получен от капиталистов II подразделения, которые, следовательно, тоже должны накапливать: они обменивают часть своей сверхстоимости (II 100 т) на средства производства (I 100 v) и обратят эти средства производства в добавочный постоянный капитал. Следовательно, их постоянный капитал возрастет с 1500 c до 1600 c; для обработки его необходима добавоч-

ная рабочая сила – $50 v$, — которые берутся опять-таки из сверхстоимости капиталистов II подразделения.

Присоединяя добавочный капитал в I и во II подразделениях к первоначальному, получаем такое распределение продукта:

$$I \ 4400 c + 1100 v + (500 m) = 6000.$$

$$II \ 1600 c + 800 v + (600 m) = 3000.$$

Поставленная в скобки сверхстоимость означает потребительный фонд капиталистов, т. е. ту часть сверхстоимости, которая идет не на накопление, а на личные нужды капиталистов.

Если производство будет идти по-прежнему, то в конце года получим:

$$\begin{array}{l} I \ 4400 c + 1100 v + 1100 m = 6600 \\ II \ 1600 c + 800 v + 800 m = 3200 \end{array} \left\{ \begin{array}{l} \text{Капитал} = 7900 \\ \text{Продукт} = 9800 \end{array} \right\}$$

I ($1100 v + 550 m$) обмениваются на II 1650 c, причем добавочные 50 c берутся из 800 II m [причем увеличение c на 50 вызывает увеличение v на 25]. Далее 550 I m накаплиются по-прежнему:

$$\begin{array}{l} 550 I m = 440 c + \text{ПО } v \\ \swarrow \quad \leftarrow \\ 165 II m = 110c + 55v. \end{array}$$

Присоединяя теперь к первоначальному капиталу добавочный [к I $4400 c - 440 c$; к I $1100 v - 110 v$. Ко II $1600 c - 50 c$ и $110 c$; а ко II $800 v - 25 v -$ и $55 v$], получаем:

$$I \ 4840 c + 1210 v + (550 m) = 6600.$$

$$II \ 1760 c + 880 v + (560 m) = 3200.$$

При дальнейшем движении производства получим

$$I \ 4840 c + 1210 v + 1210 m = 7260 \text{ ГКапитал} = 8 \ 690 \text{ I}$$

$$II \ 1760 c + 880 v + 880 m = 3520 \text{ ^Продукт} = 10 \ 780 \text{ o[}$$

и так далее.

Вот – в существеннейших чертах – результаты исследований Маркса по вопросу о воспроизводстве всего общественного капитала. Исследования эти (необходимо оговориться) переданы здесь в самом сжатом виде; опущено очень многое, подробно анализируемое Марксом, – например, денежное обращение, возмещение основного капитала, снашиваемого постепенно и т. п., – потому что все это не имеет прямого отношения к рассматриваемому вопросу.

III

Какие же выводы делает референт из этих исследований Маркса? К сожалению, он не дает вполне точной и определенной формулировки своих выводов, так что приходится самому заключать о них по некоторым замечаниям, не вполне гармонирующим друг с другом. Так, например, мы читаем:

«Мы видели здесь, – говорит референт, – каким образом совершается накопление в I подразделении, в производстве средств производства для средств производства: ... это накопление совершается независимо как от движения производства предметов потребления, так и от самого личного потребления, чье бы оно ни было» (лист ¹⁵/₃).

Конечно, говорить о «независимости» накопления от производства предметов потребления нельзя уже потому, что для расширения производства требуется новый переменный капитал, а, следовательно, и предметы потребления; автор, вероятно, хотел этим выражением просто оттенить ту особенность схемы, что воспроизводство Ic – постоянного капитала в I подразделении – происходит без обменов с II-м подразделением, т. е. ежегодно в обществе известная часть, скажем, угля производится для добычи угля же. Разумеется, это производство (угля для добычи угля) рядом последующих обменов свяжется с производством предметов потребления: – иначе бы не могли существовать ни углепромышленники, ни их рабочие.

В другом месте референт выражается уже значительно слабее: «Главное движение капиталистического накопления, – говорит он, – совершается и совершалось (за исключением весьма ранних периодов) независимо от каких-либо непосредственных производителей, независимо от личного потребления какого-либо слоя населения» (л. 8). Здесь уже указывается только на преобладание производства средств производства над производством предметов потребления в историческом развитии капитализма. Указание такое повторяется еще раз: «Если для капиталистического общества типично, с одной стороны, накопление для накопления, производительное потребление, но не личное, то, с другой стороны, для него *типично* именно производство средств производства для средств производства» (л. /г). Если автор этими указаниями хотел сказать то, что капиталистическое общество отличается от других, предшествующих ему экономических организаций, именно развитием машин и необходимых для них предметов (угля, железа и т. п.), то это совершенно верно. По высоте техники капиталистическое общество стоит выше всех других, а прогресс техники в том и выражается, что человеческий труд все более и более отстает на задний план перед трудом машин.

Вместо того, чтобы заниматься критикой недостаточно ясных заявлений референта, лучше поэтому обратиться прямо к Марксу и посмотреть, можно ли из его теории сделать вывод о «преобладании» I-го подразделения над II-ым, и в каком смысле надо понимать это преобладание.

Из вышеприведенной схемы Маркса никакого вывода о преобладании I-го подразделения над II-ым сделать нельзя: оба развиваются там параллельно. Но эта схема не принимает во внимание именно технического прогресса. Как это доказано Марксом в I томе «Капитала», технический прогресс выражается в том, что отношение переменного капитала

к постоянному постепенно уменьшается, между тем как в схеме это отношение принято за неизменное.

Понятно уже само собою, что если внести это изменение в схему, то получится более быстрое возрастание средств производства сравнительно с предметами потребления. Тем не

менее, мне кажется, не лишним будет привести этот расчет, во-первых, для наглядности, а, во-вторых, для предупреждения возможных неправильных выводов из этой посылки.

[В нижеследующей таблице норма накопления принята неизменной: половина сверхстоимости накапливается и половина потребляется лично.]

[Нижеследующую схему можно опустить и перейти прямо к выводам из нее на следующей странице. Буква δ . означает добавочный капитал, идущий на расширение производства, т. е. накапливаемую часть сверхстоимости.]

1-ый год)	I 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000	v :	(c + v) = 20,0%
	II 1500 c + 750 v + 750 m = 3000.....	» »	33,3%
	I (1000 v + 500 m) = 11 1500 c		
	д. 1500 m = 450 c + 50 v.....	» »	Vio
			
	д. II 60m = 50c + 10 v.....	» »	/6
	I 4450 c + 1050 v + (500 m) = 6000 II		
	1550 c + 760 v + (690 m) = 3000		

2-ой год)	I 4450 c + 1050 v + 1050 m = 6550.....	» »	19,2%
	II 1550 c + 760 v + 760 m = 3070.....	» »	32,9%
	I(1050v + 525m)=II 1575 c		
		II (1550 c + 25 m)	
	д. II 28 m = 25c + 3v.....	» »	ок. /9
	д. 1525 m = 500 c + 25 v	» »	ок. V ₂ i
			
	д. II 28 m =	25 c + 3v	
	I 4950 c + 1075 v + (525 m) = 6550		
	II 1602 c + 766 v + (702 m) = 3070		

3-ий I 4950 c + 1075 v + 1075 m = 7100 » » » 17,8%
 год) II 1602 c + 766 v + 766 m = 3134 » » » 32,3%

$$I (1075 v + 537V_2 m) = II 1612V_2 c$$

$$II (1602c + ЮТГТ)$$

д. II II V_2 m = 10 V_2 c + 1 v » » » ок. Vi2

д. I 537 $\frac{1}{2}$ m = 517 $\frac{1}{2}$ c + 20v » » » ок. V $_{26}$

д. II 2m = 20c + 2v » » » I_n

$$I 546772 c + 1095 v + (53772 m) = 7100 II$$

$$163472 c + 769 v + (73072 m) = 3134$$

4-ый I 546772 c + 1095 v + 1095 m = 76577 $_2$ » » » 16,7%

год) II 163472 c + 769 v + 769 m = 31727 $_2$ » » » 32,0%

и так далее^[16].

Сопоставим теперь выводы из этой схемы относительно возрастания различных частей общественного продукта^[17]:

	Средства производ- ства для средств		Средства производ- ства для средств		Средства потребе- ния		Весь обществен- ный продукт	
	производ- ства	в%	потребе- ния	в%		в%		в%
1-ый год	4 000	100	2 000	100	3 000	100	9 000	100
2-ой год	4 450	111,25	2 100	105	3 070	102	9 620	107
3-ий год	4 950	123,75	2 150	107,5	3 134	104	10 234	114
4-ый год	5 467 V_2	136,7	2 190	109,5	3 172	106	10 828 V_2	120

Мы видим таким образом, что всего быстрее возрастает производство средств производства для средств производства, затем производство средств производства для средств потребления и всего медленнее производство средств потребления. К этому выводу можно бы было прийти и без исследований Маркса во II томе «Капитала» на основании того закона, что постоянный капитал имеет тенденцию возрастать быстрее переменного: положение о быстрейшем возрастании средств производства есть простая перефразировка этого закона применительно ко всему общественному производству.

Но, может быть, следует сделать еще шаг дальше? Если мы принимали, что отношение v к $c + v$ постоянно уменьшается, то почему не принять, что v становится равным нулю, что то же количество рабочих остается достаточным для большего количества средств производ-

ства? Тогда накапливаемая часть сверхстоимости будет прямо присоединяться к постоянному капиталу в I подразделении, и рост общественного производства пойдет исключительно на счет средств производства для средств производства при полном застое II-го подразделения²⁰.

Разумеется, это было бы уже злоупотребление схемами, потому что такой вывод основан на невероятных предположениях и потому неправилен. Допустимо ли, что прогресс техники, уменьшающий отношение v к c , выразится только в I подразделении, оставив II-ое в полном застое? Сообразно ли с законами капиталистического общества, *требующего* от каждого капиталиста расширения предприятия под угрозой гибели, чтобы во II-ом подразделении совершенно не происходило накопления?

Итак, единственно правильным выводом, который можно сделать из вышеизложенных исследований Маркса, будет тот, что *в капиталистическом обществе производство средств производства возрастает быстрее, чем производство средств потребления*. Как уже сказано, вывод этот – прямое следствие того общеизвестного положения, что капиталистическое производство создает неизмеримо более высоко развитую технику сравнительно с прежними временами²¹. Маркс – специально по этому вопросу – только в одном месте высказывается с полной определенностью, и это место вполне подтверждает правильность сделанной формулировки:

«Отличие капиталистического общества от дикарей состоит не в том, в чем его видит Сениор, – будто привилегией и особенностью именно дикаря является такое расходование своего труда, которое не дает ему никаких продуктов, могущих превратиться в доход, т. е. в средства потребления, – а отличие состоит в том, что

а) капиталистическое общество расходует больше [Nota bene²²] находящегося в его распоряжении годового рабочего времени на производство средств производства (ergo²³ – постоянного капитала), которые не могут сделаться доходом ни в форме заработной платы, ни в форме сверхстоимости, но могут функционировать только в качестве капитала» («Das Kapital», II Bd., Seite 436^{24(130)}}).

IV

Спрашивается теперь, какое же отношение имеет изложенная теория к «пресловутому вопросу о рынках»? Ведь она исходит из предположения об «общем и исключительном господстве капиталистического способа производства», а «вопрос» в том и состоит, «возможно ли» в России полное развитие капитализма. Правда, эта теория вносит поправку в обычное представление о развитии капитализма, но очевидно, что уяснение того, как развивается капитализм *вообще*, нимало еще не подвигает вперед вопроса о «возможности» (и необходимости) развития капитализма в России.

²⁰ Я не хочу сказать, чтобы подобное явление было абсолютно невозможно, как отдельный случай. Но ведь здесь речь идет не о казусах, а об общем законе развития капиталистического общества. В пояснение покажу на схеме, о чем идет речь: I 4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000 II 1500 c + 750 v + 750 m = 3000 I (1000 v + 500 m) = II 1500 c I 500 m накаплиются, присоединяясь к 14000 c: I 4500 c + 1000 v + (500 m) = 6000 II 1500 c + 750 v + 750 m = 3000 I 4500 c + 1000 v + 1000 m = 6500 II 1500 c + 750 v + 750 m = 3000 I (1000 v + 500 m) = II 1500 c I 500 m накапливаются по-прежнему и т. д.

²¹ Поэтому изложенный вывод можно формулировать еще несколько иначе: в капиталистическом обществе рост производства (а следовательно, и «рынка») может идти либо на счет возрастания предметов потребления, либо – и это – главным образом – на счет прогресса техники, т. е. вытеснения ручного труда машинным, – так как изменение отношения v к c и выражает собой именно уменьшение роли ручного труда.

²² Заметьте. – *Ред*

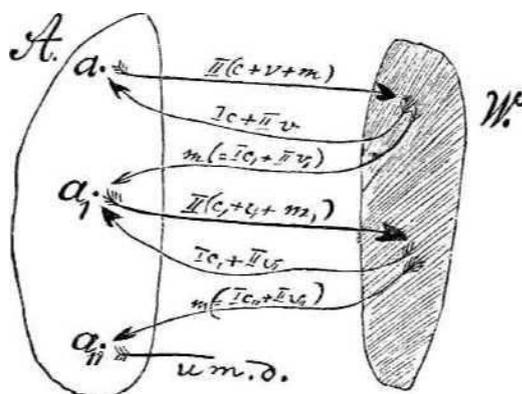
²³ Следовательно. – *Ред*.

²⁴ «Капитал», т. II, стр. 436.^{130} – *Ред*.

^{130} См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 439.

Референт, однако, не ограничивается изложением теории Маркса о ходе всего общественного производства, организованного капиталистически. Он указывает на необходимость отличать «два существенно различных момента в накоплении капитала: 1) развитие капиталистического производства вширь, когда оно захватывает уже готовые сферы труда, вытесняя собой натуральное хозяйство, и расширяется на счет последнего; и 2) развитие капиталистического производства, если можно так выразиться, вглубь, когда расширение его происходит независимо от натурального хозяйства, т. е. при общем и исключительном господстве капиталистического способа производства». Не вдаваясь пока в критику этого разделения, перейдем прямо к рассмотрению того, что разумеет автор под развитием капитализма вширь: выяснение этого процесса, состоящего в замене натурального хозяйства капиталистическим, должно показать нам, каким образом русский капитализм «охватит всю страну».

Референт иллюстрирует развитие капитализма вширь следующей схемой:

A – капиталисты; W – непосредственные производители. a , a_1 и a_2 – капиталистические предприятия. Стрелки указывают на движение обмениваемых товаров. c , v , m – составные части стоимости товаров. I , II – натуральная форма товаров: I – средства производства; II – средства потребления.

«Существенное отличие мест A и W , – говорит референт, – состоит в том, что в A – производители – капиталисты, которые потребляют свою сверхстоимость производительно, а в W – непосредственные производители, которые свою сверхстоимость (я разумею здесь излишек ценности продукта над стоимостью средств производства и необходимых средств пропитания) потребляют непродуцируемо».

Последуем по схеме за стрелками и легко увидим, как развивается капиталистическое производство в A на счет потребления в W , захватывая его постепенно». Продукт капиталистического предприятия a отправляется «непосредственным производителям» в форме предметов потребления; в обмен на него «непосредственные производители» возвращают постоянный капитал (c) в форме средств производства и переменный капитал (v) в форме средств потребления, а сверхстоимость (m) в форме элементов дополнительного производительного капитала: $c_1 + v_1$. Этот капитал служит для основания нового капиталистического предприятия a_1 которое точно так же посылает свой продукт в форме предметов потребления «непосредственным производителям» и так далее. «Из приведенной схемы развития капитализма вширь следует, что все производство находится в теснейшей зависимости от потребления на «внешних» рынках, потребления масс (причем с общей точки зрения решительно все равно, где находятся эти массы, – под боком ли у капиталистов или где-нибудь за океаном). Очевидно, что расширение производства в A , т. е. развитие капитализма в этом направлении, окончится, как только все непосредственные производители в W обратятся в

товаропроизводителей, ибо, как мы видели выше, каждое новое предприятие (или расширение старого) рассчитано на новый круг потребителей *W*. Ходячее представление, – говорит в заключение референт, – о капиталистическом накоплении, т. е. о капиталистическом воспроизводстве в расширенных размерах, только подобным взглядом на вещи и ограничивается, не подозревая о развитии капиталистического производства вглубь, независимо от каких бы то ни было стран с непосредственными производителями, т. е. независимо от так называемых внешних рынков».

Из всего изложенного можно согласиться только с тем, что представление это о развитии капитализма вширь и иллюстрирующая его схема находится в полнейшем соответствии с ходячими, народническими воззрениями на предмет.

В самом деле, трудно рельефнее и нагляднее изобразить всю нелепость и бессодержательность ходячих воззрений, чем это сделано в приведенной схеме.

«Ходячее представление» всегда смотрело на наш капитализм как на нечто оторванное от «народного строя», стоящее в стороне от него, – точь-в-точь так, как это изображено в схеме: из нее совершенно не видно, в чем состоит связь двух «мест», капиталистического и народного. Почему товары, отправляемые из *A*, находят себе сбыт в *W*? чем вызывается превращение натурального хозяйства в *W* в товарное? Ходячее воззрение никогда не давало ответа на эти вопросы, смотря на обмен как на какую-то случайность, а не как на известную *систему хозяйства*.

Далее, ходячее воззрение никогда не давало *объяснения* тому, откуда и каким образом возник наш капитализм – точно так же, как не объясняет этого и схема: дело представляется так, как будто капиталисты извне откуда-то пришли, а не из среды тех же «непосредственных производителей». Остается непонятным, откуда добывают себе капиталисты «свободных рабочих», необходимых для предприятий *a*, *a1* и т. д. Всякий знает, что в действительности рабочие эти берутся именно из «непосредственных производителей», но из схемы нимало не видно, чтобы товарное производство, охватывая «место» *W*, создавало там контингент свободных рабочих.

Одним словом, схема эта – точь-в-точь как и ходячее воззрение – ровно ничего не объясняет в явлениях наших капиталистических порядков и потому никуда не годится. Та цель, ради которой она составлена, – пояснение того, как капитализм развивается на счет натурального хозяйства, охватывая всю страну, – совершенно ею не достигается, потому что, как это видит и сам референт, – «если последовательно держаться разбираемого воззрения, то необходимо заключить, что до повсеместного развития капиталистического способа производства дело дойти никак не может».

Остается только удивляться после этого, что автор, хотя бы и отчасти, примыкает сам к этому воззрению, говоря, что «капитализм действительно (?) развивался в периоды своего младенчества таким легчайшим (*sic!*?²⁵) способом (легчайшим потому, что здесь захватываются готовые отрасли труда), отчасти он развивается в этом направлении и теперь (??), поскольку на земном шаре еще имеются остатки натурального хозяйства и поскольку увеличивается население».

На самом деле, это – не «легчайший» способ развития капитализма, а просто-напросто – «легчайший способ понимания» процесса, настолько «легчайший», что вернее назвать его полным непониманием. Российские народники всяческих оттенков и по сию пору пробаваются этими «легчайшими» приемами: не помышляя никогда о том, чтобы *объяснить*, каким образом возник наш капитализм и каким образом он функционирует, они ограничиваются сопоставлением «больного места» наших порядков, капитализма, с «здоровым» – непосредственными производителями, «народом»; первое ставится ошую, второе – одес-

²⁵ Так!?! – *Ред.*

ную, и все глубокомысле завершается сентиментальными фразами о том, что «вредно» и что «полезно» для «человеческого общежития».

V

Чтобы исправить вышеприведенную схему, необходимо начать с выяснения содержания тех понятий, о которых идет речь. Под товарным производством разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (становящихся в силу этого товарами) на рынке. Под капитализмом разумеется та стадия развития товарного производства, когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и самая рабочая сила человека. Таким образом, в историческом развитии капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое. Первое превращение совершается в силу того, что появляется общественное разделение труда – специализация обособленных [NB: это – непереносимое условие товарного хозяйства], отдельных производителей по занятию одной только отраслью промышленности. Второе превращение совершается в силу того, что отдельные производители, производя каждый особняком товары на рынок, становятся в отношении конкуренции: каждый стремится дороже продать, дешевле купить, и необходимым результатом является усиление сильного и падение слабого, обогащение меньшинства и разорение массы, ведущее к превращению самостоятельных производителей в наемных рабочих и многих мелких заведений в немногие крупные. Таким образом, схема должна быть составлена так, чтобы показать оба эти момента в развитии капитализма и те изменения, которые производит это развитие в величине рынка, т. е. в количестве продуктов, превращающихся в товары.

Нижеследующая схема и составлена по этому плану: абстрагированы все посторонние обстоятельства, т. е. приняты за неизменные (например, количество населения, производительность труда и многое другое), чтобы проанализировать влияние на рынок *одних только* указанных моментов развития капитализма.

	Произ- водите- ли	Производство			Натураль- ное потреб- ление	
		Отрасли про- мышленности				Всего
		<i>a</i>	<i>b</i>	<i>c</i>		
1.	I	a	b	c	9	9
	II	a	b	c	9	9
	III	a	b	c	9	9
	IV	a	b	c	9	9
	V	a	b	c	9	9
	VI	a	b	c	9	9
	<i>Итого</i>	6a	6b	6c	54	54
3.	I	a	—	2c	9	6
	II	a	2b	—	9	6
	III	a	—	2c	9	6
	IV	a	2b	—	9	6
	V	a	—	2c	9	6
	VI	a	2b	—	9	6
	<i>Итого</i>	6a	6b	6c	54	36
5.	I	2a	—	6c	24	11
	II	$\frac{1}{2}a$	—	$\frac{1}{2}c$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$
	III	$\frac{1}{2}a$	—	$\frac{1}{2}c$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$
	IV	2a	6b	—	24	11
	V	$\frac{1}{2}a$	$\frac{1}{2}b$	—	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$
	VI	$\frac{1}{2}a$	—	—	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$
	<i>Итого</i>	6a	6b	6c	54	28

Рынок		Производители	Производство				всего натуральное потребление		Рынок	
Продает	Покупает		отрасли промышленности			Продает			Покупает	
			a	b	c					
—	—	I	a	—	2c	9	6	3	3	
—	—	II	a	$\frac{6}{5}b$	$\frac{4}{5}c$	9	$8\frac{2}{5}$	$\frac{3}{5}$	$\frac{3}{5}$	
—	—	III	a	$\frac{6}{5}b$	$\frac{4}{5}c$	9	$8\frac{2}{5}$	$\frac{3}{5}$	$\frac{3}{5}$	
—	—	IV	a	$\frac{6}{5}b$	$\frac{4}{5}c$	9	$8\frac{2}{5}$	$\frac{3}{5}$	$\frac{3}{5}$	
—	—	V	a	$\frac{6}{5}b$	$\frac{4}{5}c$	9	$8\frac{2}{5}$	$\frac{3}{5}$	$\frac{3}{5}$	
—	—	VI	a	$\frac{6}{5}b$	$\frac{4}{5}c$	9	$8\frac{2}{5}$	$\frac{3}{5}$	$\frac{3}{5}$	
—	—	Итого	6a	6b	6c	54	48	6	6	
3	3	I	a		6c	21	10	11	3 (+8 р. с.)	
3	3	II	a	→	→	3	3	(4 р. с.)	4	
3	3	III	a	→	→	3	3	(4 р. с.)	4	
3	3	IV	a	→	6b	21	10	11	3 (+8 р. с.)	
3	3	V	a	→	→	3	3	(4 р. с.)	4	
3	3	VI	a	→	→	3	3	(4 р. с.)	4	
18	18	Итого	6a	6b	6c	54	32	22 (+16 р. с.)	22 (+16 р. с.)	
13	3 (+10 р. с.)	I	6a	→	→	18	6	12	6 (+6 р. с.)	
(5 р. с.)	5	II	→	→	→	→	→	(6 р. с.)	6	
(5 р. с.)	5	III	→	6b	→	18	6	12	6 (+6 р. с.)	
13	3 (+10 р. с.)	IV	→	→	→	→	→	(6 р. с.)	6	
(5 р. с.)	5	V	→	→	6c	18	6	12	6 (+6 р. с.)	
(5 р. с.)	5	VI	→	→	→	→	→	(6 р. с.)	6	
26 (+20 р. с.)	26 (+20 р. с.)	Итого	6a	6b	6c	54	18	36 (+18 р. с.)	36 (+18 р. с.)	

Пояснения к схеме:

I – II... – VI – производители.

a, b, c – отрасли промышленности (например, земледелие, промышленность добывающая и обрабатывающая).

$a = b = c = 3$. Величина стоимости продуктов $a = b = c$ равна 3 (трем единицам стоимости), из которых 1 приходится на сверхстоимость²⁶.

В графе «рынок» означается величина стоимости продаваемых (и покупаемых) *продуктов*; в скобках поставлена величина стоимости продаваемой (и покупаемой) рабочей силы (= р. с).

Стрелки, идущие от одного производителя к другому, означают, что 1-ый состоит наемным рабочим у второго.

Предполагается *простое воспроизводство*: вся сверхстоимость потребляется капиталистами непродуцируемо.

Разберем теперь эту схему, показывающую последовательные изменения в системе хозяйства общины, состоящей из 6-ти производителей. В схеме приведены 6 периодов, выражающих стадии превращения натурального хозяйства в капиталистическое.

1-ый период. Имеем 6 производителей, из которых каждый расходует свой труд во всех 3-х отраслях промышленности (в a , в B и в c). Получаемый продукт (9 у каждого производителя: $a + b + c = 9$) тратится на себя в своем же хозяйстве. Поэтому мы имеем чистый вид натурального хозяйства; на рынок продукты не поступают совершенно.

Период 2-ой. Производитель 1-ый изменяет производительность своего труда: он оставляет промышленность b и тратит время, прежде употреблявшееся на эту отрасль промышленности, на промышленность c . В силу такой специализации одного производителя, остальные сокращают производство c , так как 1-ым хозяином произведен излишек против собственного потребления, и усиливают производство B , чтобы произвести продукт для 1-го производителя. Появившееся разделение труда неизбежно ведет к товарному производству: 1-ый производитель продает 1 c и покупает 1 B , остальные производители продают 1 b (каждый из 5 по $/5 B$) и покупают 1 c (каждый по $/5 c$); на рынок поступает количество продукта стоимостью в b . Величина рынка в точности соответствует степени специализации общественного труда: специализировалось производство одного c ($1 c = 3$), и одного B ($1 b = 3$), т. е. одной девятой части всего общественного производства [$18 c (= a = B)$], и на рынок поступила $1/9$ всего общественного продукта.

Период 3-ий. Разделение труда подвигается дальше, вполне охватывая отрасли промышленности b и c : трое производителей занимаются только промышленностью b , трое – только промышленностью c . Каждый продает 1 c (или 1 B), т. е. 3 единицы стоимости, и покупает тоже 3–1 b (или 1 c). Это усиление разделения труда ведет к возрастанию рынка, на который поступает теперь уже 18 единиц стоимости. Величина рынка опять-таки в точности соответствует степени специализации (= разделения) общественного труда: специализировалось производство 3 B и 3 c , т. е. $1/3$ общественного производства, и на рынок поступает $1/3$ общественного продукта.

Период 4-ый изображает уже капиталистическое производство: процесс преобразования товарного производства в капиталистическое не вошел в схему и потому должен быть отдельно описан.

В предыдущем периоде каждый производитель являлся уже товаропроизводителем (в областях промышленности B и c , о которых только и идет речь): каждый производил отдельно, особняком, независимо от других производителей, производил на рынок, величина которого не была, разумеется, известна ни одному из них. Это отношение обособленных производителей, работающих на общий рынок, называется конкуренцией. Понятно само собою, что равновесие между производством и потреблением (предложением и спро-

²⁶ Та часть стоимости, которая возмещает постоянный капитал, принята за неизменную и поэтому откинута.

сом), при этих условиях, достигается только рядом колебаний. Более искусный, предприимчивый, сильный производитель усилится еще более вследствие этих колебаний, – слабый и неискусный будет раздавлен ими. Обогащение немногих личностей и обнищание массы – таковы неизбежные следствия закона конкуренции. Дело кончается тем, что разорившиеся производители теряют хозяйственную самостоятельность и поступают наемными рабочими в расширенное заведение своего счастливого соперника. Именно это положение и изображено в схеме. Отрасли промышленности B и c , распределенные раньше между всеми 6 производителями, теперь концентрировались в руках 2-х производителей (1-го и IV-го). Остальные производители работают у них по найму, получая уже не весь продукт своего труда, а без сверхстоимости, присваиваемой хозяином [напомню, что сверхстоимость, по предположению, равна $1/3$ продукта, так что производящий 2 B ($= 6$) получит от хозяина $1/3$ – т. е. 4]. В результате получаем усиление разделения труда – и возрастание рынка, на который поступает уже 22, несмотря на то, что «масса» «обеднела»: – производители, сделавшиеся (отчасти) наемными рабочими, получают всего продукта уже не по 9, а только по 7, – 3 получает он от самостоятельного хозяйства (земледельческого – промышленность a) и 4 от наемного труда (от производства 2 B или 2 c). Эти производители, являющиеся уже более наемными рабочими, чем самостоятельными хозяевами, потеряли возможность нести на рынок какой бы то ни было продукт своего труда, потому что разорение отняло у них средства производства, необходимые для выработки продукта. Им пришлось прибегать к «заработкам», т. е. нести на рынок свою рабочую силу и на полученные от продажи этого нового товара деньги покупать необходимый для себя продукт.

Из схемы видно, что производители II и III, V и VI продают каждой рабочей силы на 4 единицы стоимости и покупают на ту же сумму предметов потребления. Что касается до производителей – капиталистов, 1-го и IV-го, то каждый из них производит продукта на 21; из этого он сам потребляет 10 [3 ($= a$) + 3 ($= c$ или t) + 4 (сверхстоимость от 2 c или 2 B)] и продает 11; покупает же он товаров на 3 (c или B) + 8 (рабочая сила).

В этом случае, необходимо заметить, мы не получаем абсолютного соответствия между степенью специализации общественного труда (специализировалось производство 5 B и 5 c , т. е. на сумму 30) и величиной рынка (22), – но эта неправильность схемы зависит от принятия простого воспроизводства²⁷, т. е. отсутствия накопления, почему и оказалось, что сверхстоимость, отбираемая у рабочих (по 4 – каждым капиталистом), потребляется вся *натурой*. Так как отсутствие накопления невозможно в капиталистическом обществе, то ниже будет сделана соответствующая поправка.

Период 5-ый. Разложение товаропроизводителей распространилось и на земледельческую промышленность (a): наемные рабочие не могли продолжать хозяйства, работая главным образом в чужих промышленных заведениях, и разорились: у них остались только жалкие остатки земледельческого хозяйства, в размере $1/2$ прежнего количества (которое, по нашему предположению, было как раз достаточно на покрытие нужд семьи) – точно так же, как теперешние посева громадной массы наших крестьян – «земледельцев» представляют из себя только жалкие крохи самостоятельного земледельческого хозяйства. Промышленность a начала точно так же концентрироваться в незначительное число крупных заведений. Так как наемные рабочие теперь не в состоянии уже обойтись своим хлебом, то заработная плата, понижавшаяся самостоятельным земледельческим хозяйством рабочих, повышается, давая рабочему денежные средства на покупку хлеба (хотя и в меньшем количестве, чем потреблял он, будучи сам хозяином): теперь рабочий сам производит $1/2$ ($= 1/2 a$) и покупает 1, получая всего 2 $1/2$, вместо прежних 3 ($= a$). Хозяева – капиталисты, присоединившие

²⁷ Это относится равным образом и к 5-му и к 6-му периодам.

к своим промышленным заведениям расширенное земледельческое хозяйство, производят теперь по 2 а (=6), из которых 2 переходит рабочим в виде заработной платы, а 1 (7 г а) – сверхстоимость – достается им. Развитие капитализма, изображаемое этой схемой, сопровождается «обеднением» «народа» (рабочие потребляют всего уже только по $6^{1/2}$, а не по 7, как в 4 периоде) и возрастанием рынка, на который поступает уже 26. «Упадок земледельческого хозяйства» у большинства производителей вызвал не сокращение, а увеличение рынка земледельческих продуктов.

Период 6-ой. Завершение специализации занятий, т. е. разделения общественного труда. Все отрасли промышленности отделились и стали специальностью отдельных производителей. Наемные рабочие совершенно потеряли самостоятельное хозяйство и существуют уже исключительно наемным трудом. Результат опять тот же: развитие капитализма [самостоятельное хозяйство на себя вытеснено окончательно], «обеднение массы» [хотя заработная плата и возросла, но потребление понизилось у рабочих с 67 г до 6: они производят по 9 (За, Зб, Зс) и отдают $1/3$ хозяину, как сверхстоимость] и дальнейший рост рынка, на который поступает теперь уже $2/3$ общественного продукта (36).

VI

Подведем теперь выводы, вытекающие из приведенной схемы.

Первый вывод состоит в том, что понятие «рынка» совершенно неотделимо от понятия общественного разделения труда, – этого, как Маркс говорит, «общего основания всякого товарного [а следовательно, – добавим от себя – и капиталистического] производства». «Рынок» является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда.

«Товар приобретает всеобщую, общественно-признанную эквивалентную форму только в качестве денег, а деньги находятся в чужом кармане. Чтобы извлечь их оттуда, товар должен быть прежде всего потребительной стоимостью для владельца денег, и, следовательно, труд, потраченный на производство этого товара, должен быть израсходован в общественно-полезной форме, другими словами, *должен явиться членом общественного разделения труда*. Но разделение труда представляет из себя естественно выросший производственный организм, ткани которого сплетались и продолжают сплетаться за спиной товаропроизводителей. Возможно, что товар является продуктом нового вида труда, предназначенного удовлетворять вновь возникшую потребность или своим появлением впервые создать новую потребность. *Какое-нибудь особое действие в процессе труда, – вчера еще бывшее одной из многих функций одного и того же товаропроизводителя, – сегодня, может быть, отрывается от этого процесса, становится самостоятельным и, именно в силу этого, посылает свой частичный продукт в качестве самостоятельного товара на рынок*» («Das Kapital», I Bd., S. 85²⁸{131}. Курсив мой).

Таким образом, пределы развитию рынка, при существовании капиталистического общества, ставятся пределами специализации общественного труда. А специализация эта, по самому существу своему, бесконечна – точно так же, как и развитие техники. Для того, чтобы повысилась производительность человеческого труда, направленного, например, на изготовление какой-нибудь частички всего продукта, необходимо, чтобы производство этой частички специализировалось, стало особым производством, имеющим дело с массовым

²⁸ «Капитал», т. I, стр. 85.^{131} – *Ред.*

^{131} См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 113.

продуктом и потому допускающим (и вызывающим) применение машин и т. п. Это с одной стороны. А с другой стороны, прогресс техники в капиталистическом обществе состоит в обобществлении труда, а это обобществление необходимо требует специализации различных функций процесса производства, превращения их из раздробленных, единичных, повторяющихся особо в каждом заведении, занятом этим производством, – в обобществленные, сосредоточившиеся в одном, новом заведении и рассчитанные на удовлетворение потребностей всего общества. Приведу пример.

«За последнее время в Северо-Американских Штатах деревообрабатывающие заводы все более и более специализируются, «возникают заводы для выделки, например, исключительно топорищ, или метельных ручек, или раздвижных столов... Машинное дело безостановочно подвигается вперед, постоянно изобретаются новые машины, упрощающие и удешевляющие известную сторону производства... Каждая отрасль, например, мебельного дела обратилась в специальность, требует особых машин и особых рабочих... В экипажном деле колесные ободья производятся на особых заводах (Миссури, Арканзас, Тенесси), колесные спицы в Индиане и Огайо, ступицы опять-таки на специальных заводах Кентукки и Иллинойса. Все эти отдельные части покупаются особыми заводами, которых специальность – целые колеса. Таким образом целый десяток заводов участвует в изготовлении какого-нибудь дешевого экипажа» (г. Тверской: «Десять лет в Америке». «Вестник Европы», 1893, 1. – Цитирую по Ник.—ону, стр. 91, прим. 1).

Отсюда видно, до какой степени неправильным является утверждение, будто рост рынка в капиталистическом обществе, вызываемый специализацией общественного труда, должен окончиться, как только все натуральные производители превратятся в товаропроизводителей. Русское экипажное производство давно уже превратилось в товарное, но какие-нибудь колесные ободья производятся все еще в каждом экипажном (или колесном) заведении отдельно; техника низка, производство раздроблено между массой производителей. Прогресс техники должен повести за собой специализацию различных частей производства, обобществление их и, следовательно, увеличение рынка.

Здесь следует оговориться. Все изложенное нимало не ведет к отрицанию того положения, что капиталистическая нация не может существовать без внешних рынков. При капиталистическом производстве равновесие производства с потреблением достигается только рядом колебаний; чем крупнее производство, чем более широк круг потребителей, на которых оно рассчитано, тем сильнее эти колебания. Понятно поэтому, что когда буржуазное производство достигло высокой степени развития, ему уже невозможно удержаться в рамках национального государства: конкуренция вынуждает капиталистов все расширять производство и отыскивать себе внешних рынков для массового сбыта продукта. Очевидно, что необходимость внешних рынков для капиталистической нации так же мало нарушает тот закон, что рынок есть простое выражение общественного разделения труда при товарном хозяйстве и что, следовательно, он может расти так же бесконечно, как и разделение труда, – как мало кризисы нарушают закон стоимости. Печалования о рынках появились в русской литературе только тогда, когда капиталистическое производство наше в известных своих отраслях (например, хлопчатобумажная промышленность) достигло полного развития, охватило почти весь внутренний рынок, сложилось в немногие громадные предприятия. Что материальным основанием толков и «вопросов» о рынках являются именно интересы нашей крупной капиталистической промышленности, – лучшим доказательством этому служит тот факт, что никто еще в нашей литературе не пророчил гибели нашей кустарной промышленности вследствие исчезновения «рынков», хотя кустарная промышленность производит ценностей более чем на миллиард рублей и работает на тот же самый обнищавший «народ». Вопли о гибели нашей промышленности по недостатку рынков – не что иное, как сшитый белыми нитками маневр наших капиталистов, которые таким образом производят

давление на политику, отождествляют (в скромном сознании своего «бессилия») интересы своего кармана с интересами «страны» и оказываются способными толкнуть правительство на путь завоевательной колониальной политики, вовлечь даже его в войну, ради охранения таких «государственных» интересов. Нужна именно вся бездонная пропасть народнического утопизма и народнической наивности, чтобы принимать вопли о рынках – эти крокодиловы слезы вполне окрепшей и успевшей уже зазнаться буржуазии – за доказательство «бессилия» нашего капитализма!

Второй вывод состоит в том, что «обеднение массы народа» (этот неперенный член всех народнических рассуждений о рынке) не только не препятствует развитию капитализма, а напротив, именно выражает собой его развитие, является условием капитализма и усиливает его. Для капитализма нужен «свободный рабочий», и обеднение в том и состоит, что мелкие производители превращаются в наемных рабочих. Это обеднение массы сопровождается обогащением немногих эксплуататоров, разорение и упадок мелких заведений сопровождается усилением и развитием более крупных; оба процесса содействуют возрастанию рынка: «обедневший» крестьянин, существовавший прежде своим хозяйством, теперь живет «заработками», т. е. продажей своей рабочей силы; ему приходится теперь покупать себе необходимые предметы потребления (хотя бы и в меньшем количестве и худшего качества); с другой стороны, те средства производства, от которых освобождается этот крестьянин, концентрируются в руках меньшинства, превращаются в *капитал*, и произведенный продукт поступает уже на рынок. Только этим и объясняется то явление, что массовая экспроприация нашего крестьянства в пореформенную эпоху сопровождалась не уменьшением, а увеличением валовой производительности страны²⁹ и возрастанием внутреннего рынка: общеизвестен факт, что громадно увеличилось производство крупных фабрик и заводов, что значительно распространились кустарные промыслы – и те и другие работают главным образом на внутренний рынок, – равным образом увеличилось и количество хлеба, обращавшегося на внутренних рынках (развитие хлебной торговли внутри страны).

Третий вывод – о значении производства средств производства – требует внесения поправки в схему. Как уже было замечено, схема эта отнюдь не претендует на изображение всего процесса развития капитализма, но только на изображение того, как отражается на рынке смена натурального хозяйства товарным и этого последнего капиталистическим. Поэтому там и было абстрагировано накопление. Между тем в действительности капиталистическое общество не может существовать, не накапливая, так как конкуренция вынуждает каждого капиталиста, под угрозой разорения, расширять производство. Такое расширение производства было изображено и в схеме: 1-й производитель, например, в течение промежутка между 3-им и 4-ым периодами расширил свое производство *с* втрое: с 2 с до 6 с; прежде он один работал в заведении, – теперь с двумя наемными рабочими. Ясно, что это расширение производства не могло произойти без накопления: требовалась постройка особой мастерской на нескольких человек, приобретение орудий производства в большем размере, закупка сырья в большем количестве и т. п. То же самое применимо и к IV-му производителю, расширившему производство *Ъ*. Это расширение отдельных заведений, концентрация производства необходимо должна была вызвать (или усилить – это все равно) производство средств производства для капиталистов: машин, железа, угля и т. п. Концентрация производства повысила производительность труда, заменила ручной труд машинным и выбросила вон известное число рабочих. С другой стороны, развивалось и производ-

²⁹ Спорным может показаться это только разве по отношению к земледельческой промышленности. «Хлебное производство находится в абсолютном застое», – говорит, например, г. Н.—он. Он делает этот вывод, основываясь на данных только за 8 лет (1871–1878 гг.). Посмотрим на данные о более продолжительном периоде: 8-летний, разумеется, слишком мал. Сравним данные за 60-е годы. [«Военно-стат. сборник», 1871], 70-е [данные Н.—она] и 80-е [«Сборник сведений о России», 1890]. Данные относятся к 50 губерниям Европейской России и обнимают все хлеба, включая картофель.

ство этих машин и других средств производства, обращаемых капиталистами в постоянный капитал, начинающий теперь возрастать быстрее переменного. Если бы сравнить, например, период 4-ый с 6-ым, то получилось бы возрастание производства средств производства в 1 / г раза (так как в 1-ом случае – 2 капиталистических предприятия, требующих увеличения постоянного капитала, а в последнем – 3): сравнивая это возрастание с ростом производства предметов потребления, мы получили бы то самое быстрейшее возрастание производства средств производства, о котором говорено было выше.

Весь смысл и все значение этого закона о быстрейшем возрастании средств производства в том только и состоит, что замена ручного труда машинным, – вообще прогресс техники при машинной индустрии, – требует усиленного развития производств по добыче угля и железа, этих настоящих «средств производства для средств производства». Что референт не понял смысла этого закона и за схемами, изображающими процесс, просмотрел действительное содержание процесса, это ясно видно из такого его заявления: «На сторонний взгляд такое производство средств производства для средств производства кажется совершенно нелепым, но ведь и [sic!] плюшкинское собирание денег для денег было процессом тоже (?!) совершенно нелепым. Ни те, ни тот не ведают бо, что творят». Народники именно и усиливаются доказать это самое – нелепость русского капитализма, разоряющего, дескать, народ, но не дающего высшей организации производства. Разумеется, это сказки. В замене ручного труда машинным нет ничего «нелепого»: напротив, в этом и состоит вся прогрессивная работа человеческой техники. Чем выше развивается техника, тем более вытесняется ручной труд человека, заменяясь рядом все более и более сложных машин: в общем производстве страны все большее место занимают машины и необходимые для их выделки предметы³⁰.

Эти три вывода необходимо дополнить еще двумя замечаниями.

Во-первых, изложенное нимало не отрицает того «противоречия в капиталистическом способе производства», о котором Маркс говорит в следующих словах:

«Рабочие в качестве покупателей товара важны для рынка. Но капиталистическое общество имеет тенденцию ограничивать плату им, как продавцам своего товара – рабочей силы – минимумом цены» («Kapital», Bd. II, S. 303, № 32³¹{132}). Выше было уже указано, что в капиталистическом обществе не может не возрастать и та часть общественного производства, которая производит предметы потребления. Развитие производства средств производства только отодвигает указанное противоречие, но не уничтожает его. Оно может быть устранено только с устранением самого капиталистического способа производства. Само собою разумеется, однако, что видеть в этом противоречии препятствие к полному развитию капитализма в России (как это любят делать народники) – совсем уже нелепо; – впрочем, это достаточно уже разъяснено схемой.

Во-вторых, при обсуждении соотношения между ростом капитализма и «рынка» невозможно опускать из виду той несомненной истины, что развитие капитализма неизбежно влечет за собой возрастание уровня потребностей всего населения и рабочего пролетариата. Это возрастание создается вообще учащением обменов продуктами, приводящим к более частым столкновениям между жителями города и деревни, различных географических местностей и т. п. К этому же приводит и сплоченность, скученность рабочего пролетари-

³⁰ Понятно поэтому, что разделять развитие капитализма на развитие вширь и – вглубь неправильно: все развитие идет одинаково на счет разделения труда; «существенной» разницы между этими моментами нет. Действительно же существующее между ними различие сводится к разным стадиям прогресса техники. Низшие стадии развития капиталистической техники – простая кооперация и мануфактура – не знают еще производства средств производства для средств производства: оно возникает и достигает громадного развития только при высшей стадии – крупной машинной индустрии.

³¹ «Капитал», т. II, стр. 303, прим. 32.^{132} – *Ред.*

^{132} См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 314 (примечание 32).

ата, повышающая его сознательность и чувство человеческого достоинства и дающая ему возможность успешной борьбы против хищнических тенденций капиталистических порядков. Этот закон возвышения потребностей с полной силой сказался в истории Европы – сравнить, например, французского пролетария конца XVIII и конца XIX в. или английского рабочего 1840-х годов³² и современного. Этот же закон проявляет свое действие и в России: быстрое развитие товарного хозяйства и капитализма в пореформенную эпоху вызвало и повышение уровня потребностей «крестьянства»: крестьяне стали жить «чище» (в отношении одежды, жилища и т. п.). Что это, несомненно прогрессивное, явление должно быть поставлено в кредит именно русскому капитализму и ничему иному, – это доказывается хотя бы уже тем общеизвестным фактом (отмечаемым всеми исследователями наших кустарных промыслов и крестьянского хозяйства вообще), что крестьяне промышленных местностей живут гораздо «чище» крестьян, занимающихся одним земледелием и незатронутых почти капитализмом. Разумеется, это явление сказывается прежде всего и легче всего в перенимании чисто внешней, показной стороны «цивилизации», но только отъявленные реакционеры, вроде г. В. В., способны оплакивать это явление и не видеть в нем ничего, кроме «упадка».

VII

Чтобы понять, в чем собственно состоит «вопрос о рынках», лучше всего сравнить народническое и марксистское представление о процессе, иллюстрируемое схемами *Iov* (об обмене между капиталистами места *A* и непосредственными производителями места *И*) и *2-ой* (о превращении натурального хозяйства 6-ти производителей в капиталистическое).

Примем 1-ую схему – и мы ничего не сумеем объяснить себе. Почему развивается капитализм? откуда берется он? Он представляется какой-то «случайностью», возникновение его приписывается либо тому, что «мы шли не по тому пути»... либо «насаждению» начальства... Почему «беднеет масса»? на это опять не дает ответа схема, и народники, вместо ответа, отделываются сентиментальными фразами об «освященном веками строе», об отклонении с правильного пути и т. п. пустяками, на которые так изобретателен знаменитый «субъективный метод в социологии».

Неумение объяснить капитализм и предпочтение утопий изучению и выяснению действительности ведет к тому, что отрицается значение и сила капитализма. Это – точно какой-то безнадежно больной, которому неоткуда почерпнуть сил для развития. И мы внесем в положение этого больного ничтожное, почти неощутимое улучшение, если скажем, что он может развиваться на счет производства «средств производства для средств производства». Ведь для этого нужно развитие техники капитализма³³, а «мы видим», что именно этого-то развития и нет. Для этого нужно, чтобы капитализм охватил всю страну, а мы видим, что «до повсеместного развития капитализма дело дойти никак не может».

Наоборот, если мы примем 2-ую схему, нам уже ни развитие капитализма, ни обеднение народа не покажется случайностью. Это – необходимые спутники роста товарного хозяйства, основанного на разделении общественного труда. Вопрос о рынке устраняется совершенно, потому что рынок есть не что иное, как выражение этого разделения труда и товарного производства. Развитие капитализма представляется уже не только возможным [что в лучшем случае³⁴ мог бы доказать референт], но и необходимым, потому что прогресс

³² Ср. *Fr. Engels* (Фр. Энгельс. – *Ред.*). «Положение рабочего класса в Англии в 1844 г.». Это – состояние самой ужасной и грязной нищеты (в буквальном значении слова) и полного упадка чувства человеческого достоинства.

³³ То есть смена мелких промышленных единиц крупными, вытеснение ручного труда машинным.

³⁴ То есть в том случае, если бы он правильно оценил и верно понял значение производства средств производства.

техники, раз уже общественное хозяйство основано на разделении труда и товарной форме продукта, не может не вести к усилению и углублению капитализма.

Спрашивается теперь, почему же следует принять именно второе воззрение? в чем критерий его правильности?

В фактах современной русской экономической действительности.

Центром тяжести в 2-ой схеме является переход от товарного хозяйства к капиталистическому, разложение товаропроизводителей на капиталистов и пролетариат. И если мы обратимся к явлениям современного общественного хозяйства России, то увидим, что главное место занимает именно *разложение* наших мелких производителей. Возьмем ли мы крестьян-земледельцев – окажется, что, с одной стороны, крестьяне массами забрасывают землю, теряют хозяйственную самостоятельность, обращаются в пролетариев, с другой стороны, крестьяне расширяют постоянные запашки и переходят к улучшенной культуре. С одной стороны, крестьяне теряют земледельческий инвентарь (живой и мертвый), – с другой стороны, крестьяне заводят улучшенный инвентарь, начинают приобретать машины и т. п. [Ср. В. В. «Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве».] С одной стороны, крестьяне бросают землю, продают надель, сдают их в аренду, – с другой стороны, крестьяне же арендуют надель и с жадностью покупают частновладельческие земли. Все это – общеизвестные, давным-давно установленные факты³⁵, единственное *объяснение* которых заключается в законах товарного хозяйства, разлагающего и наше «общинное» крестьянство на буржуазию и пролетариат. Возьмем мы кустарей, – окажется, что в пореформенную эпоху не только возникали новые промыслы и развивались быстрее старые [это явление – результат только что указанного разложения земледельческого крестьянства, результат прогрессирующего общественного разделения труда³⁶], но кроме того, масса кустарей все более и более беднела, впадала в нищету и теряла хозяйственную самостоятельность, тогда как незначительное меньшинство обогащалось на счет этой массы, скапливало огромные капиталы, превращалось в скупщиков, забиравших в свои руки сбыт и организовавших в конце концов, в громадном большинстве наших кустарных промыслов, совершенно уже капиталистическую *домашнюю систему крупного производства*.

Наличность этих двух полярных течений в среде наших мелких производителей наглядно показывает, что капитализм и обеднение массы не только не исключают, а, напротив, взаимно обуславливают друг друга, – и неопровержимо доказывает, что капитализм уже в настоящее время является основным фоном хозяйственной жизни России.

Вот почему не будет парадоксом сказать, что разрешение «вопроса о рынках» лежит именно в факте разложения крестьянства.

Нельзя не заметить также, что в самой уже (ходячей) постановке пресловутого «вопроса о рынках» скрывается ряд нелепостей. Обычная формулировка (см. § I) прямо уже построена на невероятнейших предположениях, – будто хозяйственные порядки общества могут созидаться или уничтожаться по воле какой-нибудь группы лиц, – «интеллигенции» или «правительства» (потому что иначе нельзя бы и спрашивать так: «может» ли развиться капитализм? «должна» ли Россия пройти через капитализм? «следует» ли сохранить общину? и т. п.), – будто капитализм исключает обеднение народа, – будто рынок есть нечто отдельное и независимое от капитализма, какое-то особое условие его развития.

Не исправив этих нелепостей, невозможно разрешить вопроса.

Представим себе, в самом деле, что кто-нибудь вздумал бы на вопрос: «может ли в России развиваться капитализм, когда масса народа бедна и беднеет все больше?» отвечать

³⁵ Сами крестьяне очень метко назвали этот процесс «*раскрестьяниванием*». [См. «Сельскохозяйственный обзор Нижегородской губ. за 1892 год». Н.-Н., 1893. Вып. III, стр. 186–187.]

³⁶ В игнорировании этого явления состоит одна из крупнейших теоретических ошибок г. Николая—она.

таким образом: «Да, может, потому что капитализм будет развиваться не на счет предметов потребления, а на счет средств производства». Очевидно, что в основании такого ответа лежит совершенно верная мысль, что рост валовой производительности капиталистической нации идет главным образом на счет средств производства (т. е. более на счет средств производства, чем предметов потребления), но еще более очевидно, что такой ответ не может ни на йоту подвинуть вперед решения вопроса, как не может получиться правильного вывода из силлогизма, если верна малая посылка, но нелепа большая. Такой ответ (повторяю еще раз) уже предполагает, что капитализм развивается, охватывает всю страну, переходит в высшую техническую стадию (крупную машинную индустрию), тогда как вопрос именно и построен на отрицании возможности развития капитализма и замены мелкой формы производства крупною.

«Вопрос о рынках» необходимо свести из сферы бесплодных спекуляций о «возможном» и «должном» на почву действительности, на почву изучения и *объяснения* того, как складываются русские хозяйственные порядки и почему они складываются именно так, а не иначе.

Я ограничусь приведением кое-каких примеров из имеющегося у меня материала, чтобы показать конкретно, какого именно рода данные лежат в основании предыдущего изложения.

Чтобы показать разложение мелких производителей и наличность в их среде не только процесса обеднения, но и процесса созидания крупного (сравнительно), буржуазного хозяйства, приведу данные о трех чисто земледельческих уездах Европейской России, принадлежащих к разным губерниям: о Днепровском уезде Таврической губернии, Новоузенском уезде Самарской губернии и Камышинском уезде Саратовской губернии. Данные взяты из земско-статистических сборников. В предупреждение возможных указаний на нетипичность избранных уездов (на наших окраинах, почти не знавших крепостного права и в значительной степени заселенных уже при пореформенных, «свободных» порядках, разложение действительно сделало более быстрые шаги, чем в центре) скажу следующее:

Из трех материковых уездов Таврической губернии Днепровский выбран потому, что он – сплошь русский [0,6 % колонистских дворов], населен крестьянами-общинниками.

По Новоузенскому уезду взяты данные только о русском (общинном) населении [см. «Сборник статистических сведений по Новоузенскому уезду», с. 432–439. Рубрика а], причем не включены так называемые «хуторяне», т. е. те из крестьян-общинников, которые ушли из общины и поселились отдельно на купчей или арендованной земле. Присоединение этих прямых представителей фермерского хозяйства³⁷ значительно бы усилило разложение.

3) По Камышинскому уезду взяты данные только о великорусском (общинном) населении.

[См. таблицу на стр. 108. – *Ред.*]

Группировка произведена в сборниках – по Днепровскому уезду – по количеству десятин посева на двор, а в остальных по количеству рабочего скота.

К *бедной* группе отнесены дворы – в Днепровском уезде – не сеющие и с посевом до 10 дес. на двор; в Новоузенском и Камышинском уездах – дворы без рабочего скота и с 1 штукой рабочего скота. К *средней* – дворы с посевом 10–25 дес. на двор в Днепровском уезде; в Новоузенском уезде дворы с 2–4 штуками рабочего скота; в Камышинском уезде – дворы с 2–3 штуками рабочего скота. К *зажиточной* группе – дворы с посевом свыше 25

³⁷ В самом деле у 2294 хуторян 123252 дес. посева (т. е. по 53 дес. в среднем на 1 хозяина). У них 2662 наемных работника (и 234 работницы). Лошадей и быков у них > 40000. Очень много усовершенствованных орудий; см. стр. 453 «Сборника статистических сведений по Новоузенскому уезду».

дес. (Днепровский уезд) или имеющие рабочего скота более 4-х штук на двор (Новоузенский уезд) и более 3-х (Камышинский уезд).

Группы крестьян по состоятельности	Уезд Днепровский					Уезд Новоузенский					Уезд Камышинский				
	Число дворов	в %	Число десятин посева	в %	На 1 двор десятин посева	Число дворов	в %	Число десятин посева	в %	На 1 двор десятин посева	Число дворов	в %	Число десятин посева	в %	На 1 двор десятин посева
Бедная группа	7880	40	38439	11	4,8	10504	37	36007	8	3,4	9313	54	29194	20	3,1
Средняя группа	8234	42	137344	43	16,6	10757	38	128986	29	12	4980	29	52735	35	10,6
Зажиточная группа	3643	18	150614	46	41,3	7015 ²⁴	25	284069	63	40,5	2881	17	67844	45	23,5
Итого	19757	100	326397	100	17,8	28276	100	449062	100	15,9	17174	100	149773 ²⁵	100	8,7

7015²⁴[18]; 149 773²⁵[19]

Из этих данных ясно видно, что в нашем земледельческом и общинном крестьянстве идет процесс не обеднения и разорения вообще, а процесс разложения на буржуазию и пролетариат. Громадная масса крестьян (бедная группа) – около V2 в среднем – теряет хозяйственную самостоятельность. В ее руках находится уже только ничтожная частичка всего земледельческого хозяйства местных крестьян – каких-нибудь 13 % (в среднем) посевной площади; на двор приходится 3–4 десятины посева. Чтобы судить о том, что означает такой посев, скажем, что в Таврической губернии крестьянскому двору для того, чтобы существовать исключительно самостоятельным земледельческим хозяйством, не прибегая к так называемым «заработкам», необходимо 17–18 дес.³⁸ посева. Ясно, что представители низшей группы существуют уже гораздо более не от своего хозяйства, а от заработков, т. е. от продажи своей рабочей силы. И если мы обратимся к более подробным данным, характеризующим положение крестьян этой группы, то увидим, что именно она составляет наибольший контингент забросивших хозяйство, сдающих наделы, лишенных рабочего инвентаря и уходящих на заработки. Крестьянство этой группы – представители нашего сельского пролетариата.

Но, с другой стороны, из тех же самых крестьян-общинников выделяется совсем другая группа с диаметрально противоположным характером. Крестьяне высшей группы имеют посева, в 7–10 раз превышающие посева низшей группы. Если сравнить эти посева (23–40 дес. на двор) с тем «нормальным» количеством десятин посева, при котором семья может безбедно существовать одним своим земледельческим хозяйством, то увидим, что они превышают эти последние в 2–3 раза. Ясно, что это крестьянство занимается земледелием уже для получения дохода, для торговли хлебом. Оно скапливает изрядные сбережения и употребляет их на улучшение хозяйства и повышение культуры, заводит, например, сельскохозяйственные машины и улучшенные орудия: например, в Новоузенском уезде вообще у 14 % домохозяев есть улучшенные земледельческие орудия; у крестьян же высшей группы – 42 % домохозяев имеет улучшенные орудия (так что на долю крестьян высшей группы приходится 75 % всего по-уездного количества дворов с улучшенными земледельческими орудиями) и в их руках сосредоточено 82 % всех имеющихся у «крестьянства» улучшенных орудий³⁹.

³⁸ В Самарской и Саратовской губ. норма эта будет ниже раза в полтора – ввиду меньшей зажиточности местного населения.

³⁹ Всего по уезду крестьянство имеет 5724 улучшенных орудия.

Собственными своими рабочими силами крестьяне высшей группы не могут уже справиться с своими посевами и потому прибегают к найму рабочих: например, в Новоузенском уезде 35 % домохозяев высшей группы держат постоянных наемных рабочих (не считая тех, которые нанимаются, например, на жнитво и т. п.); то же и в Днепровском уезде. Одним словом, крестьяне высшей группы представляют уже из себя, несомненно, буржуазию. Сила их основывается уже не на грабеже других производителей (как сила ростовщиков и «кулаков»), а на самостоятельной организации⁴⁰ производства: в руках этой группы, составляющей всего 1/5 часть крестьянства, сосредоточено более 7 г посевной площади [я беру общую среднюю величину по всем 3-м уездам]. Если принять во внимание, что производительность труда (т. е. урожая) у этих крестьян неизмеримо выше, чем у ковыряющих землю пролетариев низшей группы, – то нельзя не сделать того вывода, что главным двигателем хлебного производства является сельская буржуазия.

Какое же влияние должен был оказать этот раскол крестьянства на буржуазию и пролетариат [народники не видят в этом процессе ничего, кроме «обеднения массы»] на величину «рынка», т. е. на величину той доли хлеба, которая превращается в *товар*? Ясно, что эта доля должна была значительно возрасти, потому что масса хлеба у крестьян высшей группы далеко превышала их собственные нужды и шла на рынок; с другой стороны, представители низшей группы должны были прикупать хлеба на те денежные средства, которые давали им заработки.

Чтобы привести точные данные по этому вопросу, нам придется уже обратиться не к земско-статистическим сборникам, а к сочинению В. Е. Постникова: «Южно-русское крестьянское хозяйство». Постников описывает, по данным земской статистики, крестьянское хозяйство 3-х материковых уездов Таврической губернии (Бердянского, Мелитопольского и Днепровского) и анализирует это хозяйство по различным группам крестьян [разделенных на 6 категорий по величине посевной площади: 1) не сеющие; 2) сеющие до 5 дес; 3) – от 5 до 10 д.; 4) 10–25 д.; 5) 25–50 д. и 6) свыше 50 дес]. Исследуя отношение различных групп к рынку, автор делит посевную площадь каждого земледельческого хозяйства на следующие 4 части: 1) *хозяйственная площадь* – так называет Постников ту часть посевной площади, которая дает семена, необходимые для посева; 2) *пищевая площадь* – дает хлеб для прокормления рабочей семьи и работников; 3) *кормовая площадь* – дает корм рабочему скоту и, наконец, 4) *торговая* или *рыночная* площадь, дает продукт, превращаемый в товар, отчуждаемый на рынке. Понятно, что только последняя площадь дает *денежный* доход, а остальные – натуральный, т. е. дают продукт, потребляемый в самом хозяйстве.

Произведя учет величины каждой из этих площадей в разных посевных группах крестьянства, Постников дает следующую таблицу: [см. таблицу на стр. 112. – *Ред.*]

Мы видим из этих данных, что чем крупнее становится хозяйство, тем более приобретает оно товарный характер, тем большую часть хлеба производит для продажи [12–36–52–61 % по группам]. Главные посевики, крестьяне 2-х высших групп (у них более 1/3 всего посева), отчуждают более половины всего своего земледельческого продукта [52 и 61 %].

Если бы не было раскола крестьянства на буржуазию и пролетариат, если бы, другими словами, посевная площадь была распределена между всеми «крестьянами» «уравнительно», тогда бы *все* крестьяне принадлежали к средней группе (сеющей 10–25 дес), и на рынок поступало бы только 36 % всего хлеба, т. е. продукт 518136 посевных десятин (36 % от 1439267 = 518136). Теперь же, как видно из таблицы, на рынок идет 42 % всего хлеба, продукт 608 869 десятин. Таким образом, «обеднение массы», полный упадок хозяйства у

⁴⁰ Основанной, конечно, тоже на грабеже, но только уже не самостоятельных производителей, а рабочих.

40 % крестьян (бедная группа, т. е. сеющая до 10 дес), образование сельского пролетариата, – повело к тому, что на рынок был брошен продукт 90 тыс.⁴¹ десятин посева.

	Приходится из 100 десятин посева на площадь				Получается денежного дохода		В 3-х уездах Таврической губернии		Средняя величина посева в каждой группе
	хозяй- ствен- ную	пище- вую	кормо- вую	торго- вую	на 1	на 1	количество десятин посева	из них под торговой площадью	
					десятину посева (рубли)	двор			
у сеющих до 5 десятин	6	90,7	42,3	-39	-	-	34 070	-	3,5 д.
» » 5-10 »	6	44,7	37,5	+11,8	3,77	30	140426	16851	8 »
» » 10-25 »	6	27,5	30	36,5	11,68	191	540093	194433	16,4 »
» » 25-50 »	6	17,0	25	52	16,64	574	494095	256929	34,5 »
» » более 50 »	6	12,0	21	61	19,52	1500	230583	140656	75 »
Итого	6			42			1439267	608869	17-18 »

Примечание к таблице:

- 1) Постников не дает предпоследнего столбца; он вычислен мною.
- 2) Величину денежного дохода Постников определяет, предполагая, что вся торговая площадь засеяна пшеницей и высчитывая среднюю урожайность и среднюю ценность хлеба.

Я совсем не хочу сказать, чтобы увеличение «рынка» вследствие разложения крестьянства ограничивалось этим. Далеко нет. Мы видели, например, что крестьяне заводят улучшенные орудия, т. о. обращают свои сбережения на «производство средств производства». Мы видели, что на рынок, кроме хлеба, поступил еще другой товар – рабочая сила человека. Я не упоминаю обо всем этом только потому, что привел этот пример с узкой и специальной целью: показать, что у нас в России действительно обнищание массы ведет к усилению товарного и капиталистического хозяйства. Нарочно выбрал такой продукт, как хлеб, который везде и всегда всего позже и всего медленнее втягивается в товарное обращение. Поэтому и местность взята была исключительно земледельческая.

Возьму теперь другой пример, относящийся к области чисто промышленной, к Московской губернии. Крестьянское хозяйство описано земскими статистиками в VI и VII томах «Сборника статистических сведений по Московской губернии», содержащих ряд превосходных очерков кустарных промыслов. Я ограничусь приведением одного места из очерка «Кружевной промысел»⁴², объясняющего, каким образом и почему в пореформенную эпоху особенно быстро развивались крестьянские промыслы.

⁴¹ 90 733 дес. = 6,3 % всей посевной площади.

⁴² «Сборник стат. свед. по Моск. губ.». Отдел хозяйственной статистики. Т. VI, вып. II. Промыслы Московской губернии, вып. II. Москва, 1880.

Кружевной промысел возник в 20-х годах текущего столетия в 2-х соседних деревнях Вороновской волости Подольского уезда. «В 1840-х годах он медленно начинает распространяться по другим близлежащим деревням, хотя все еще не захватывает большого района. Зато начиная с 60-х годов, особенно за последние 3–4 года, быстро распространяется по окрестности».

Из 32-х селений, в которых в настоящее время существует промысел, он возник в 2-х селениях – в 1820 г.
 « 4 » – » 1840 г.
 « 5 » —» 1860-х гг.
 « 7 » —» 1870–1875.
 « 14 » —» 1876–1879.

«Если вникнуть в причины, порождающие такое явление, – говорит автор очерка, – т. е. явление чрезвычайно быстрого распространения промысла именно в последние годы, то мы увидим, что, с одной стороны, за это время условия крестьянского быта значительно ухудшились, а, с другой стороны, потребности населения – той части его, которая находится в более благоприятных условиях – значительно возросли».

В подтверждение этого автор заимствует из Московской земской статистики следующие данные, которые я привожу в форме таблицы⁴³: [см. таблицу на стр. 115. – *Ред.*]

«Эти цифры, – продолжает автор, – красноречиво говорят, что *общее* количество лошадей, коров и мелкого скота в этой волости увеличилось, но это увеличение благосостояния пало на долю отдельных личностей, именно на категорию домохозяев, имеющих по 2–3 и более лошадей...

...Мы, следовательно, видим, что рядом с увеличением числа крестьян, не имеющих ни коровы ни лошади, увеличивается число и тех, которые перестают обрабатывать землю: нет скотины, нет и достаточного количества удобрения; земля истощается, ее не стоит засеивать; для того, чтобы прокормить себя, семью, не умереть с голода, недостаточно одним мужчинам заниматься промыслом, – ведь они занимались им и прежде в свободное от земледельческих работ время – нужно, чтобы и другие члены семьи искали постороннего заработка...

Вороновская волость Подольского уезда:

В Вороновской волости	Число домохозяев	Количество		На 100 душ об. п. приходилось			Число домохозяев					Число лошадей у хозяев				Число наделных домохозяев			
		лошадей	коров	лошадей	коров	мелкого скота	безлошадных	с 1 лошадью	с 2 лошадями	с 3 лошадями	более 3 лошадей	с 1 лошадью	с 2 лошадями	с 3 лошадями	более 3 лошадей	Всего	обрабатывают надел		не заним. хлеб
															лично		наёмом		
В 1869 г было	1233	1473	1472	22	22	30	276	567	298	70	22	567	596	210	100	1067	900	92	75
							22%	46%	24%	6%	2%	39%	40%	14%	7%		84%	9%	7%
В 1877 г было	1244	1607	1726	25	27	38	319	465	313	95	52	465	626	285	231	1166	965	5	196
							26%	37%	25%	8%	4%	29%	39%	18%	14%		82,5%	0,5%	17%

...Приведенные нами цифровые данные в таблицах указали нам и на другое явление; в этих селах, деревнях *увеличилось* также число людей, имеющих 2–3 лошади, коровы. Следовательно, благосостояние этих крестьян увеличилось, а между тем одновременно с этим мы заявили, что «все женщины, дети такого-то села поголовно занимаются промыслом». Чем же объяснить себе такое явление?.. Чтобы уяснить себе это явление, нам придется посмотреть, какую жизнь живут эти села, познакомиться поближе с их домашней обстановкой и тогда, может быть, уяснить себе, чем вызывается это сильное стремление к производству товара на сбыт?

⁴³ Я опустил данные о распределении коров (вывод – тот же) и добавил процентные исчисления.

Мы здесь, конечно, не станем подробно исследовать, при каких счастливых обстоятельствах из среды крестьянского населения выделяются мало-помалу более сильные личности, семьи, вследствие каких условий создается их благосостояние и вследствие каких общественных условий благосостояние это, раз появившись, может быстро возрасти и возрастает настолько, что значительно выделяет одну часть жителей села от другой. Достаточно проследить этот процесс, указывая на одно из самых заурядных явлений крестьянского села. В деревне такой-то крестьянин слывет между своими односельчанами за здорового, сильного, трезвого, работающего человека; у него большая семья, все больше сыновья, отличающиеся таким же крепким сложением и хорошим направлением; живут они все вместе, не делятся; получают надел на 4–5 душ. Понятно, что для обработки его все-таки не требуется всего наличного числа рук. Вот 2–3 сына занимаются отхожим или местным промыслом постоянно, и только во время сенокоса на короткое время бросают промысел и помогают семье в полевых работах. Заработок отдельных членов семьи не дробится, а составляет общее достояние; при прочих благоприятных условиях он значительно превышает расход на удовлетворение потребностей семьи. Является сбережение, вследствие которого семья в состоянии заниматься промыслом при лучших условиях: может покупать сырой материал на чистые деньги из первых рук, произведенный товар продавать тогда, когда он в цене, может обойтись без посредства разных «датчиков», торговцев и торговки и т. п.

Является возможность нанять одного рабочего, другого, или раздавать работу по домам бедным крестьянам, потерявшим возможность совершенно самостоятельно вести какое-либо дело. В силу этих и других подобных условий, приведенная нами сильная семья имеет возможность получать прибыль не только от своего собственного труда. Здесь мы, конечно, не касаемся тех случаев, когда из среды таких семей развиваются личности, известные под именем кулаков, мироедов, а рассматриваем лишь самые обыкновенные явления в среде крестьянского населения. Таблицы, помещенные во II томе Сборника и в вып. 1 тома VI, ясно показывают, как по мере ухудшения положения одной части крестьянства является в большинстве случаев увеличение благосостояния другой, малой части его или отдельных членов.

По мере того, как занятие промыслом распространяется, сношения с внешним миром, с городом, в данном случае с Москвой, становятся чаще, и некоторые московские порядки понемногу проникают в село и проявляются вначале именно в этих более зажиточных семьях. Заводится самовар, необходимая стеклянная и фаянсовая посуда, одежда «почище». Если эта чистота одежды у мужика вначале проявляется в том, что он вместо лаптей наденет сапоги, то у женщин башмаки и сапожки довершают, так сказать, более чистую одежду; они прежде всего увлекаются яркими, пестрыми ситцами, платками, шерстяными узорчатыми шальями и т. п. прелестями...

...В крестьянской семье «испокон веку» водится, что жена одевает мужа, себя и детей... Пока лен сеяли свой, приходилось менее тратить денег на покупку материала и предметов, необходимых для одежды, и эти деньги добывались продажей курицы, яиц, грибов, ягод, оставшегося мотка ниток или лишнего конца холстины. Остальное все производилось дома. Именно такими условиями, т. е. домашним производством всех тех произведений, которые требовались от крестьянок, и тем, что на это уходило все их свободное от полевых работ время, объясняется в данном случае чрезвычайно медленное развитие кружевного промысла в селениях Вороновской волости. Кружева плелись преимущественно девушками из более обеспеченных или более многочисленных семей, где не было необходимости, чтобы все наличные женские руки занимались прядением льна, тканьем холста. Но дешевые ситцы, миткаль, понемногу стали вытеснять холстину; к этому прибавились и другие условия: то лен не уродится, то захочется мужу сшить рубашку кумачную и себе «шубку» (сарафан) понаряднее, и вот мало-помалу вытесняется или очень сильно ограничивается обычай ткать

дома различные холсты, платки для крестьянской одежды. И одежда сама изменяется, отчасти под влиянием вытеснения тканей домашнего производства и замены их тканями, произведенными на фабриках...

...Этим объясняется необходимость для большинства населения стремиться к производству товара на сбыт и привлечение даже детских рук к такому производству».

Этот бесхитростный рассказ внимательного наблюдателя наглядно показывает, каким образом идет в нашей крестьянской массе процесс разделения общественного труда, как это ведет к усилению товарного производства [а следовательно, и рынка] и как это товарное производство, само собою, т. е. силою тех самых отношений, в которые оно ставит производителя к рынку, приводит к тому, что «самым обыкновенным явлением» становится купля-продажа человеческой рабочей силы.

VIII

В заключение не лишним, может быть, будет иллюстрировать спорный вопрос, – слишком уже, кажется, загроможденный абстракциями, схемами и формулами, – разбором рассуждений одного из новейших и виднейших представителей «ходячих воззрений».

Я говорю о г. Николае—оне⁴⁴.

Крупнейшее «препятствие» развитию капитализма в России он видит в «сокращении» внутреннего рынка, в «уменьшении» покупательной способности крестьян. Капитализация промыслов – говорит он – вытеснила домашнее производство изделий; крестьянину пришлось покупать себе одежду. Чтобы добыть для этого денег, крестьянин обратился к усиленной распашке земель и вследствие недостаточности наделов расширил эту запашку далеко за пределы, полагаемые разумным хозяйством; он поднял до безобразных размеров плату за арендные земли – и в конце концов разорился. Капитализм сам вырыл себе могилу, привел «народное хозяйство» к страшному кризису 1891 года и... остановился, не имея под собой почвы, не будучи в силах продолжать «идти тем же путем». Сознавши, что «мы уклонились от освященного веками народного строя», Россия и ждет теперь... распоряжений начальства о «прививке крупного производства к общине».

В чем состоит нелепость этой «вечно новой» (для российских народников) теории?

В том ли, что автор ее не понимает значения «производства средств производства для средств производства»? Конечно, нет. Г-н Ник.—он хорошо знает этот закон и упоминает даже о том, что он проявил себя и у нас (стр. 186, 203–204). Правда, в силу своей способности самому побивать себя противоречиями, он иногда (ср. с. 123) забывает об этом законе, но ясно, что исправление подобных противоречий нимало не исправило бы основного (выше-приведенного) рассуждения автора.

Нелепость его теории состоит в том, что он не умеет объяснить нашего капитализма и свои рассуждения о нем строит на чистейших фикциях.

«Крестьянство», которое разорилось от вытеснения домашних продуктов фабричными, г. Ник.—он рассматривает как нечто однородное, солидарное внутри себя, реагирующее на всякие жизненные явления как один человек.

Ничего подобного нет в действительности. Товарное производство не могло бы и возникнуть в России, если бы не существовало обособленности производительных единиц (крестьянских дворов), и всякий знает, что наш крестьянин на самом деле хозяйничает каждый отдельно и независимо от других; ведет производство продуктов, поступающих в его част-

⁴⁴ Разумеется, не может быть и речи здесь о разборе всего его сочинения – для этого нужен особый труд, – а только о разборе одного из его любимых аргументов.

ную собственность, на свой лично риск и страх; вступает в сношение с «рынком» поодиночке.

Посмотрим, как обстоит дело в «крестьянстве».

«Нуждаясь в деньгах, крестьянин непомерно расширяет запашку и разоряется».

Но расширять запашку в состоянии только крестьянин состоятельный, имеющий семена для посева, достаточное количество живого и мертвого инвентаря. *Такие* крестьяне (а их, как известно, меньшинство) действительно увеличивают посевы и расширяют свое хозяйство до таких пределов, что даже не могут с ним справиться без помощи работников. Большинство же крестьян совершенно не в состоянии удовлетворить нужду в деньгах расширением хозяйства, не имея никаких запасов, ни достаточных средств производства. *Такой* крестьянин, чтобы добыть денег, идет на «заработки», т. е. несет на рынок уже не свой продукт, а свою рабочую силу. Уход на заработки, естественно, ведет за собой дальнейший упадок земледельческого хозяйства, и этот крестьянин кончает тем, что сдает свой надел богатому однообщиннику, который округляет свое хозяйство и, понятно, не сам потребляет продукт с снятого надела, а отправляет его на *рынок*. Получается «обеднение народа», рост капитализма и увеличение рынка. Но этого мало. Наш богатый крестьянин, занятый вполне своим расширенным земледельческим хозяйством, не может уже по-прежнему производить сам на себя – ну, скажем, обувь: ему выгоднее купить ее. Что касается до обедневшего крестьянина, то ему тоже приходится прибегать к покупной обуви: он не может производить ее в своем хозяйстве по той простой причине, что не имеет уже своего хозяйства. Возникает спрос на обувь и предложение хлеба, в избытке произведенного хозяйственным мужиком, умиляющим г-на В. В. прогрессивным течением своего хозяйства. Соседи – кустари, производящие обувь, оказываются в таком же положении, в каком были сейчас земледельцы: чтобы купить хлеба, которого слишком мало дает падающее хозяйство, надо расширить производство. И опять-таки, разумеется, расширяет производство только такой кустарь, у которого появились сбережения, т. е. представитель меньшинства; он получает возможность нанять рабочих или раздавать работу на дом бедным крестьянам. Представителям же большинства кустарей нечего и думать о расширении заведения: они рады будут, если им «даст работу» разжившийся скупщик, т. е. если они смогут найти покупателя своего единственного товара – рабочей силы. Получается снова обеднение народа, рост капитализма и увеличение рынка; дается новый толчок дальнейшему развитию и углублению общественного разделения труда. Где окончится это движение? Этого никто не сумеет сказать, точно так же, как и того, где оно началось; да это и не важно. Важно то, что мы имеем пред собой один живой органический процесс, процесс развития товарного хозяйства и роста капитализма. «Раскрестьянивание» в деревне показывает нам начало этого процесса, зарождение его, его ранние стадии; крупный капитализм в городах показывает нам конец этого процесса, его тенденции. Попробуйте разорвать эти явления, попробуйте рассматривать их отдельно и независимо друг от друга, – и вы не сможете в своем рассуждении свести концов с концами, не сможете объяснить ни того, ни другого явления, ни обеднения народа, ни роста капитализма.

При этом, однако, бывает большею частью так, что авторы подобных рассуждений без начала и без конца, не умея объяснить процесса, обрывают исследование заявлением, что одно из двух, одинаково непонятых ими явлений [и притом, конечно, уже именно то, которое противоречит «нравственно развитому чувству критически мыслящей личности»] – «нелепо», «случайно», «висит в воздухе».

На самом деле, разумеется, «висят в воздухе» одни только их собственные рассуждения.

85

ша. «Расфриваливание» в дуреве похвалу
 киня карабо это уродина, зарамидени его, его
 раанаэ стадии; крупном камиризация в города
 показывается наш конец этого уродина, его
 маидеализи. Поградуна разорвал эти еванг,
 поградуна раземарравит из отидино и негов.
 силе друг от друга, — и вв не силаседе вв
 своим расуредени еванг конец св конидии,
 не силаседе обидеит на того на другого еван-
 ги, на обидитниэ народы, на дотна камиризация.

Дра знаниэ однако биваете бивидно чедра
 ман, это авидно надатиле расуредениэ без
 мотана и без конца, не зина обидитниэ ур-
 чина, обидитниэ шибидованиэ зивидитниэ, др
 адна из двух, аднаново камиризация, или еван-
 гиэ [и притоме конеча урча иланиэ то, ко-
 раэ урчидитниэ «сравневаниэ расуредениэ
 гудитниэ кришигаска шибидитниэ «кариоза» —
 «мантви», «сураниэ», «випидр. вв вадудет»].

На саманг дит расуредениэ, «випидр вв вадудет»
 дурев адна мантви из евангениэ расуредениэ.

Последняя страница рукописи В. И. Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках». — 1893 г. (Уменьшено)

1894 г.

Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «русского богатства» против марксистов)^[20]

Написано весной – летом 1894 г. Печатается по тексту

Напечатано в 1894 г. на гектографе гектографированного издания 1894 г.

Выпуск I

«Русское Богатство»^[21] открыло поход против социал-демократов. Еще в № 10 за прошлый год один из главарей этого журнала, г-н Н. Михайловский, объявил о предстоящей «полемике» против «наших так называемых марксистов или социал-демократов»^[22]. Затем появились статьи г-на С. Кривенко: «По поводу культурных одиночек» (№ 12) и г. Н. Михайловского: «Литература и жизнь» (№№ 1 и 2 «Р. Б.» за 1894 г.). Что касается до собственных воззрений журнала на нашу экономическую действительность, то они всего полнее изложены были г. С. Южаковым в статье: «Вопросы экономического развития России» (в №№ 11 и 12). Претендуя вообще в своем журнале представлять идеи и тактику истинных «друзей народа», эти господа являются отъявленными врагами социал-демократии. Попробуем же присмотреться к этим «друзьям народа», к их критике марксизма, к их идеям, к их тактике.

Г-н Н. Михайловский обращает более всего внимания на теоретические основания марксизма и потому специально останавливается на разборе материалистического понимания истории. Изложивши, в общих чертах, содержание обширной марксистской литературы, излагающей эту доктрину, г-н Михайловский открывает свою критику такой тирадой:

«Прежде всего, – говорит он, – является сам собою вопрос: в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории? В «Капитале» он дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией, с кропотливым исследованием как всей экономической литературы, так и соответствующих фактов. Он вывел на белый свет давно забытых или никому ныне неизвестных теоретиков экономической науки и не оставил без внимания мельчайших подробностей в каких-нибудь отчетах фабричных инспекторов или показаниях экспертов в разных специальных комиссиях; словом, перерыл подавляющую массу фактического материала частью для обоснования, частью для иллюстрации своих экономических теорий. Если он создал «совершенно новое» понимание исторического процесса, объяснил все прошедшее человечества с новой точки зрения и подвел итог всем доселе существовавшим философско-историческим теориям, то сделал это, конечно, с таким же тщанием: действительно пересмотрел и подверг критическому анализу все известные теории исторического процесса, поработал над массой фактов всемирной истории. Сравнение с Дарвином, столь обычное в марксистской литературе, еще более утверждает в этой мысли. Что такое вся работа Дарвина? Несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала. Где же соответственная работа Маркса? Ее нет. И не только нет такой работы Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе, несмотря на всю ее количественную обширность и распространенность».

Вся эта тирада в высшей степени характерна для уразумения того, как мало понимают «Капитал» и Маркса в публике. Подавленные громадной доказательностью изложения, они расшаркиваются перед Марксом, хвалят его и в то же время совершенно упускают из виду

основное содержание доктрины и, как ни в чем не бывало, продолжают старые песенки «субъективной социологии». Нельзя не вспомнить по этому поводу очень верного эпитафия, выбранного Каутским в его книге об экономическом учении Маркса:

Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen? Nein. Wir
wollen weniger erhoben Und fleissiger gelesen sein!⁴⁵

Именно так! Г-ну Михайловскому следовало бы поменьше хвалить Маркса да попрележнее читать его, или, лучше, посерьезнее вдумываться в то, что он читает.

«В «Капитале» Маркс дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией», – говорит г-н Михайловский. Г. Михайловский в этой фразе дал нам образчик соединения блестящей фразы с пустотой содержания, – заметил один марксист. И замечание это совершенно справедливо. В самом деле, в чем же проявилась эта логическая сила Маркса? Какие дала она результаты? Читая приводимую тираду г-на Михайловского, можно подумать, что вся эта сила направлена была на «экономические теории» в самом тесном значении слова, – и только. И – чтобы оттенить сильнее узкие пределы поля, на котором проявлял Маркс свою логическую силу, г. Михайловский напирал на «мельчайшие подробности», на «кропотливость», на «никому неизвестных теоретиков» и т. п. Выходит так, как будто ничего существенно нового, достойного упоминания, Маркс не внес в приемы построения этих теорий, как будто он оставил пределы экономической науки такими же, какими они были у прежних экономистов, не расширив их, не внося «совершенно нового» понимания самой этой науки. А между тем всякий читавший «Капитал» знает, что это – сплошная неправда. Нельзя не вспомнить по этому поводу того, что писал о Марксе г-н Михайловский 16 лет тому назад, полемизируя с пошло-буржуазным г. Ю. Жуковским^[23]. Времена, что ли, тогда были другие, чувства, что ли, посвежее, но только и тон и содержание статьи г-на Михайловского были совсем не те. – ««Конечная цель этого сочинения – показать закон развития (в подлиннике: Das ökonomische Bewegungsgesetz – экономический закон движения) современного общества», – говорит К. Маркс о своем «Капитале» и строго выдерживает свою программу», – так отзывался г. Михайловский в 1877 г. Посмотрим же поближе на эту, строго – по признанию критика – выдержанную программу. Она состоит в том, чтобы «показать экономический закон развития современного общества».

Самая уже эта формулировка ставит нас лицом к лицу с несколькими вопросами, требующими разъяснения. Почему это говорит Маркс о «современном (modern)» обществе, когда все экономисты до него толковали об обществе вообще? В каком смысле употребляет он слово «современный», по каким признакам выделяет особо это современное общество? И далее – что это значит: экономический закон движения общества? Мы привыкли слышать от экономистов – и это, между прочим, одна из любимых идей у публицистов и экономистов той среды, к которой принадлежит «Русское Богатство», – что только производство ценностей подчинено одним лишь экономическим законам, тогда как распределение, дескать, зависит от политики, от того, в чем будет состоять воздействие на общество со стороны власти, интеллигенции и т. п. В каком же это смысле говорит Маркс об экономическом законе движения общества и еще рядом называет этот закон Naturgesetz – законом природы? Как понимать это, когда столь многие отечественные социологи исписали груды бумаги о том, что область общественных явлений выделяется особо из области естественно-исторических явлений, что поэтому и для исследования первых следует прилагать совсем особый «субъективный метод в социологии»?

⁴⁵ Кто не хвалит Клопштока? Но станет ли его каждый читать? Нет. Мы хотим, чтобы нас меньше почитали, но зато прилежнее читали! (Лессинг). – *Ред.*

Все эти недоумения возникают естественно и необходимо, и, конечно, только полное невежество может обходить их, говоря о «Капитале». Чтобы разобраться в этих вопросах, приведем предварительно еще одно место из того же предисловия к «Капиталу», – всего несколькими строками ниже;

«Моя точка зрения состоит в том, – говорит Маркс, – что я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс»²⁴¹.

Достаточно простого сопоставления хотя бы приведенных только двух мест из предисловия, чтобы видеть, что именно тут заключается основная идея «Капитала», проведенная, как мы слышали, строго выдержанно и с редкой логической силой. Отметим прежде всего два обстоятельства по поводу всего этого: Маркс говорит только об одной «общественно-экономической формации», о капиталистической, т. е. говорит, что исследовал закон развития только этой формации и никакой другой. Это во-первых. А во-вторых, отметим приемы выработки Марксом его выводов: эти приемы состояли, как мы сейчас слышали от г. Михайловского, в «кропотливом исследовании соответствующих фактов».

Теперь перейдем к разбору этой основной идеи «Капитала», которую так ловко попытался обойти наш субъективный философ. В чем собственно состоит понятие экономической общественной формации? и каким образом развитие такой формации можно и должно считать естественно-историческим процессом? – вот вопросы, стоящие теперь перед нами. Я уже указывал, что с точки зрения старых (не для России) экономистов и социологов понятие общественно-экономической формации совершенно лишнее: они толкуют об обществе вообще, спорят с Спенсерами о том, что такое общество вообще, какова цель и сущность общества вообще и т. п. В таких рассуждениях эти субъективные социологи опираются на аргументы вроде тех, что цель общества – выгоды всех его членов, что поэтому справедливость требует такой-то организации, и что несоответствующие этой идеальной («Социология должна начать с некоторой утопии» – эти слова одного из авторов субъективного метода, г. Михайловского, прекрасно характеризуют сущность их приемов) организации порядки являются ненормальными и подлежащими устранению. «Существенная задача социологии, – рассуждает, например, г. Михайловский, – состоит в выяснении общественных условий, при которых та или другая потребность человеческой природы получает удовлетворение». Вы видите, этого социолога интересует только такое общество, которое удовлетворяет человеческой природе, а совсем не какие-то там общественные формации, которые притом могут быть основаны на таком не соответствующем «человеческой природе» явлении, как порабощение большинства меньшинством. Вы видите также, что с точки зрения этого социолога не может быть и речи о том, чтобы смотреть на развитие общества как на естественно-исторический процесс. («Признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного» – «осуществления таких-то и таких-то идеалов», – рассуждает тот же г. Михайловский.) Мало того, не может быть речи даже и о развитии, а только о разных отклонениях от «желательного», о «дефектах», случившихся в истории вследствие... вследствие того, что люди были не умны, не умели хорошенько понять того, что требует человеческая природа, не умели найти условий осуществления таких разумных порядков. Ясное дело, что основная идея Маркса о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций в корень подрывает эту ребячью мораль, претендующую на наименование социологии. Каким же образом выработал Маркс эту основную идею? Он сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений – *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения. Сам Маркс так описал ход своих рассуждений по этому вопросу: «Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии

права^[25]. Работа привела меня к тому результату, что правовые отношения так же точно, как и политические формы, не могут быть выводимы и объясняемы из одних только юридических и политических оснований; еще менее возможно их объяснять и выводить из так называемого общего развития человеческого духа. Корень их заключается в одних только материальных, жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей 18 века, называет «гражданским обществом». Анатомию же гражданского общества следует искать в политической экономии. Результаты, к которым привело меня изучение последней, могут быть кратко сформулированы следующим образом. При материальном производстве людям приходится стать в известные отношения друг к другу, в *производственные отношения*. Последние всегда соответствуют той ступени развития производительности, которую в данное время обладают их экономические силы. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, над которым возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Таким образом, производственный порядок обуславливает социальные, политические и чисто духовные процессы жизни. Их существование не только не зависит от сознания человека, но, напротив, последнее само от них зависит. Но на известной ступени развития своей производительности силы приходят в столкновение с производственными отношениями людей друг к другу. Вследствие этого они начинают противоречить и тому, что служит юридическим выражением производственных отношений, т. е. имущественным порядкам. Тогда производственные отношения перестают соответствовать производительности и начинают ее стеснять. Отсюда – возникает эпоха общественного переворота. С изменением экономического основания более или менее медленно или скоро изменяется вся громадная надстройка, над ним возвышающаяся. При рассмотрении этих переворотов всегда необходимо строго различать материальную переменную в условиях производства, которая должна быть естественно-научно констатирована, и переменную в юридических, политических, религиозных, художественных и философских, словом – идеологических формах, в которых мысль о столкновении проникает в человеческое сознание и в которых скрытым образом из-за него происходит борьба. Об отдельном человеке мы не судим по тому, что он сам о себе думает; но нельзя также судить и об эпохе переворотов по ее собственному самосознанию. Напротив, это самосознание должно быть объяснено из противоречий материальной жизни, из столкновения между условиями производства и условиями производительности... Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие, буржуазные, производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества»^[26].

Уже сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея. Разумеется, *пока* это была еще только гипотеза, но такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам. До сих пор, не умея спуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, социологи брались прямо за исследование и изучение политико-юридических форм, наткнувшись на факт возникновения этих форм из тех или иных идей человечества в данное время – и останавливались на этом; выходило так, что будто общественные отношения строятся людьми сознательно. Но этот вывод, нашедший себе полное выражение в идее о *Contrat Social*^[27] (следы которой очень заметны во всех системах утопического социализма), совершенно противоречил всем историческим наблюдениям. Никогда этого не было, да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса прилагивается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических обще-

ственных отношениях, что, например, объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время. Материализм устранил это противоречие, продолжив анализ глубже, на происхождение самих этих общественных идей человека; и его вывод о зависимости хода идей от хода вещей единственно совместим с научной психологией. Далее, еще и с другой стороны, эта гипотеза впервые возвела социологию на степень науки. До сих пор социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это – корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отношениями (т. е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей⁴⁶), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала. Анализ материальных общественных отношений (т. е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение) – анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что общее всем им.

Наконец, в-третьих, потому еще эта гипотеза впервые создала возможность *научной социологии*, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки. (Субъективисты, например, признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию как на естественно-исторический процесс, – и именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям.)

Но вот Маркс, высказавший эту гипотезу в 40-х годах, берется за фактическое (это *nota bene*⁴⁷) изучение материала. Он берет одну из общественно-экономических формаций – систему товарного хозяйства – и на основании гигантской массы данных (которые он изучал не менее 25 лет) дает подробнейший анализ законов функционирования этой формации и развития ее. Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации.

⁴⁶ То есть, разумеется, речь все время идет о сознании *общественных* отношений и никаких иных.

⁴⁷ Заметьте.

Таков *скелет* «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что – *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями – он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую – с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями. Понятно теперь, что сравнение с Дарвином вполне точно: «Капитал» – это не что иное, как «несколько обобщающих, теснейшим образом между собою связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала». И если кто, читая «Капитал», сумел не заметить этих обобщающих идей, то это уже вина не Маркса, который даже в предисловии, как мы видели, указал на эти идеи. Мало того, такое сравнение правильно не только с внешней стороны (неизвестно почему особенно заинтересовавшей г. Михайловского), но и с внутренней. Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними, – так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс.

Теперь – со времени появления «Капитала» – материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, и пока мы не будем иметь другой попытки научно объяснить функционирование и развитие какой-нибудь общественной формации – именно общественной формации, а не быта какой-нибудь страны или народа, или даже класса и т. п. – другой попытки, которая бы точно так же сумела внести порядок в «соответствующие факты», как это сумел сделать материализм, точно так же сумела дать живую картину известной формации при строго научном объяснении ее, – до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки. Материализм представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает г. Михайловский, а единственное научное понимание ее.

И теперь – можете ли себе представить более забавный курьез, как тот, что нашлись люди, которые сумели, прочитав «Капитал», не найти там материализма! Где он? – спрашивает с искренним недоумением г. Михайловский.

Он читал «Коммунистический манифест» и не заметил, что объяснение современных порядков – и юридических, и политических, и семейных, и религиозных, и философских – дается там материалистическое, что даже критика социалистических и коммунистических теорий ищет и находит корни их в таких-то и таких-то производственных отношениях.

Он читал «Нищету философии» и не заметил, что разбор социологии Прудона ведется там с материалистической точки зрения, что критика того решения различнейших исторических вопросов, которое предлагал Прудон, исходит из принципов материализма, что собственные указания автора на то, где нужно искать данных для разрешения этих вопросов, все сводятся к ссылкам на производственные отношения.

Он читал «Капитал» и не заметил, что имеет перед собой образец научного анализа одной – и самой сложной – общественной формации по материалистическому методу, обра-

зец всеми признанный и никем не превзойденный. И вот он сидит и думает свою крепкую думу над глубокомысленным вопросом: «в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?»

Всякий, знакомый с Марксом, ответил бы ему на это другим вопросом: в каком сочинении Маркс не излагал своего материалистического понимания истории? Но г. Михайловский, вероятно, узнает о материалистических исследованиях Маркса только тогда, когда они под соответствующими номерами будут указаны в какой-нибудь историософической работе какого-нибудь Кареева под рубрикой: «экономический материализм».

Но что курьезнее всего, так это то, что г. Михайловский обвиняет Маркса в том, что он не «пересмотрел (sic!⁴⁸) всех известных теорий исторического процесса». Это уж совсем забавно. Да в чем состояли, на ⁹/₁₀, эти теории? В чисто априорных, догматических, абстрактных построениях того, что такое общество, что такое прогресс? и т. п. (Беру нарочно примеры, близкие уму и сердцу г. Михайловского.) Да ведь такие теории негодны уже тем, что они существуют, негодны по своим основным приемам, по своей сплошной и беспросветной метафизичности. Ведь начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс? – значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений? Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли а priori⁴⁹ общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое средство? Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила? Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы. Поэтому обвинение г. Михайловского совершенно таково же, как если бы метафизик-психолог, всю свою жизнь писавший «исследования» по вопросу, что такое душа? (не зная в точности объяснения ни одного, хотя бы простейшего, психического явления) – принялся обвинять научного психолога в том, что он не пересмотрел всех известных теорий о душе. Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений – нервных процессов, и дал, скажем, анализ и объяснение такого-то или таких-то психических процессов. И вот наш метафизик-психолог читает эту работу, хвалит – хорошо-де описаны процессы и изучены факты, – но не удовлетворяется. Позвольте, волнуется он, слыша, как кругом толкуют о совершенно новом понимании психологии этим ученым, об особом методе научной психологии, – позвольте, кипятится философ, – да в каком же сочинении изложен этот метод? Ведь в этой работе «одни только факты»? В ней и помину нет о пересмотре «всех известных философских теорий о душе»? Это совсем не соответственная работа! Точно так же «Капитал», разумеется, не соответственная работа для социолога-метафизика, не замечающего бесплодности априорных рассуждений о том, что такое общество, не понимающего, что вместо изучения и объяснения такие приемы дают только подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торговца, либо мещанско-социалистических идеалов российского демократа, – и ничего больше. Поэтому-то все эти философско-исторические теории и возникали

⁴⁸ Так! – *Ред.*

⁴⁹ Заранее, независимо от опыта. – *Ред.*

и лопались, как мыльные пузыри, являясь в лучшем случае симптомом общественных идей и отношений своего времени и не подвигая ни на волос вперед *понимания* человеком хотя бы каких-нибудь единичных, но зато действительных (а не тех, которые «соответствуют человеческой природе») общественных отношений. Гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал *научный* анализ *одного* общества и *одного* прогресса – капиталистического. И г. Михайловский обвиняет его за то, что он начал с начала, а не с конца, с анализа фактов, а не с конечных выводов, с изучения частных, исторически определенных общественных отношений, а не с общих теорий о том, в чем состоят эти общественные отношения вообще! И он спрашивает: «где же соответственная работа?» О, премудрый субъективный социолог!! Если бы наш субъективный философ ограничился одним недоумением по вопросу о том, в каком сочинении обоснован материализм, – это бы еще полбеды. Но он, – несмотря на то, что не нашел нигде не только обоснования, но даже изложения материалистического понимания истории (а, может быть, именно потому, что не нашел) – начинает приписывать этой доктрине притязания, никогда ею не заявленные. Приведя цитату из Блоса о том, что Маркс провозгласил совершенно новое *понимание* истории, он, нисколько не церемонясь, трактует дальше о том, будто эта теория претендует на то, что она «разъяснила человечеству его прошедшее», объяснила «все (sic!?) прошедшее человечества» и т. п. Ведь это же все сплошная фальшь! Теория претендует только на объяснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой. Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу, – точно так же, как идея трансформизма, доказанная по отношению к достаточному количеству фактов, распространяется на всю область биологии, хотя бы по отношению к отдельным видам животных и растений и нельзя было еще установить в точности факт их трансформации. И как трансформизм претендует совсем не на то, чтобы объяснить «всю» историю образования видов, а только на то, чтобы поставить приемы этого объяснения на научную высоту, точно так же и материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории^[28]. Можно судить по этому, какие остроумные, серьезные и приличные приемы полемики употребляет г. Михайловский, когда он сначала перевирает Маркса, приписывая материализму в истории вздорные претензии «все объяснить», найти «ключ ко всем историческим замкам» (претензии, сразу же, конечно, и в очень ядовитой форме отвергнутые Марксом в его «письме»^[29] по поводу статей Михайловского), затем ломается над этими, им же самим сочиненными претензиями и, наконец, приводя точные мысли Энгельса, – точные потому, что на этот раз дается цитата, а не пересказ, – что политическая экономия, как ее понимают материалисты, «подлежит еще созданию», что «все, что мы от нее получили, ограничивается» историей капиталистического общества^[30], – делает такой вывод, что «словами этими весьма суживается поле действия экономического материализма»! Какой безграничной наивностью или каким безграничным самомнением должен обладать человек, чтобы рассчитывать на то, что такие фокусы пройдут незамеченными! Сначала переврал Маркса, затем поломался над своим враньем, потом привел точные мысли – и теперь имеет нахальство объявлять, что ими суживается поле действия экономического материализма!

Какого сорта и качества это ломанье г. Михайловского, можно видеть из следующего примера: «Маркс нигде не обосновывает их» – т. е. оснований теории экономического материализма, – говорит г. Михайловский. «Правда, Маркс вместе с Энгельсом задумал написать

сочинение философско-исторического и историко-философского характера и даже написал (в 1845–1846 гг.), но оно никогда не было напечатано. Энгельс говорит: «Первую часть этого сочинения^[31] составляет изложение материалистического понимания истории, которое показывает только, как недостаточны были наши познания в области экономической истории». Таким образом – заключает г. Михайловский – основные пункты «научного социализма» и теории экономического материализма были открыты, а вслед за тем и изложены в «Манифесте» в такое время, когда, по собственному признанию одного из авторов, нужные для такого дела познания были у них слабы».

Не правда ли, как мила такая критика! Энгельс говорит, что у них были слабы познания по экономической «истории» и что поэтому они и не печатали своего сочинения «общего» историко-философского характера. Г-н Михайловский перетолковывает это так, что у них слабы были познания «для такого дела», как выработка «основных пунктов научного социализма», т. е. научной критики *буржуазного* строя, данной уже в «Манифесте». Одно из двух: или г. Михайловский не умеет понять разницы между попыткой охватить всю философию истории и попыткой научно объяснить буржуазный режим, или же он полагает, что у Маркса и Энгельса были недостаточны познания для критики политической экономии. И в таком случае он очень жесток, что не знакомит нас со своими соображениями об этой недостаточности, своими поправками и пополнениями. Решение Маркса и Энгельса не публиковать работы историко-философской и сосредоточить все силы на научном анализе одной общественной организации характеризует только высшую степень научной добросовестности. Решение г. Михайловского поломаться над этим добавленьцем, что, дескать, Маркс и Энгельс излагали свои воззрения, сами сознаваясь в недостаточности своих познаний для выработки их, характеризует только приемы полемики, не свидетельствующие ни об уме, ни о чувстве приличия.

Другой образец: «Для обоснования экономического материализма, как исторической теории, больше сделал *alter ego*⁵⁰ Маркса – Энгельс, – говорит г. Михайловский. – У него есть специально исторический труд: «Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи (*im Anschluss*) с воззрениями Моргана». Этот «*Anschluss*» чрезвычайно замечателен. Книга американца Моргана появилась много лет спустя после того, как были провозглашены Марксом и Энгельсом основы экономического материализма и совершенно независимо от него». И вот, дескать, «экономические материалисты примкнули» к этой книге и притом, так как в доисторические времена не было борьбы классов, то они внесли такую «поправку» к формуле материалистического понимания истории, что определяющим моментом наряду с производством материальных ценностей является производство самого человека, т. е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда труд по своей производительности был слишком еще не развит.

«Великая заслуга Моргана состоит в том, – говорит Энгельс, – что он в родовых связях северо-американских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории»^[32].

«Итак, – изрекает по этому поводу г. Михайловский, – в конце 40-х годов было открыто и провозглашено совершенно новое, материалистическое и истинно научное понимание истории, которое сделало для исторической науки то же самое, что сделала теория Дарвина для современного естествознания». Но это понимание – повторяет затем еще раз г. Михайловский – никогда не было научно обосновано. «Оно не только не было проверено на большом и разнообразном поле фактического материала («Капитал» – «не соответственная» работа: там одни только факты да кропотливые исследования!), но не было даже достаточно мотивировано хотя бы путем критики и исключения других философско-историче-

⁵⁰ Другой я, двойник. – *Ред.*

ских систем». Книга Энгельса – «Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft»⁵¹ – «только остроумные попытки, высказанные мимоходом», и г. Михайловский считает поэтому возможным совершенно обойти массу существенных вопросов, которые затронуты в этом сочинении, несмотря на то, что эти «остроумные попытки» очень остроумно показывают бессодержательность социологии, «начинающих с утопий»; несмотря на то, что в этом сочинении дана подробная критика той «теории насилия», по которой политико-юридические порядки определяют экономические и которую так усердно проводят гг. публицисты «Русского Богатства». В самом деле, гораздо легче ведь бросить о сочинении несколько ничего не выражающих фраз, чем серьезно разобрать хоть один вопрос, материалистически разрешенный в нем; это притом и безопасно, потому что цензура никогда, вероятно, не пропустит перевода этой книги, и г. Михайловский, без опасения за свою субъективную философию, может называть ее остроумной.

Еще характернее и поучительнее (к иллюстрации того, что язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли – или придавать пустоте форму мысли) отзыв о «Капитале» Маркса. «В «Капитале» есть блестящие страницы исторического содержания, но (это замечательное «но»)! Это даже не «но», а то знаменитое «mais», которое в переводе на русский язык значит: «уши выше лба не растут») они уже по самой задаче книги приурочены к одному определенному историческому периоду и не то что утверждают основные положения экономического материализма, а просто касаются экономической стороны известной группы исторических явлений». Другими словами: «Капитал» – только и посвященный изучению именно капиталистического общества – дает материалистический анализ этого общества и его надстроек, «н о» г. Михайловский предпочитает обойти этот анализ: дело тут идет, видите ли, об «одном» только периоде, а он, г. Михайловский, хочет объять все периоды и притом так объять, чтобы не говорить в частности ни об одном. Понятно, что для достижения этой цели – т. е. для того, чтобы объять все периоды, не касаясь по существу ни одного, – есть только один путь: путь общих мест и фраз, «блестящих» и пустых. И с г. Михайловским никто не сравнится в искусстве отделяться фразами. Оказывается, что не стоит (отдельно) касаться исследований Маркса по существу на том основании, что он, Маркс, «не то что утверждает основные положения экономического материализма, а просто касается экономической стороны известной группы исторических явлений». Какое глубокомыслие! – «Не утверждает», а «просто касается»! – Как просто, в самом деле, можно замазать всякий вопрос фразой! Например, если Маркс многократно показывает, каким образом в основании гражданской равноправности, свободного договора и тому подобных основ правового государства лежат отношения товаропроизводителей, – что это такое? утверждает ли он этим материализм или «просто» касается? Со свойственной ему скромностью наш философ воздерживается от ответа по существу и прямо делает выводы из своих «остроумных попыток» блестяще поговорить и ничего не сказать.

«Не мудрено, – гласит этот вывод, – что для теории, претендовавшей осветить всемирную историю, спустя 40 лет после ее провозглашения древняя греческая, римская и германская история оставались неразрешенными загадками; и ключ к этим загадкам дан был, во-первых, человеком, совершенно посторонним теории экономического материализма, ничего об ней не знавшим, а во-вторых – при помощи фактора не экономического. Несколько забавное впечатление производит термин «производство самого человека», т. е. детопроизводство, за который Энгельс хватается для сохранения хотя бы словесной связи с основной формулой экономического материализма. Он вынужден, однако, признать, что жизнь человечества многие века складывалась не по этой формуле». И в самом деле, очень «немудрено» полемизируете Вы, г. Михайловский! Теория состояла в том, что для «освещения» исто-

⁵¹ «Переворот в науке, произведенный г-ном Е. Дюрингом». – *Ред.*

рии надо искать основы не в идеологических, а в материальных общественных отношениях. Недостаток фактического материала не давал возможности применить этот прием к анализу некоторых важнейших явлений древнейшей истории Европы, например, гентильной организации⁵², которая в силу этого и оставалась загадкой⁵². Но вот в Америке богатый материал, собранный Морганом, дает ему возможность проанализировать сущность гентильной организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (например, правовых или религиозных), а в материальных. Ясное дело, что этот факт дает блистательное подтверждение материалистического метода – и ничего больше. И когда г. Михайловский *в упрек* этой доктрине ставит то, что, во-первых, ключ к труднейшим историческим загадкам нашел человек «совершенно посторонний» теории экономического материализма – то можно только подивиться, до какой степени люди могут не отличать того, что говорит в их пользу, от того, что их жестоко побивает. Во-вторых – рассуждает наш философ – детопроизводство – фактор не экономический. Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое мирозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея (совершенно определенно выраженная хотя бы в вышеприведенной цитате из Маркса) состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования. Объяснения политико-юридических форм – говорит Маркс в вышеприведенной цитате – надо искать в «материальных жизненных отношениях». Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим? Объяснения г. Михайловского по этому поводу так характерны, что на них стоит остановиться. «Как бы мы ни ухищрялись над детопроизводством, – говорит он, – стараясь установить хоть словесную связь между ним и экономическим материализмом, как бы оно ни перекрещивалось в сложной сети явлений общественной жизни с другими явлениями, в том числе и экономическими, оно имеет свои собственные, физиологические и психические корни. (Для грудных детей, что ли, рассказываете это Вы, г. Михайловский, что детопроизводство имеет физиологические корни!? Ну, что Вы зубы-то заговариваете?) И это напоминает нам, что теоретики экономического материализма не свели своих счетов не только с историей, а и с психологией. Нет никакого сомнения, что родовые связи утратили свое значение в истории цивилизованных стран, но едва ли можно сказать это с такою уверенностью о связях непосредственно половых и семейных. Они подверглись, разумеется, сильным изменениям под напором усложняющейся жизни вообще, но при известной диалектической ловкости можно бы было доказывать, что не только юридические, но и сами экономические отношения составляют надстройку над отношениями половыми и семейными. Мы не станем этим заниматься, но укажем все-таки хоть на институт наследства».

Наконец-то посчастливилось нашему философу из области пустых фраз⁵³ подойти к фактам, определенным, допускающим проверку и не позволяющим так легко «заговаривать» суть дела. Посмотрим же, каким образом доказывает наш критик Маркса, что институт наследства есть надстройка над половыми и семейными отношениями. «В наследство пере-

⁵² Г. Михайловский и тут не упускает случая поломаться: как это, дескать, так: научное понимание истории – и древняя история – загадка! Вы можете из всякого учебника узнать, г. Михайловский, что вопрос о гентильной организации принадлежит к числу труднейших, вызывавших массу теорий для своего объяснения.

⁵³ Как назвать иначе, в самом деле, такой прием, когда упрекают материалистов в том, что они не свели счетов с историей, не попытавшись, однако, разобрать *буквально ни одного* из многочисленных материалистических объяснений различных исторических вопросов, которые даны были материалистами? или когда говорят, что можно бы доказывать, но мы этим заниматься не будем?

даются, – рассуждает г. Михайловский, – продукты экономического производства («Продукты экономического производства»!! Как это грамотно! как звучно! и какой изящный язык!), и самый институт наследства обусловлен до известной степени фактом экономической конкуренции. Но, во-первых, в наследство передаются и не материальные ценности, – что выражается в заботах о воспитании детей в духе отцов». Итак, воспитание детей входит в институт наследства! Например, в российских гражданских законах есть такая статья, что «родители должны стараться домашним воспитанием приготовить нравы их (детей) и содействовать видам правительства». Уж не это ли называет наш философ институтом наследства? – «а во-вторых, – оставаясь даже исключительно в экономической области, – если институт наследства немислим без продуктов производства, передаваемых по наследству, то он точно так же немислим и без продуктов «детопроизводства», – без них и без той сложной и напряженной психики, которая к ним непосредственно примыкает». (Нет, вы обратите внимание на язык: сложная психика «примыкает» к продуктам детопроизводства! Ведь это же прелесть!) Итак, институт наследства есть надстройка над семейными и половыми отношениями потому, что наследство немисливо без детопроизводства! Да, ведь, это настоящее открытие Америки! До сих пор все полагали, что детопроизводство так же мало может объяснять институт наследства, как необходимость принятия пищи – институт собственности. До сих пор все думали, что если, например, в России в эпоху процветания поместной системы^[34] земля не могла переходить по наследству (так как она считалась только условной собственностью), то объяснения этому нужно искать в особенностях тогдашней общественной организации. Г-н Михайловский полагает, должно быть, что дело объясняется просто тем, что психика, которая примыкала к продуктам детопроизводства тогдашнего помещика, отличалась недостаточной сложностью.

Поскребите «народного друга» – можем сказать мы, перефразируя известное изречение, – и вы найдете буржуа. В самом деле, какой иной смысл могут иметь эти рассуждения г. Михайловского о связи института наследства с воспитанием детей, с психикой детопроизводства и т. п. – как не тот, что институт наследства так же вечен, необходим и священ, как и воспитание детей! Правда, г. Михайловский постарался оставить себе лазейку, заявивши, что «до известной степени институт наследства обусловлен фактом экономической конкуренции» – но ведь это же не что иное, как покушение увильнуть от определенного ответа на вопрос и притом покушение с негодными средствами. Как можем мы принять к сведению это замечание, когда нам ни слова не сказано насчет того, до какой именно «известной степени» зависит наследство от конкуренции? когда не разъяснено совершенно, чем собственно объясняется эта связь между конкуренцией и институтом наследства? На самом деле, институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит зарождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке. Пока, например, все члены первобытной индейской общины вырабатывали сообща все необходимые для них продукты, – невозможна была и частная собственность. Когда же в общину проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности. И частная собственность, и наследство – категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен. Пример г. Михайловского доказывает как раз обратное тому, что он хотел доказать.

Есть у г. Михайловского и еще одно фактическое указание – и опять-таки это в своем роде перл! «Что касается родовых связей, – продолжает он исправлять материализм, – то они побледнели в истории цивилизованных народов отчасти действительно в лучах влияния форм производства (опять увертка, еще только более явная. Каких же именно форм произ-

водства? Пустая фраза!), но отчасти распустились в своем собственном продолжении и обобщении – в связях национальных». Итак, национальные связи, это – продолжение и обобщение связей родовых! Г. Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которой учат гимназистов. История общественности – гласит эта доктрина прописей – состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества⁵⁴, затем – дескать – семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство. Если г. Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий вздор, так это показывает только – помимо всего другого, – что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных. Обоими своими фактическими указаниями г. Михайловский только побил самого себя и не дал нам ничего, кроме образцов буржуазных пошлостей – *пошлостей* потому, что объяснял институт наследства детопроизводством и его психикой, а национальность – родовыми связями; *буржуазных* – потому, что принимал категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации (основанной на обмене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитание детей и «непосредственно» половые связи.

Характерно тут в высшей степени то, что как только наш субъективный философ попробовал перейти от фраз к конкретным фактическим указаниям, – так и сел в лужу. И он прекрасно, по-видимому, чувствует себя в этой, не особенно чистой, позиции: сидит себе, охорашивается и брызжет кругом грязью. Хочет он, например, опровергнуть то положение, что история есть ряд эпизодов классовой борьбы, и вот, заявивши с глубокомысленным видом, что это – «крайность», он говорит: «Основанное Марксом международное общество рабочих, организованное в целях классовой борьбы, не помешало французским и немецким рабочим резать и разорять друг друга», чем, дескать, и доказывается, что материализм не свел счетов «с демоном национального самолюбия и национальной ненависти». Такое утверждение показывает со стороны критика грубейшее непонимание того, что очень реальные интересы торговой и промышленной буржуазии составляют главное основание этой ненависти и что толковать о национальном чувстве, как самостоятельном факторе, значит только замазывать сущность дела. Впрочем, мы уже видели, какое глубокомысленное представление о национальности имеет наш философ. Г. Михайловский не умеет отнестись иначе к Интернационалу^[35], как с чисто буренинской^[36] иронией: «Маркс – глава международного

⁵⁴ Это – чисто буржуазная идея: раздробленные, мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы.

общества рабочих, правда, распавшегося, но имеющего возродиться». Конечно, если видеть *plus ultra*⁵⁵ международной солидарности в системе «справедливого» обмена, как это с мещанской пошлостью размазывает хроникер внутренней жизни в № 2 «Русского Богатства», и не понимать того, что обмен, и справедливый и несправедливый, всегда предполагает и включает господство буржуазии и что без уничтожения хозяйственной организации, основанной на обмене, невозможно прекращение международных столкновений, – тогда понятно одно зубоскальство по поводу Интернационала. Тогда понятно, что г. Михайловский никак не может вместить той простой истины, что нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране, как соединение таких национальных рабочих организаций в одну международную рабочую армию для борьбы против международного капитала. Что же касается того, что Интернационал не помешал рабочим резать друг друга, то достаточно напомнить г. Михайловскому события Коммуны, показавшие действительное отношение организованного пролетариата к правящим классам, ведущим войну.

Что особенно возмутительно во всей этой полемике г. Михайловского, так это именно его приемы. Если он не доволен тактикой Интернационала, если он не разделяет тех идей, во имя которых организуются европейские рабочие, – пусть бы, по крайней мере, прямо и открыто критиковал их, излагая свои представления о более целесообразной тактике, о более правильных воззрениях. А то ведь никаких определенных, ясных возражений не делается, и только рассыпаются там и сям, среди разлитого моря фраз, бессмысленные издевки. Как же не назвать этого грязью? особенно если принять во внимание, что защита идей и тактики Интернационала легально в России не допускается? Таковы же приемы г. Михайловского, когда он полемизирует с русскими марксистами: не давая себе труда формулировать добросовестно и точно те или другие положения их, чтобы подвергнуть их прямой и определенной критике, он предпочитает уцепляться за слышанные им обрывки марксистской аргументации и перевернуть ее. Судите сами: «Маркс был слишком умен и слишком учен, чтобы думать, что именно он открыл идею исторической необходимости и законосообразности общественных явлений... На низших ступенях (марксистской лестницы⁵⁶) этого не знают (что «идея исторической необходимости есть не изобретенная или открытая Марксом новость, а давно установившаяся истина») или, по крайней мере, имеют смутное понятие о той вековой затрате умственных сил и энергии, которая пошла на установление этой истины».

Понятно, что подобные заявления могут действительно произвести впечатление на такую публику, которая в первый раз слышит о марксизме, и по отношению к ней легко может быть достигнута цель критика: исказить, поломаться и «победить» (как, говорят, отзываются о статьях г. Михайловского сотрудники «Р. Б – ва»). Всякий, хоть немного знакомый с Марксом, сразу увидит всю фальшь и дутость подобных приемов. Можно не соглашаться с Марксом, но нельзя оспаривать, что он с полнейшей определенностью формулировал те свои воззрения, которые составляли *новость* по отношению к прежним социалистам. Новость состояла в том, что прежние социалисты для обоснования своих воззрений считали достаточным показать угнетение масс при современном режиме, показать превосходство такого строя, при котором каждый получал бы то, что он сам выработал, показать соответ-

⁵⁵ Крайний предел. – *Ред.*

⁵⁶ По поводу этого бессмысленного термина надо заметить, что г. Михайловский выделяет особо Маркса (слишком умного и слишком ученого – чтобы наш критик мог прямо и открыто критиковать то или другое его положение"), затем ставит Энгельса («не столь творческий ум»), потом более или менее самостоятельных людей, как Каутский, – и остальных марксистов. Ну, какое серьезное значение может иметь эта классификация? Если критик недоволен популяризаторами Маркса, – кто мешает ему поправить их по Марксу? Ничего подобного он не делает. Очевидно, он покушался состричь, но вышло только плоско.

ствие этого идеального строя с «человеческой природой», с понятием разумно-нравственной жизни и т. д. Маркс считал невозможным удовлетвориться таким социализмом. Не ограничиваясь характеристикой современного строя, оценкой и осуждением его, он дал научное объяснение ему, сведя этот современный строй, различный в разных европейских и неевропейских государствах, к общей основе – к капиталистической общественной формации, законы функционирования и развития которой он подверг объективному анализу (он показал *необходимость* эксплуатации при этом строе). Точно так же не считал он возможным удовлетвориться утверждением, что социалистический строй один соответствует человеческой природе, – как говорили великие утопические социалисты и их мизерные эпигоны, субъективные социологи. Тем же *объективным* анализом капиталистического строя доказывал он *необходимость* его превращения в социалистический. (К вопросу о том, как именно он это доказывал и как г. Михайловский на это возражал – нам еще придется вернуться.) – Вот источник той ссылки на необходимость, которую часто можно встретить у марксистов. Извращение, которое г. Михайловский внес в вопрос, – очевидно: он опустил все фактическое содержание теории, всю ее суть и выставил дело в таком свете, как будто бы вся теория сводится к одному слову «необходимость» («на нее одну нельзя сослаться в сложных практических делах»), как будто *доказательство* этой теории состоит в том, что так требует историческая необходимость. Другими словами, умолчавши о содержании доктрины, он уцепился за одну ее кличку и теперь начинает опять ломаться над тем «просто плоским кружком», в который сам же потрудился превратить учение Маркса. Мы не станем, конечно, следить за этим ломаньем, потому что достаточно уже познакомились с этой вещью. Пускай себе кувырдается на потеху и удовольствие г. Буренина (который недаром погладил по головке г. Михайловского в «Новом Времени»^[371]), пускай себе, раскланявшись с Марксом, твякает на него исподтишка: «полемика-де его с утопистами и идеалистами и без того односторонняя», т. е. и без повторения ее доводов марксистами. Мы никак не можем иначе назвать этих выходов, как твяканьем, потому что *ни одного* буквально фактического, определенного, проверяемого возражения им не приведено против этой полемики, так что, – как ни охотно бы вступили мы в разговор на эту тему, считая эту полемику крайне важной для разрешения русских социалистических вопросов, – мы прямо-таки не в состоянии отвечать на твяканье и можем только пожалть плечами:

Аи, моська, знать она сильна, коль лает на слона!

Небезынтересно следующее за сим рассуждение г. Михайловского об исторической необходимости, так как оно вскрывает перед нами хотя отчасти действительный идейный багаж «нашего известного социолога» (звание, которым пользуется г. Михайловский наравне с г. В. В. у либеральных представителей нашего «культурного общества»). Он говорит о «конflikте между идеей исторической необходимости и значением личной деятельности»: общественные деятели заблуждаются, считая себя деятелями, тогда как они «деемые», «марионетки, подергиваемые из таинственного подполья имманентными законами исторической необходимости» – такой вывод следует, дескать, из этой идеи, которая посему и именуется «бесплодной» и «расплывающейся». Не всякому читателю, пожалуй, понятно, откуда взял всю эту чепуху – марионеток и т. п. – г. Михайловский. Дело в том, что это один из любимых коньков субъективного философа – идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он испытал об этом груды бумаги и наговорил бездну сентиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерми-

низма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей. Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность – и опять-таки г. Михайловский только походил кругом да около вопроса, не сделав даже попытки точно поставить его и попробовать дать то или иное решение. Социал-демократическое решение вопроса основывается, как известно, на том взгляде, что русские экономические порядки представляются буржуазным обществом, из которого может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя, – именно классовая борьба пролетариата против буржуазии. Очевидно, что серьезная критика и должна бы направиться либо против того взгляда, что наши порядки – буржуазные, либо против представления о сущности этих порядков и законов развития их, – но г. Михайловский и не помышляет о том, чтобы затрагивать серьезные вопросы. Он предпочитает отделяться бессодержательным фразерством насчет того, что необходимость – слишком общая скобка и т. п. Да, ведь, всякая идея будет слишком общей скобкой, г. Михайловский, если Вы наподобие вяленой воблы сначала выкинете из нее все содержание, а потом станете возиться с оставшейся шелухой! Эта область шелухи, покрывающей действительно серьезные, жгучие вопросы современности, – любимая область г. Михайловского, и он, например, с особенной гордостью подчеркивает, что «экономический материализм игнорирует или неверно освещает вопрос о героях и толпе». Извольте ли видеть – вопрос о том, из борьбы каких именно классов и на какой почве складывается современная русская действительность – для г. Михайловского, вероятно, слишком общий – и он его обходит. Зато вопрос о том, какие отношения существуют между героем и толпой, безразлично – есть ли это толпа рабочих, крестьян, фабрикантов, помещиков, – такой вопрос его крайне интересует. Может быть, это и «интересные» вопросы, но упрекать материалистов в том, что они направляют все усилия на решение таких вопросов, которые имеют прямое отношение к освобождению трудящегося класса, – значит быть любителем филистерской науки, и ничего больше. В заключение своей «критики» (?) материализма г. Михайловский дает нам еще одну попытку неверно представить факты и еще одну подтасовку. Выразивши сомнение в правильности мнения Энгельса, что «Капитал» был замалчиваем присяжными экономистами^[38] (причем в обоснование приведено такое курьезное соображение, что в Германии многочисленные университеты!), г. Михайловский говорит: «Маркс отнюдь не имел в виду именно этот круг читателей (рабочих) и ожидал кое-чего и от людей науки». Совершенно неверно: Маркс прекрасно понимал, как мало можно рассчитывать на беспристрастие и на научную критику со стороны буржуазных представителей науки, и в послесловии ко 2-му изданию «Капитала» высказался на этот счет совершенно определенно. Он говорит там: «Понимание, которое быстро встретил «Капитал» в широких кругах немецкого рабочего класса, – есть лучшая награда за мой труд. Г-н Мейер, человек, стоящий в экономических вопросах на буржуазной точке зрения, в одной брошюре, вышедшей во время франко-

прусской войны, изложил совершенно верную мысль, что выдающиеся способности к теоретическому мышлению (*der grosse theoretische Sinn*), считавшиеся наследственным достоянием немцев, совершенно исчезли у так называемых образованных классов, но зато снова оживают у них в рабочем классе»^[39].

Подтасовка касается снова материализма и построена совершенно по первому шаблону. «Теория (материализма) никогда не была научно обоснована и проверена». Таков тезис. – Доказательство: «Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже (как и в почтенной работе Блоса) могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как (заметьте: «так как»!) на деле (*sic!*) в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической струны в этом аккорде». Вывод...: «в науке экономический материализм не оправдал себя».

Знакомая штука! Чтобы доказать необоснованность теории, г. Михайловский сначала извращает ее, приписав ей нелепое намерение не принимать в соображение всей совокупности общественной жизни, – тогда как, совсем напротив, материалисты (марксисты) были первыми социалистами, выдвинувшими вопрос о необходимости анализа не одной экономической, а всех сторон общественной жизни⁵⁷{133}{134}, – затем констатирует, что «на деле» материалисты «хорошо» объясняли всю совокупность общественной жизни экономикой (факт, очевидно, побивающий автора) – и, наконец, делает вывод о том, что материализм «не оправдал себя». Но зато подтасовки ваши, г. Михайловский, прекрасно оправдали себя!

Вот все, что приводит г. Михайловский в «опровержение» материализма. Повторяю, тут нет никакой критики, а есть пустая претенциозная болтовня. Если спросить кого угодно – какие же возражения привел г. Михайловский против того взгляда, что производственные отношения лежат в основе остальных? чем опровергал он правильность выработанного Марксом посредством материалистического метода понятия общественной формации и естественно-исторического процесса развития этих формаций? как доказывал неверность приведенных хотя бы теми писателями, которых он называл, материалистических объяснений различных исторических вопросов? – всякий должен будет ответить: никак не возражал, ничем не опровергал, никаких неверностей не указывал. Он только ходил кругом да около, стараясь замазать суть дела фразами, и сочинял попутно разные пустяковинные увертки.

Трудно ждать чего-нибудь серьезного от такого критика, когда он продолжает в № 2 «Р. Б – ва» опровергать марксизм. Разница вся в том, что его изобретательность на подтасовки уже истощилась и он начинает пользоваться чужими.

Для начала он разглагольствует о «сложности» общественной жизни: вот, дескать, хотя бы гальванизм связывается и с экономическим материализмом, так как опыты Гальвани

⁵⁷ Это вполне ясно выразилось в «Капитале» и в тактике социал-демократов, сравнительно с прежними социалистами. Маркс прямо заявлял требование не ограничиваться экономической стороной. В 1843 г., намечая программу предполагавшегося журнала^[133], Маркс писал к Руге: «Социалистический принцип в целом представляет собой опять-таки только одну сторону... Мы же должны обратить такое же внимание и на другую сторону, на теоретическое существование человека, следовательно, сделать предметом своей критики религию, науку и пр. ... Подобно тому, как *религия* представляет оглавление теоретических битв человечества, *политическое государство* представляет оглавление практических битв человечества... Таким образом, политическое государство выражает в пределах своей формы *sub specie rei publicae* (под политическим углом зрения) все социальные битвы, потребности, интересы. Поэтому сделать предметом критики самый специальный политический вопрос – например, различие между сословной и представительной системой – нисколько не значит спуститься с *hauteur des principes* (с высоты принципов. – *Ред.*), так как этот вопрос выражает *политическим* языком различие между господством человека и господством частной собственности. Значит, критик не только может, но и должен касаться этих политических вопросов (которые завязанному социалисту кажутся не стоящими никакого внимания)»^[134]

{133} Имеется в виду журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-Французский Ежегодник»), который издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел только первый, двойной, выпуск журнала в феврале 1844 года. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге.

{134} См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 379–380.

«произвели впечатление» и на Гегеля. Удивительное остроумие! С таким же успехом можно бы связать и г. Михайловского с китайским императором! Что отсюда следует, кроме того, что есть люди, которым доставляет удовольствие говорить вздор?!

«Сущность исторического хода вещей, – продолжает г. Михайловский, – неуловимая вообще, не уловлена и доктриной экономического материализма, хотя она опирается, по-видимому, на 2 устоя: на открытие всеопределяющего значения форм производства и обмена и на непререкаемость диалектического процесса».

Итак, материалисты опираются на «непререкаемость» диалектического процесса! т. е. основывают свои социологические теории на триадах Гегеля^[40]. Мы имеем перед собой то шаблонное обвинение марксизма в гегелевской диалектике, которое уже, казалось, достаточно истрепано буржуазными критиками Маркса. Не будучи в состоянии возразить что-нибудь по существу против доктрины, эти господа уцеплялись за способ выражения Маркса, нападали на происхождение теории, думая тем подорвать ее сущность. И г. Михайловский не церемонится прибегать к подобным приемам. Поводом для него послужила одна глава в сочинении Энгельса против Дюринга^[41]. Возражая Дюрингу, нападавшему на диалектику Маркса, Энгельс говорит, что Маркс никогда и не помышлял о том, чтобы «доказывать» что бы то ни было гегелевскими триадами, что Маркс только изучал и исследовал действительный процесс, что он единственным критерием теории признавал верность ее с действительностью. Если же, дескать, при этом иногда оказывалось, что развитие какого-нибудь общественного явления подпадало под гегелевскую схему: положение – отрицание – отрицание отрицания, то ничего тут нет удивительного, потому что в природе это вообще не редкость. И Энгельс начинает приводить примеры из области естественно-исторической (развитие зерна) и общественной – вроде того, что-де сначала был первобытный коммунизм, затем – частная собственность и потом – капиталистическое обобществление труда; или сначала примитивный материализм, потом – идеализм и, наконец, – научный материализм и т. п. Для всякого очевидно, что центр тяжести аргументации Энгельса лежит в том, что задача материалистов – правильно и точно изобразить действительный исторический процесс, что настаивание на диалектике, подбор примеров, доказывающих верность триады, – не что иное, как остатки того гегельянства, из которого вырос научный социализм, остатки его способа выражений. В самом деле, раз заявлено категорически, что «доказывать» триадами что-нибудь – нелепо, что об этом никто и не помышлял, – какое значение могут иметь примеры «диалектических» процессов? Не ясно ли, что это – указание на происхождение доктрины и ничего больше. Г-н Михайловский сам чувствует это, говоря, что происхождение теории не доводится ставить ей в вину. Но чтобы видеть в рассуждениях Энгельса нечто большее, чем происхождение теории, надо было бы, очевидно, доказать, что хоть один исторический *вопрос* разрешен материалистами не на основании соответствующих фактов, а посредством триад. Попытался ли доказать это г. Михайловский? Ничуть не бывало. Напротив, он сам вынужден был признать, что «Маркс до такой степени наполнил пустую диалектическую схему фактическим содержанием, что ее можно снять с этого содержания, как крышку с чашки, ничего не изменив» (об исключении, которое делает тут г. Михайловский, – насчет будущего – мы еще ниже скажем). Если так, то к чему же возится г. Михайловский с таким усердием с этой ничего не изменяющей крышкой? К чему толкует, что материалисты «опираются» на непререкаемость диалектического процесса? К чему заявляет он, воюя с этой крышкой, что он воюет против одного из «устоев» научного социализма, тогда как это прямая неправда?

Само собой разумеется, что я не стану следить за тем, как разбирает г. Михайловский примеры триад, потому что, повторяю, никакого отношения ни к научному материализму, ни к русскому марксизму это не имеет. Но интересен вопрос: какие же все-таки были основания у г. Михайловского, чтобы так исказить отношение марксистов к диалектике? Оснований

было два: во-первых, г. Михайловский слышал звон, да не понял, откуда он; во-вторых, г. Михайловский совершил (или, вернее, присвоил от Дюринга) еще одну передержку.

Ad 1)⁵⁸. Читая марксистскую литературу, г. Михайловский постоянно натывался на «диалектический метод» в общественной науке, на «диалектическое мышление» опять-таки в сфере общественных вопросов (о которой только и идет речь) и т. п. В простоте душевной (хорошо еще если только в простоте) он принял, что этот метод состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хоть чуточку повнимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления. Диалектическим методом – в противоположность метафизическому – Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития. Отношение диалектического метода к метафизическому (под какое понятие подходит, без сомнения, и субъективный метод в социологии) мы ниже постараемся иллюстрировать на примере собственных рассуждений г. Михайловского. Теперь же отметим только, что всякий, прочитавший определение и описание диалектического метода у Энгельса ли (в полемике против Дюринга. По-русски: «Развитие социализма из утопии в науку») или у Маркса (различные примечания в «Капитале» и «Послесловие» ко 2-му изданию; «Нищета философии»)⁴²¹, – увидит, что о триадах Гегеля и речи нет, а все дело сводится к тому, чтобы рассматривать социальную эволюцию как естественно-исторический процесс развития общественно-экономических формаций. В доказательство приведу, *in extenso*⁵⁹, описание диалектического метода, сделанное в «Вестнике Европы» за 1872 г., № 5 (заметка: «Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса»)⁴³¹, которое Маркс цитирует в «Послесловии» ко 2-му изданию «Капитала». Маркс говорит там, что метод, который он употребил в «Капитале», был плохо понят. «Немецкие рецензенты кричали, понятно, о гегелевской софистике». И вот, чтобы яснее изложить свой метод, Маркс приводит описание его в указанной заметке. Для Маркса одно важно – говорится там: именно – найти закон тех явлений, которые он исследует, и притом особенно важен для него закон изменения, развития этих явлений, перехода их из одной формы в другую, из одного порядка общественных отношений в другой. Поэтому Маркс заботится об одном: показать точным научным исследованием необходимость данных порядков общественных отношений, констатируя со всей возможной полнотой те факты, которые служат для него исходными и опорными пунктами. Для этой цели совершенно достаточно, если он, доказывая необходимость настоящего строя, доказывает вместе с тем и необходимость другого строя, который неизбежно должен вырасти из предыдущего, – все равно, верят ли люди в это или не верят, сознают ли они это или не сознают. Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения. (К сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами.) Если сознательный элемент играет столь подчиненную роль в истории культуры, то понятно само собой, что критика, имеющая своим предметом самое эту культуру, менее всего другого может опираться на какую-либо форму или какой-либо результат сознания. Другими словами, исходным пунктом для нее может служить никак не идея, но

⁵⁸ К 1-му пункту. – *Ред.*

⁵⁹ Полностью, целиком. – *Ред.*

только внешнее, объективное явление. Критика должна состоять в том, чтобы сравнить и сопоставить данный факт не с идеей, а с другим фактом; для нее важно только, чтобы оба факта были по возможности точно исследованы и чтобы они представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, причем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития. Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего. Напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы. Экономическая жизнь представляет из себя явление, аналогичное с историей развития в других областях биологии. Прежние экономисты не понимали природы экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии. Более глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений. Ставя своей задачей с этой точки зрения исследовать капиталистическую экономическую организацию, Маркс этим самым строго научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом.

Вот – описание диалектического метода, которое Маркс выудил из бездны журнальных и газетных заметок о «Капитале» и перевел на немецкий язык потому, что эта характеристика метода, как он сам говорит, совершенно точна. Спрашивается, упоминается ли тут хоть бы словом о триадах, трихотомиях, непререкаемости диалектического процесса и т. п. чепухе, против которой так рыцарски воюет г. Михайловский? И Маркс вслед за этим описанием прямо говорит, что его метод – «прямо противоположен» методу Гегеля. По Гегелю, развитие идеи, по диалектическим законам триады, определяет собой развитие действительности. Только в этом случае, разумеется, и можно толковать о значении триад, о непререкаемости диалектического процесса. По-моему – наоборот – говорит Маркс: «идеальное есть только отражение материального». И все дело сводится таким образом к «позитивному пониманию настоящего и его необходимого развития»: для триад не остается и другого места, как роль крышки и шелухи («я кокетничал гегелевским языком», – говорит Маркс в этом же послесловии), которой способны интересоваться одни филистеры. Как же, спрашивается теперь, должны мы судить о человеке, который пожелал критиковать один из «устоев» научного материализма, т. е. диалектику, и стал говорить обо всем, что вам угодно, даже о лягушках и Наполеоне, но только не о том, в чем состоит эта диалектика, не о том, действительно ли развитие общества есть естественно-исторический процесс? правильно ли материалистическое понятие об общественно-экономических формациях, как особых социальных организмах? верны ли приемы объективного анализа этих формаций? действительно ли общественные идеи не определяют собой общественного развития, а сами определяются им? и т. д. Можно ли допустить в этом случае одно только непонимание?

Ad 2)⁶⁰ ... После такой «критики» диалектики г. Михайловский подсовывает Марксу эти приемы доказывания «посредством» гегелевской триады и, конечно, победоносно воюет против них. «Относительно будущего, – говорит он, – имманентные законы общества поставлены исключительно диалектически». (В этом и состоит упомянутое выше исключение.) Рассуждение Маркса о неизбежности экспроприации экспроприаторов в силу законов развития капитализма носит «исключительно диалектический характер». «Идеал» Маркса об общинности земли и капитала – «в смысле неизбежности и несомненности держится исключительно на конце гегелевской трехчленной цепи».

⁶⁰ Ко 2-му пункту. – *Ред.*

Этот довод *целиком* взят у Дюринга, проводившего его в своей «Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Sozialismus» (3-te Aufl., 1879. S. 486–487)⁶¹. При этом г. Михайловский ни словом не упоминает о Дюринге. Может быть, впрочем, он самостоятельно додумался до этого перевирания Маркса?

Дюрингу прекрасный ответ дал Энгельс, и так как он цитирует и критику Дюринга, то мы и ограничимся этим ответом Энгельса^[44]. Читатель увидит, что он целиком относится и к г. Михайловскому.

««Этот исторический очерк (генезис так называемого первоначального накопления капитала в Англии), – говорит Дюринг, – представляет из себя еще сравнительно лучшее место в книге Маркса и был бы еще лучше, если бы не опирался, помимо научных, еще и на диалектические костыли. Гегелевское отрицание отрицания играет здесь – за неимением лучших и более ясных доводов – роль повивальной бабки, благодаря услугам которой будущее высвобождается из недр прошедшего. Уничтожение индивидуальной собственности, совершившееся указанным образом с 16 века, представляет из себя первое отрицание. За ним последует другое, которое характеризуется как отрицание отрицания и вместе с тем как восстановление «индивидуальной собственности», но в высшей форме, основанной на общем владении землей и орудиями труда. Если эта новая «индивидуальная собственность» в то же время называется г-ном Марксом и «общинной собственностью», то в этом именно и сказывается гегелевское высшее единство, в котором противоречие устраняется (aufgehoben – специально гегелевский термин), т. е., по гегелевской игре слов, столько же превосходится, сколько и сохраняется.

⁶¹ «Критическая история национальной экономики и социализма» (3-е изд., 1879. Стр. 486–487). – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Статья «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни. По поводу книги В. Е. Постникова – «Южно-русское крестьянское хозяйство является наиболее ранней из всех дошедших до нас работ В. И. Ленина. Она была написана в Самаре весной 1893 года и читалась в рукописи в кружках самарской марксистской молодежи. Ленин предполагал напечатать ее в издававшемся в Москве либеральном журнале «Русская Мысль», но статья была отклонена редакцией «как неподходящая к направлению журнала». В письме 30 мая 1894 года Ленин по данному вопросу сообщал: «Я даже имел наивность посылать ее в «Русскую Мысль», откуда получил, конечно, отказ: вполне понятно мне это стало, когда я прочитал в № 2 «Русской Мысли» статью о Постникове «нашего известного» либерального пошляка, г. В. В. Нужно же ведь иметь такое искусство, чтобы совершенно изуродовать прекрасный материал и замазать все факты фразерством!» (Ленинский сборник XXXIII, 1940, стр. 17).

2.

Земская статистика – статистика, организованная земскими учреждениями. Статистические отделения, бюро, комиссии при губернских и уездных земских управах проводили статистические исследования (подворные переписи крестьянских и промысловых хозяйств, определение доходности земель, переоценка земель и имущества, облагаемых земскими сборами, изучение крестьянских бюджетов и т. д.) и выпускали многочисленные обзоры и статистические сборники по уездам и губерниям, содержавшие богатый фактический материал.

3.

Имеется в виду сборник «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики»: том I – В. В. «Крестьянская община», Москва, 1892 г.; том II – Н. Карышев. «Крестьянские внеа-дельные аренды», Дертт, 1892 г. Обе работы – либерально-народнического направления.

4.

Община (земельная) в России – форма совместного крестьянского землепользования, характеризовавшаяся принудительным севооборотом, нераздельными лесами и пастбищами. Важнейшими признаками русской земельной общины были круговая порука (принудительная коллективная ответственность крестьян за своевременное и полное внесение денежных платежей и выполнение всякого рода повинностей в пользу государства и помещиков), систематический передел земли и отсутствие права отказа от земли, запрещение купли и продажи земли.

5.

Ревизские души – мужское население крепостной России, подлежащее обложению подушной податью (главным образом крестьяне и мещане) и с этой целью учитывавшееся особыми переписями (так называемыми «ревизиями»). Такие «ревизии» проводились в России с 1718 года; в 1857–1859 годах была проведена последняя, десятая, «ревизия». По ревизским душам в ряде районов происходили переделы земли внутри сельских общин.

6.

Меннониты – сектанты, выходцы из Западной Европы, переселившиеся в Россию в конце XVIII века. Они получили свое название по имени основателя секты – голландца

Менно Симонса. Меннониты обосновывались главным образом в Екатеринославской и Таврической губерниях. Меннонитские колониетские хозяйства в большинстве своем были зажиточными, кулацкими хозяйствами.

7.

«Крестьянская реформа» 1861 года – реформа, отменившая крепостное право в России, была проведена царским правительством в интересах крепостников-помещиков. Необходимость реформы обуславливалась всем ходом экономического развития страны и ростом массового крестьянского движения против крепостнической эксплуатации. «Крестьянская реформа» была буржуазной реформой. Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма, обусловила капиталистическое содержание реформы, и «это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер дани крепостникам» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 95). «Крестьянская реформа» была шагом на пути превращения России в буржуазную монархию. 19 февраля 1861 года Александр II подписал Манифест и «Положения» о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Всего было «освобождено» 22,5 млн. помещичьих крестьян. Однако помещичье землевладение было сохранено. Крестьянские земли объявлялись собственностью помещика. Крестьянин мог получить надел земли лишь по установленной законом норме (и то с согласия помещика), за выкуп. Последний выплачивался крестьянами царскому правительству, которое выплатило установленную сумму помещикам. По приблизительным подсчетам, земли у дворян после реформы было 71,5 млн. дес, у крестьян – 33,7 млн. дес. Благодаря реформе помещики отрезали себе свыше Vs в даже $2/s$ крестьянской земли.

8.

В рукопись вкрались отдельные неточности в иллюстративном расчете: всего посева получается 1651 десятина; размер предъявляемого рынку денежного спроса, считая только хозяйства с посевом более 5 дес. на двор, составляет 22498 руб. Посевная площадь хозяйств с посевом более 5 десятин на двор составит 1603 десятины. Однако эти неточности не оказывают влияния на общие выводы.

9.

Супруга – старинная элементарная форма совместной работы деревенской бедноты, при которой несколько крестьянских дворов объединяли рабочий скот и другие средства производства для выполнения сельскохозяйственных работ. В. И. Ленин во второй главе книги «Развитие капитализма в России» называет супругу «кооперацией падающих хозяйств, вытесняемых крестьянской буржуазией» (Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 56).

10.

Сельская расправа – специальный суд для государственных крестьян, учрежденный в царской России по положению 1838 года, в составе сельского старшины (председатель) и двух выбранных крестьян. Сельская расправа, будучи судом первой инстанции, рассматривала незначительные гражданские дела и проступки, присуждала к штрафам, принудительным работам и наказанию розгами. Второй инстанцией сельского суда являлась волостная расправа. В 1858 году волостные и сельские расправы были упразднены, однако сам термин «расправа» продолжал бытовать для низших сельских судов.

11.

Длинноземелье – растянутые на многие километры (иногда на 25–30 километров в каждую сторону) наделные крестьянские земли. Длинноземелье часто встречалось в южных и восточных степных районах России, где преобладали крупные селения, насчитывавшие по нескольку сот крестьянских дворов (описание длинноземелья см. в книге В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство». М., 1891, глава III. Крестьянское длинноземелье, стр. 69–105).

12.

Уездные присутствия по крестьянским делам были созданы в царской России в 1874 году для надзора за сельскими и волостными органами «крестьянского общественного управления». Возглавляемые уездными предводителями дворянства присутствия состояли из исправников, мировых судей и председателей уездных земских управ. Уездные присутствия по крестьянским делам подчинялись губернским присутствиям, во главе которых стояли губернаторы.

13.

Речь идет о голоде 1891 года, который с особой силой охватил восточные и юго-восточные губернии России. По своим размерам голод 1891 года превышал все предшествовавшие ему аналогичные стихийные бедствия в стране. Голод, принесший трудящемуся населению невероятные бедствия, вызвал массовое разорение крестьян и вместе с тем ускорил процесс создания внутреннего рынка для развития капитализма в России (о голоде 1891 года в России см. в статье Ф. Энгельса «Социализм в Германии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 253–254, а также В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 135, 488).

14.

Работа В. И. Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках» написана в Петербурге осенью 1893 года.

15.

Сверхстоимость – прибавочная стоимость (Mehrwert по Марксу). В работах 90-х годов В. И. Ленин употреблял термин «сверхстоимость» наряду с термином «прибавочная стоимость». Позднее он пользовался только термином «прибавочная стоимость».

16.

Схема расширенного воспроизводства с учетом технического прогресса дается точно по рукописи В. И. Ленина; имеющиеся в ней отдельные цифровые неточности не влияют на ход рассуждений и общие выводы.

17.

В графе «Средства производства для средств потребления» приводится полная сумма $I (v + m)$, которая включает часть, предназначенную для накопления. Следует иметь в виду, что часть вновь созданной стоимости в 1-ом подразделении воплощается в орудиях и материалах, представляющих собой не средства производства для II-го подразделения, а дополнительные (сверх возмещения) средства производства для 1-го подразделения. Какая часть произведенных средств производства предназначена для II-го подразделения и какая часть остается в 1-ом, – об этом можно судить по величине постоянного капитала, фактически функционирующего в обоих подразделениях в следующем году.

18.

Исправлены арифметические неточности. В рукописи было ошибочно написано 7014 и 28275. В. И. Ленин исправил эту опisku в книге «Развитие капитализма в России» (см. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 61).

19.

Исправлена арифметическая неточность. В рукописи было ошибочно написано 149 703.

20.

Книга В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)» написана в 1894 году (первый выпуск был закончен в апреле, второй и третий – летом). Ленин начал работать над книгой в Самаре в 1892–1893 годах. В самарском кружке марксистов он читал рефераты, в которых подвергал резкой критике противников марксизма – либеральных народников: В. В. (Воронцова), Михайловского, Южакова, Кривенко. Эти рефераты явились подготовительным материалом к книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

21.

«Русское Богатство» – ежемесячный журнал, выходил в Петербурге с 1876 до середины 1918 года. С начала 90-х годов журнал стал органом либеральных народников и редактировался С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловским. Журнал проповедовал примирение с царским правительством и вел ожесточенную борьбу против марксизма и русских марксистов. В литературном отделе журнала печатались прогрессивные писатели – В. В. Вересаев, В. М. Гаршин, А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский и др.

22.

Имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», напечатанная в журнале «Русское Богатство» № 10 за 1893 год. Эта статья вызвала отклики со стороны марксистов в виде писем к автору статьи. Часть писем напечатана в журнале «Былое» № 23 за 1924 год.

23.

Имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», которая была напечатана в журнале «Отечественные Записки» № 10, октябрь 1877 года.

24.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955. Предисловие к первому немецкому изданию, стр. 8.

25.

Имеется в виду работа К. Маркса «К критике гегелевской философии права», написанная Марксом в Крейцнахе летом 1843 года. В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится незаконченная рукопись этой работы, в которой дается развернутый критический анализ §§ 261–313 работы Гегеля «Основы философии права». Маркс намеревался подготовить к печати и опубликовать свой обширный труд «К критике гегелевской философии права» вслед за появившимся в «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-Французском Ежегоднике») в 1844 году «Введением» к этой работе. Однако осуществить это намерение Марксу не удалось. Впервые на языке оригинала рукопись Маркса была опубликована Институтом марксизма-ленинизма в 1927 году (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 219–368, 414–429).

26.

В. И. Ленин цитирует предисловие к «К критике политической экономии». В статье «Карл Маркс» (1914) В. И. Ленин дает новый перевод приведенной цитаты (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 321–323).

27.

«Contrat social» («Общественный договор») – одна из основных работ Жан-Жака Руссо. Полное название произведения: «Du Contrat social; ou, Principes du droit politique» («Об общественном договоре, или Принципы политического права»); издана в Амстердаме в 1762 году; переведена на русский язык в 1906 году. Основная идея этой работы – утверждение, что всякий общественный строй должен являться результатом свободного соглашения, договора между людьми. Будучи идеалистической в своей основе, теория «общественного договора», выдвинутая накануне французской буржуазной революции XVIII века, сыграла тем не менее революционную роль. Она была выражением требований буржуазного равенства, призывом к уничтожению феодальных сословных привилегий и установлению буржуазной республики.

28.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 378.

29.

Письмо Карла Маркса в редакцию «Отечественных Записок» было написано в конце 1877 года в связи со статьей Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского». Это письмо было переписано и отправлено в Россию Ф. Энгельсом после смерти Маркса. По свидетельству Энгельса, оно «долгое время циркулировало в России в рукописных копиях с французского оригинала, а затем было опубликовано в русском переводе в «Вестнике Народной Воли» (№ 5. – Ред.), в 1886 году, в Женеве, а позднее и в самой России. Письмо это, как и все, что выходило из-под пера Маркса, обратило на себя большое внимание в русских кругах» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 396). В России письмо Маркса впервые было напечатано в журнале «Юридический Вестник» № 10 за 1888 год (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 313–316).

30.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (Отдел второй. Политическая экономия. Глава первая. Предмет и метод), 1957, стр. 140.

31.

Упомянутое здесь сочинение – «Немецкая идеология» – совместное произведение К. Маркса и Ф. Энгельса, над которым они работали в 1845–1846 годах.

32.

См. Ф. Энгельс. Предисловие к первому немецкому изданию работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 161).

33.

Гентильная, родовая организация общества – первобытнообщинный строй, или первая в истории человечества общественно-экономическая формация. Возникновение родового строя хронологически совпало с завершением формирования типа современного человека. Родовая община представляла собой коллектив кровных родственников, объединенных хозяйственными и общественными связями. В своем развитии родовой строй прошел два периода: матриархат и патриархат. Патриархат завершился превращением первобытного общества в классовое и возникновением государства. Основой производственных отношений первобытнообщинного строя являлись общественная собственность на средства производства и уравнительное распределение продуктов. Это в основном соответствовало низкому уровню развития производительных сил и их характеру в тот период. Каменные орудия, а затем лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку.

34.

Поместная система – особая система феодального землевладения, которая возникла и утвердилась в

35.

/ Интернационал – Международное Товарищество Рабочих, первая международная организация пролетариата, основанная К. Марксом в 1864 году на международном рабочем собрании в Лондоне, созванном английскими и французскими рабочими. Создание I Интернационала – результат упорной многолетней борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса за революционную партию рабочего класса. Как отмечал В. И. Ленин, I Интернационал «заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал», «заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм» (Сочинения, 4 изд., том 29, стр. 280, 281).

36.

В. И. Ленин употребляет имя В. Буренина, сотрудника реакционной газеты «Новое Время», в нарицательном смысле для обозначения нечестных методов полемики.

37.

«Новое Время» – ежедневная газета, выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно либеральная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года – орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции газета полностью поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет.

38.

См. Ф. Энгельс. Предисловие к первому изданию работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 160).

39.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 11.

40.

Триада (греч. *trias*) в философии – формула трехступенчатого развития. Впервые идея трехступенчатого развития была высказана древнегреческими философами неоплатониками, в частности Проклом. Она нашла свое выражение в работах немецких философов-идеалистов: Фихте и Шеллинга. Триада получила наиболее всестороннее развитие в идеалистической философии Гегеля, который считал, что всякий процесс развития проходит три ступени: тезис, антитезис, синтез. Вторая ступень означает отрицание первой, и переход к ней является превращением в противоположность; третья ступень является отрицанием второй, т. е. отрицанием отрицания; она по существу означает возврат к исходной форме, только обогащенной новым содержанием и на новой более высокой основе. Гегелевская триада – это схема, под которую искусственно подгонялась действительность; произвольное конструирование схемы триады искажало действительное развитие природы и общества. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, высоко оценивая рациональные моменты диалектики Гегеля, критически переработали его диалектический метод и создали материалистическую диалектику, которая отражает наиболее общие законы развития объективного мира и человеческого мышления.

41.

См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг» (Отдел первый. Философия. Глава тринадцатая. Диалектика. Отрицание отрицания).

42.

Систематическое изложение и дальнейшее развитие марксистского диалектического метода дано в произведениях В. И. Ленина: «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Карл Маркс» и другие.

43.

Автор заметки (И. К – н) – профессор Петербургского университета И. И. Кауфман. Заметка оценена Марксом как одно из удачных изложений диалектического метода (см. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955. Послесловие ко второму изданию, стр. 17–19).

44.

В. И. Ленин приводит ниже в тексте (на страницах 169–174 настоящего тома) в собственном переводе отрывок из работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (Отдел первый. Философия. Глава тринадцатая. Диалектика. Отрицание отрицания). См. в издании Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1957, стр. 121–126.

127.

В. И. Ленин исправил в таблице ошибки В. Е. Постникова в суммарных цифрах: 1 476 на 1 453; 10 107 на 10 057; 4 595 на 4 593 (см. настоящий том, стр. 541).

128.

«Русская Мысль» – ежемесячный журнал либерально-народнического направления; выходил в Москве с 1880 года. В 90-х годах во время полемики марксистов с либеральными народниками редакция журнала, оставаясь на народнических позициях, иногда предоставляла страницы журнала для статей марксистов. В отделе художественной литературы журнала печатались прогрессивные писатели – А. М. Горький, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др.

129.

«Вестник Европы» – ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 года по 1918 год. В журнале печатались статьи против революционных марксистов.

130.

См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 439.

131.

См. К. Маркс. «Капитал», т. I, 1955, стр. 113.

132.

См. К. Маркс. «Капитал», т. II, 1955, стр. 314 (примечание 32).

133.

Имеется в виду журнал «Deutsch-Französische Jahrbücher» («Немецко-Французский Ежегодник»), который издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел только первый, двойной, выпуск журнала в феврале 1844 года. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге.

134.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 1, стр. 379–380.